

Изъ области киргизскихъ вѣрованій.

Нечистыя силы и злые духи.

Кому нѣсколько разъ приходилось побывать въ степи, тотъ не могъ не замѣтить, какъ сильна среди киргизъ вѣра въ существованіе злыхъ духовъ, — джинновъ, албасты и прочихъ нечистыхъ силъ, которымъ они приписываютъ происхожденіе разнаго рода болѣзней и недуговъ.

Вѣрованіе въ джинновъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ въ Азіи и происхожденіе самого названія ихъ, по мнѣнію Валя, нужно искать тамъ же ¹⁾. Слѣды этого названія означенный авторъ находитъ въ древнѣйшихъ языкахъ Азіи, въ словахъ, которыя служатъ для обозначенія понятій: произведенія, творенія, созданія, живущаго, духовнаго, одареннаго умомъ существа, скрытаго отъ глаза или невидимаго и пр.; такъ въ санскритскомъ языкѣ „джаннъ“ значитъ быть произведеннымъ, созданнымъ, рожденнымъ; джиннъ — знаніе, умъ, мудрость, духъ, мудрецъ, многомудрый; джиннъ — нѣжный, кроткій, добрый и т. п. Наконецъ, этотъ авторъ сближаетъ слово „джиннъ“ съ латинскимъ „genius“. По мнѣнію г. Машанова, этимологія этого слова заключаетъ намекъ на какую то скрытую силу, недоступную для непосредственнаго воспріятія. Шпренгеръ въ своемъ трудѣ „Das Leben und die Lehre des Mahammad“ (Bd. 1 p. 229) полагаетъ, что слово „джиннъ“ происходитъ отъ гл. покрывать и значитъ „покровъ, плащъ“.

Вѣрованіе въ джинновъ было сильно распространено среди арабовъ въ до-исламскій періодъ; на что указываетъ и Коранъ, гдѣ говорится, что арабы-многобожники поклонялись джиннамъ (гл. 6, ст. 100; гл. 34, ст. 40; гл. 37, ст. 158). Въ 15-й главѣ ст. 27 сказано, что джинны созданы Богомъ изъ огня, а 55 главы ст. 14 гласитъ, что джинны созданы раньше человѣка изъ чистаго пламени огня для поклоненія Ему ²⁾. Послѣ своего паденія они стали вводить людей въ заблужденіе, какъ видно изъ ст. 29 гл. 41 Корана; но Богъ, избравъ

¹⁾ Wahl. Der Koran, p. 632—634.

²⁾ Мулла Абдрахманъ Мачлевъ дѣлаетъ нѣкоторое различіе между „джаннъ“ и „джиннъ“. По его толкованію, джаннъ есть отецъ джинновъ.

среди нихъ преданныхъ себѣ слугъ, посылалъ ихъ къ людямъ, чтобы проповѣдывать объ истинной (исламской) вѣрѣ. Скоро нѣкоторые изъ нихъ поняли свою ошибку и приняли истинную вѣру: другіе же остались въ прежнемъ своемъ заблужденіи. Вотъ почему есть джинны вѣрующіе, или мусульмане, и джинны невѣрующіе (гл. 72, ст. 11, 14 и 15). Нѣкоторые изъ нихъ приняли мусульманство послѣ того, какъ познакомились съ Кораномъ (гл. 72, ст. 1—5; гл. 46, ст. 28—30)¹⁾; другіе, нераскаившіеся, продолжали совершать разныя преступленія, за что были наказаны Богомъ: одни изъ нихъ горятъ въ адскомъ огнѣ, служа для него дровами (гл. 72, ст. 15); другіе (гл. 55, ст. 33—35; гл. 72, ст. 8—9), обладая силой воли, стараются проникнуть въ небесныя сферы, чтобы подслушать разговоры небожителей: но ангелы, охраняющіе небо, отгоняютъ ихъ раскаленными камнями (гл. 15, ст. 17 и 18)²⁾. Не смотря на то, что джинны—вредоносныя существа, однако, не всѣмъ людямъ они могутъ причинять зло. Чтобы избавиться отъ нихъ, нужно употреблять разныя заклинанія. Изъ Корана видно, что пророкъ Соломонъ держалъ джинновъ въ полномъ себѣ подчиненіи (гл. 27, ст. 17); они даже находились въ его войскѣ, строили и работали для него, дѣлая все, что онъ имъ приказывалъ (гл. 34, ст. 11—12); а кто изъ нихъ не слушался, того Богъ наказывалъ. Одинъ изъ джинновъ Гыфритъ³⁾ отличался особымъ могуществомъ и высказывалъ Соломону свою готовность принести къ нему тронъ Савской царицы раньше, чѣмъ Соломонъ встанетъ съ мѣста (гл. 27, ст. 38—39). Такимъ образомъ, вѣрованіе въ джинновъ было принято Мухаммедомъ и закрѣплено имъ въ Коранѣ. Съ нимъ-то оно и проникаетъ къ сосѣднимъ африканскимъ и азіатскимъ народамъ и въ частности къ киргизамъ, у которыхъ оно слилось съ древнимъ шаманскимъ культомъ.

Что современныя религіозныя возрѣнія киргизъ носятъ на себѣ отпечатокъ древняго языческаго міросозерцанія, видно изъ того, что въ большинствѣ явленій природы кочевникъ усматриваетъ вмѣшательство злыхъ духовъ. Болѣзни людей, падежъ скота, засуха, дождь, громъ, вѣтеръ, ураганъ порождаютъ извѣстные обряды, направленные къ тому, чтобы утратить или умилоостивить олицетворяемую имъ стихію, или изгнать злого духа изъ больного человѣка. Если вихрь несетъ на кибитку, киргизская женщина выходитъ къ нему на встрѣчу съ чашкой воды и брызгаетъ по его направленію, произнося заклинанія. Она убѣждена, что этимъ магическимъ дѣйствіемъ она заставитъ джинна, олицетвореннаго въ вихрь, повернуть въ сторону отъ ея кибитки. Заслышавъ первый весенній громъ, киргизская женщина схватываетъ скорѣе ковшъ и, выбѣжавъ

¹⁾ По мусульманскому преданію, однажды Мухамедъ принужденъ былъ переночевать въ пустынь; здѣсь явились къ нему джинны и слушали чтеніе Корана, причемъ многіе изъ нихъ увѣровали въ него. На это указываютъ ст. 1—5 гл. 72 Корана. *Примѣч. ред.*

²⁾ Раскаленные камни—падающія звѣзды. По мнѣнію Мухаммеда, падающія звѣзды суть ничто иное, какъ камни, которые ангелы кидаютъ въ джинновъ.

³⁾ Донсламическіе арабы различали довольно значительное количество разновидностей джинновъ, между которыми особенно замѣчательнъ по своей зловредности былъ гуль. *Примѣч. ред.*

изъ кибитки, бьетъ имъ по ней, при чемъ она непременно начинаетъ продѣлывать это съ правой стороны отъ входа въ кибитку. Исполнивъ этотъ обрядъ, она на нѣкоторое время привѣшиваетъ ковшъ на веревкѣ¹⁾. Если заболѣлъ человѣкъ, то значитъ, злой духъ вселился въ него; а поэтому вызывается баксы, который разными магическими приемами и заклинаніями изгоняетъ джинновъ и вылѣчиваетъ больного. Иногда случается, что джиннъ принимаетъ человѣкоподобный видъ или воплощается въ какое нибудь животное или чудовище, которое, обладая даромъ слова, вступаетъ въ сношенія съ человѣкомъ. Вотъ относящаяся сюда интересная сказка о „Злой женщинѣ и о нечистой силѣ“, напечатанная въ „Тургайской Газетѣ“ за 1897 г. въ № 140.

Никто не помнитъ, когда именно, — въ давно минувшее или недавнее время, — у одного смирнаго, добродушнаго и умнаго человѣка была очень злая и ревнивая жена. Она постоянно преслѣдовала своего мужа, бранила его и всегда дѣлала на-перекоръ его желаніямъ. Долго мучился бѣдный мужъ, стараясь всѣми силами достигнуть спокойной жизни, но никакъ ему не удавалось это. Испробовавъ всѣ средства для укрощенія жены и, видя, что жена чѣмъ дальше, тѣмъ больше становится злою, онъ рѣшился на послѣднее средство: удалиться отъ жены въ такое мѣсто, чтобы она не могла найти его. Къ счастью, недалеко отъ жилища супруговъ была огромная пропасть, — такая большая, что не видно была и конца края. Эту-то пропасть и задумалъ избрать для своего жилья несчастный мужъ. Въ одинъ прекрасный день онъ сталъ собирать веревки для того, чтобы спуститься въ пропасть; но какъ ни старался дѣлать это секретно, жена увидѣла его собирающимся въ путь съ веревками.

„Ты куда это собрался?“ спрашиваетъ жена.

— Нужно, дѣло есть, — отвѣтилъ мужъ.

„Дѣло! я тебѣ дамъ дѣло! ты промотать хочешь веревки. Нѣтъ, этому не бывать! пойдешь вмѣстѣ“ — закричала жена.

Дѣлать было нечего, супруги пошли вмѣстѣ и скоро подошли къ пропасти. Мужъ сталъ привязывать одинъ конецъ веревки, чтобы спуститься по другому въ пропасть.

— „Ты что это, негодай, дѣлаешь?“ удивленно спросила жена.

— Хочу спуститься въ пропасть.

— „Зачѣмъ?“

— Тамъ лежитъ богатый кладъ, такъ я достану его.

— „Ну, такъ я сама спущусь и достану“.

— Нѣтъ, зачѣмъ тебѣ трудиться, лучше я достану, а ты подожди.

Долго спорили супруги между собою и въ концѣ концовъ мужъ долженъ былъ уступить упрямой женѣ. Когда жена стала спускаться въ пропасть, мужу вдругъ пришла счастливая мысль отдѣлаться отъ нея: онъ быстро обрѣзалъ веревку и, вздохнувъ облегченно, отправился домой свободнымъ и счастливымъ.

¹⁾ И. И. Степной—Тургайская Газета 1897 г. № 62.

Прошло немного времени, и наслаждавшійся покоемъ свободный мужъ, проходя какъ-то недалеко отъ пропасти, вздумалъ узнать, какъ поживаетъ жена. Подойдя къ пропасти, онъ услышалъ раздирающіе душу стоны и крики, исходившіе изъ таинственной глубины. Сжалился мужъ и рѣшилъ спасти свою несчастную жену въ надеждѣ, что она, испытавъ горе, будетъ смиренѣе. Сбѣгавъ домой за веревками, онъ спустилъ одинъ конецъ въ пропасть и когда почувствовалъ, что веревка достигла цѣли, сталъ вытаскивать. Но, къ удивленію, своему онъ увидѣлъ, что изъ пропасти выходитъ, держась за веревку, не жена его, а какое-то страшное чудовище съ однимъ глазомъ на лбу. Первою мыслью его было обрѣзать веревку, чтобы чудовище обратно свалилось въ пропасть; но чудовище взмолилось:

— „Добрый человекъ, я цѣлые вѣка жилъ спокойно и счастливо въ этой пропасти, а теперь долженъ оставить ее. Недавно поселилась въ пропасти какая-то баба, и житья мнѣ не стало: кричить, изводить, мучаетъ меня и страданьямъ моимъ нѣтъ конца. Спаси меня, добрый человекъ, отъ этой бабы, не обрѣзывай веревки“.

Задумался тянувшій веревку мужъ.

— „Спаси меня отъ бабы, вновь взмолилось чудовище: я буду тебѣ вѣрнымъ слугою и доставлю тебѣ богатство“.

Чудовище было вытянуто изъ пропасти и, рассыпавшись въ благодарности своему спасителю, сказало:

— „Трижды будетъ данъ тебѣ случай получить большія деньги, ты сильно разбогатѣешь; но затѣмъ я буду свободенъ и не жди отъ меня четвертаго случая для увеличенія богатства, иначе наживешь себѣ большую бѣду“.

Чудовище, поселившись у своего спасителя, вскорѣ же приступило къ исполненію своего обѣщанія.

— „Недалеко отсюда, сказало оно, у богатаго человека есть единственная дочь, для спасенія которой отецъ ничего не пожалѣетъ. Я отправляюсь туда, вселюсь въ дочь, и она будетъ бѣсноваться, мучиться и страдать. Отецъ пригласитъ всѣхъ извѣстныхъ баксы и муллъ; но никто не поможетъ больной. Тогда ты предложи свои услуги вылечить больную и сколько хочешь проси за это награды. Когда сойдешься въ цѣнѣ, я освобожу больную; она снова сдѣлается здоровою, и ты получишь свою награду“.

Такъ и случилось. Скоро разнесся слухъ, что у извѣстнаго богача тяжело заболѣла любимая дочь и что лучшіе знахари не въ силахъ помочь больной. Отправился туда человекъ, вытащившій изъ пропасти чудовище, и взялся вылечить больную за огромную сумму денегъ. Когда переговоры были окончены, чудовище освободило больную и сказало своему спасителю:

— „Помни, еще только двѣ услуги осталось за мною“.

Вскорѣ опять чудовище указало на другого богатаго человека, у котораго былъ единственный сынъ. Также заболѣлъ и этотъ молодой чело-

вѣкъ и вновь за большія деньги былъ вылеченъ тѣмъ же освободителемъ чудовища.

— „Теперь только одна услуга осталась за мною. Помни это и не требуй большаго; иначе самъ погибнешь“, сказало чудовище.

Скоро вновь такимъ же образомъ заболѣла у третьяго богача байбише (старшая жена). За крупную сумму денегъ и эта больная была вылечена спасителемъ чудовища, которое на этотъ разъ сказало:

— Я исполнилъ свое обѣщаніе, предоставивъ тебѣ для наживы три случая. Смотри: больше не являйся туда, гдѣ я буду; иначе погибнешь“.

Прошло немного времени послѣ того, какъ чудовище расплатилось съ своимъ освободителемъ. Вдругъ по степи разнесся слухъ, что у хана заболѣлъ любимый сынъ такою же болѣзною, какая была и въ семействѣ трехъ богачей. До слуха хана уже дошла молва, что болѣзнь эту успѣшно лечитъ тотъ самый человѣкъ, который удачно освободился отъ своей жены. Ханъ посылаетъ за нимъ своихъ чабаровъ, съ требованіемъ немедленно явиться. Въ страшномъ отчаяніи выслушалъ цѣлитель повелѣніе хана. Да и было отъ чего задуматься: не явиться по призыву, — значить быть казненнымъ, а отправиться къ хану, — будетъ неминуемая гибель отъ чудовища. По зрѣломъ размышленіи, освободитель чудовища отправился къ хану. Только онъ сталъ подходить къ двору, какъ вдругъ слышитъ голосъ чудовища:

— „Такъ-то ты послушался меня?! Ну, теперь пеняй на себя“.

— Будь-же справедливъ, мой другъ. Я пришелъ сюда вовсе не затѣмъ, чтобы выгнать тебя изъ больного, а хотѣлъ лишь предупредить, что та злая женщина, отъ которой я тебя освободилъ, выльзла изъ пропасти и разыскиваетъ тебя, — отвѣтилъ пришедшій.

Испугалось чудовище, скорѣе освободило ханскаго сына и пустилось бѣжать безъ оглядки, боясь встрѣчи съ злою женщиною. Ханъ щедро наградилъ вылечившаго его сына человѣка и съ благодарностью отпустилъ домой.

Изъ этой легенды можно заключить, что злые духи живутъ въ пропастяхъ; отсюда понятно, почему киргизы такъ боятся проваловъ и пещеръ, разбросанныхъ по степи. Суевѣрный киргизъ не только никогда не проникаетъ въ эти глубокія мрачныя ямы и пропасти, которыя служатъ излюбленнымъ мѣстомъ пребыванія джинновъ, но дѣлаетъ большой обходъ, особенно въ сумеркахъ, чтобы избѣжать проѣзда даже вблизи нихъ. По представленію кочевника не только воздухъ, потайныя пещеры и прочія мрачныя мѣста населены джиннами; но, какъ-бы, вся природа наполнена ими. Они живутъ и на вершинахъ горъ, откуда ночью можно видѣть ихъ разводящими огромные костры, въ тѣсныхъ ущельяхъ, въ рѣкахъ, въ озерахъ, въ болотахъ, гдѣ они водятся цѣлыми легіонами, въ пустыняхъ и даже въ населенныхъ степныхъ мѣстахъ. Смѣльчаки изъ джинновъ заходятъ иногда даже въ зимовки, осаждая животныхъ и людей и на столѣ-

ко ведутъ себя безпокойно, что жителямъ приходится тогда все бросать и уходить. Такъ, по сообщенію г. Линевскаго ¹⁾, въ мѣстности Карауль-Кильды (Сагизъ-Уильской волости, Эмбенскаго уѣзда, Уральской области) еще въ 1896 г. можно было видѣть цѣлый рядъ землянокъ, брошенныхъ ихъ обитателями. „Въ нихъ гуляетъ шайтанъ“, рассказываетъ киргизъ. „Только-что заперли двери, погасили лампу и улеглись спать, какъ дверь хлопнула, лампа зажглась сама собой, и въ землянкѣ отъ одной стѣны до другой медленно двигается какая то тѣнь“. „А то среди ночи въ землянкѣ станетъ свѣтло, какъ днемъ, и видно движеніе ужъ не одной, а нѣсколькихъ тѣней. Поднимается въ землянкѣ шумъ, возня, бѣготня. Въ другой, въ третьей землянкѣ, въ цѣломъ рядѣ ихъ одно и тоже. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ землянки эти брошены, и никто въ нихъ не живетъ“.

Киргизы представляютъ еще себѣ джинновъ то въ видѣ мошекъ, то мухъ, пауковъ ²⁾, то въ видѣ жабъ, лягушекъ, ящерицъ, змѣй, кошекъ, лисицъ, козъ и т. п. Но въ какой бы образъ джинны не воплотились, они все же не теряютъ своихъ человѣкоподобныхъ свойствъ. Такому представленію обязана своимъ происхожденіемъ легенда, по которой джинны произошли отъ первыхъ людей. Таки напр. въ рукописи киргиза Акъ-Джарской волости, аула Чаръ-Пулатъ, Ташкентскаго уѣзда, Мулла-Кубея Такъ-Пулатова читаемъ слѣдующее ³⁾.

Въ одинъ прекрасный день прабабушка наша Мама-Хава (Ева) поспорила съ Хазряти-Адамъ (да будетъ надъ нимъ миръ!). Мама-Хава доказывала Хазряти-Адаму, что дѣти зараждаются отъ нея, а Хазряти-Адамъ отвѣчалъ, что отъ него. Тогда Хазряти-Адамъ условился со своей женой Мама-Хава не имѣть сношеній между собою до извѣстнаго времени, а сѣмя, которое будетъ исходить въ это время изъ спинъ ихъ, каждый изъ супруговъ долженъ сохранять въ извѣстномъ мѣстѣ, и тогда выяснится, отъ кого зарождаются дѣти. Итакъ на этомъ заключено было условіе. Послѣ того Хазряти-Адамъ (да будетъ надъ нимъ миръ!), выдѣленія свои слилъ въ „шиша“ (стеклянную посудину), а Мама-Хава завернула въ кусокъ ваты. Спустя нѣкоторое время, когда минулъ уже условный срокъ, супруги взглянули въ стеклянную посудину и увидѣли, что въ ней изъ сѣмени, истекшаго изъ спины Хазряти-Адама, получился живой человѣкъ, который потомъ сталъ пророкомъ Шисъ и сыномъ Хазряти-Адама. Это подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ Корана: Человѣкъ „творится изъ влаги, выливающейся, выходящей изъ чреселъ и костей груди“ (гл. 86, ст. 6 и 7). Когда Мама-Хава осмотрѣла завернутое ею въ вату, то увидѣвъ, что живыхъ людей не получилось, а копошилось нѣсколько какихъ-то живыхъ существъ, бросила ихъ въ кучу золы; не смотря на это, существа эти не погибли, а стали потомъ джин-

¹⁾ Тургайская иллюстриров. газета 1896 г. № 40.

²⁾ Поярковъ—Этнографическое Обзорѣніе 1894 г. № 1.

³⁾ Переведено А. Диваевымъ и напечатано въ Извѣст. Общ. Арх. Ист. и Этногр. Казанск. Унив. Т. XIV. вып. 2.

нами, албасты и дивами. Вотъ почему надо думать, что Мама-Хава была матерью албасты, дивъ и джинновъ. Поэтому послѣдніе болѣе вредятъ женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ.

Когда эти джинны, албасты и дивы на столько размножились, что стали наносить людямъ вредъ, то Искандарь-Зуль-Карнайнъ (такъ назыв. Александръ Македонскій, который у мусульманъ считается пророкомъ) угналъ ихъ въ горы Кафъ-тау и загналъ тамъ въ ущелье, выходъ изъ котораго задѣлалъ наглухо желѣзомъ, оловомъ и мѣдью ¹⁾. Эти албасты, дивы и джинны, которые живутъ въ горахъ Кафъ-тау, имѣютъ своимъ падишахомъ Даджала ²⁾,—да будетъ онъ проклятъ!

Что джинны и прочія нечистыя силы имѣютъ часто роковое вліяніе на людей и животныхъ, видно изъ описанія, которое намъ даетъ киргизъ Худабай Кустанаевъ ³⁾. По его словамъ, джинны цѣлыми легіонами разлетаются по всему свѣту, искушаютъ людей, вселяются въ человѣка и начинаютъ мучить ихъ; откликаются заблудившимся, увлекаютъ ихъ въ пустыню или водятъ около одного и того же мѣста; далеко поднимаются на небо и подкрадываются къ тому дереву, на листьяхъ котораго написано будущее каждаго человѣка и которое охраняется двумя ангелами. Ангелы, увидѣвъ приближающихся джинновъ, посылаютъ на нихъ молнію. Джинны, разсыпаясь, моментально скрываются въ деревьяхъ, животныхъ и людяхъ (подъ мышкой). Но молнія преслѣдуетъ ихъ и поражаетъ, куда бы они ни скрылись.

Для большей полноты не лишне будетъ привести рассказъ Ташкентскаго туземца муллы Абдуль-Халима о происхожденіи джинновъ ⁴⁾. Въ немъ весьма удачно отражаются взгляды общаго характера въ области миѳологіи между двумя сосѣдями, сартами и киргизами; варианты этого рассказа нерѣдко попадаются въ разныхъ мѣстахъ киргизской степи.

Въ седьмомъ ярусѣ ада Богъ Милосердый сотворилъ изъ огня волчицу, по имени Нимлисъ, и тигра, по имени Хыблисъ, и повелѣлъ имъ быть, какъ мужу съ женой,—и они сдѣлались супругами. Родился у нихъ первый ребенокъ, они дали ему имя Иблисъ ⁵⁾; и еще дочь по имени—Джинна. Во второй разъ родился сынъ, которому имя—Дивъ, а послѣ него дочь, которую назвали Аджина. Въ третій разъ родился сынъ, которому дали имя Шайтанъ, и дочь, имя которой было Албасты. И такъ далѣе потомство ихъ размножилось.

Богъ сказалъ Нимлисъ и Хыблису: „Пережените другъ на другѣ своихъ дѣтей, которыя не рождались двойнями“. Отецъ и мать Иблиса сказали сыну: „Ты бери за себя Албасту“, а Иблисъ не послушался и сказалъ: „Я возьму за себя Аджину, а Албасты не возьму“. Иблисъ съ

¹⁾ Горы Кафъ-тау, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, Кавказъ; по мнѣнію другихъ, онѣ находятся въ Китаѣ за Китайской стѣной. Вѣрнѣе же всего, по воззрѣнію мусульманъ, онѣ окружаютъ землю высокимъ кольцомъ.

²⁾ Противникъ Иисуса и Мухамеда.

³⁾ Этногр. очерк. киргизъ Перовск. и Казалинск. уѣзд.

⁴⁾ См. Н. Остроумовъ—Сарты. Народныя сказки. Ташк. 1906 г., стр. 155—157.

⁵⁾ Въ Коранѣ гл. 18. ст. 48 сказано: когда Мы сказали ангеламъ поклониться Адаму, они поклонились, кромѣ Иблиса: онъ былъ одинъ изъ джинновъ.

гнѣвомъ отвернулся отъ родителей, потомъ удалился въ уголь седьмого ада и тысячу лѣтъ каялся тамъ. Когда такое раскаяніе Иблиса сдѣлалось очевиднымъ прочимъ адамъ, шестой адъ обратился къ Богу съ просьбой, чтобы и тамъ можно было видѣть подвигъ Иблиса. Богъ Милосердый принялъ эту мольбу и вывелъ Иблиса въ шестой адъ, и здѣсь онъ тысячу лѣтъ каялся. Услышали объ этомъ остальные ады и просили Бога о томъ же, и ихъ моленье исполнилось: Иблисъ въ каждомъ аду по тысячѣ лѣтъ каялся и молился и, по окончаніи семи тысячъ лѣтъ, вышелъ изъ перваго ада. Тогда первая земля обратилась къ Богу съ такою же просьбой и ея желаніе было исполнено: Иблисъ провелъ на первой землѣ въ покаяніи тысячу лѣтъ и т. д. Словомъ: на всѣхъ семи земляхъ Иблисъ каялся по тысячѣ лѣтъ; не осталось ни одной земли, которой Иблисъ не касался бы лбомъ своимъ. Въ семи адахъ и на семи земляхъ онъ пробылъ четырнадцать тысячъ лѣтъ, да между небомъ и землею Иблисъ провелъ въ покаяніи также четырнадцать тысячъ лѣтъ. По окончаніи 28000 лѣтъ покаянія Иблиса, первое небо ¹⁾ и звѣзды также пожелали видѣть Иблиса, и Милосердый Господь, принявъ ихъ мольбу, вывелъ Иблиса на первое небо. Тамъ онъ провелъ тысячу лѣтъ въ покаяніи и, послѣдовательно восходя на семь небесъ, провелъ тамъ семь тысячъ лѣтъ въ подвигахъ благочестія. Поднявшись отсюда къ престолу Божію, Иблисъ семьдесятъ двѣ тысячи лѣтъ провелъ тамъ въ служеніи Богу. За такое благочестіе Иблиса Милосердый Господь далъ ему имя „Азизиль“ и сдѣлалъ его учителемъ ангеловъ, которымъ онъ долженъ былъ преподавать уроки вѣры и благочестія. Восемь тысячъ лѣтъ онъ провелъ въ учительствѣ. Послѣ этого, когда Милосердый Господь восхотѣлъ сотворить человѣка и поселить его на землѣ, Иблисъ воспротивился такой волѣ Божіей. Объ этомъ рассказывается подробно въ „Книгѣ тайнъ“, гдѣ приведены стихи изъ Корана (гл. 38 ст. 69) и преданій ²⁾.

Нѣкоторые изъ джинновъ, а также албасты, дивы и аджины давно уже приняли вѣру ислама, сдѣлались мусульманами и выразили желаніе ходить въ разныхъ видахъ по землѣ до кончины міра. Вотъ почему потомки ихъ являются иногда въ человѣческомъ образѣ, а иногда въ образѣ животныхъ. Тѣ же изъ нихъ, которые не приняли ислама, заперты въ Кавказскихъ горахъ, по молитвѣ пророка Соломона ³⁾. Джинъ и Аджина—дѣти Нимлисы и Иблиса. Они во всякое время ходятъ по землѣ и могутъ принимать различные образы и разные цвѣта. Такъ, на примѣръ, когда они показываются предъ людьми, то показываются въ образѣ осла, козы, огня и даже въ видѣ телѣги. Мѣстами ихъ обыкновеннаго пребыванія служатъ кучи золы и навоза, а пищею—всякая падаль. Когда находящіяся въ состояніи тѣлесной нечистоты лица совершаютъ омовеніе

¹⁾ Космогонія Мухамеда, повидимому, заимствована у Птолемея, по которому существуетъ семь небесъ, которыя составляютъ концентрическіе круги, а надъ ними стоитъ тронъ Господень. Trumelet. Les saints del'Islam. Paris. 1881).

²⁾ Повидимому, авторъ говоритъ о 71—85 ст. той же гл. Корана, гдѣ подробно изложено, какъ Богъ создалъ Адама и какъ Иблисъ не послушался воли Божіей.

³⁾ Объ этомъ въ Коранѣ не упоминается.

близъ навозныхъ кучъ, на своихъ дворахъ, то подвергаются вліянію джинновъ и аджины.

Люди, видѣвшіе духа албасты, рассказываютъ, что албасты живутъ въ развалинахъ построекъ и подъ орѣховыми деревьями и тамъ моютъ свою косматую голову. Люди, испорченные албасты, въ большинствѣ случаевъ не поправляются; тѣ же, которыхъ коснулись джинны или аджина, выздоравливаютъ¹⁾. Въ состояніи демоническомъ они рвутъ въ локутья свои одежды и ѣдятъ все, что ни попадетъ имъ на глаза, дозволенное и запрещенное закономъ. Такъ, напримѣръ, когда люди, находившіеся подъ вліяніемъ джинна или аджины, поправляются при помощи молитвы и ихъ спрашиваютъ о прежнемъ состояніи ихъ, то они рассказываютъ, что жить на землѣ и не видѣть джинна, значитъ не испытать удовольствія, наслажденія, такъ какъ джинны и аджины одни въ образѣ мужчинъ, другіе въ образѣ женщинъ, составляютъ маленькія собранія: одинъ изъ нихъ садится на тронъ, подобно царю, а всѣ прочіе располагаются около него рядами и находятся какъ бы на службѣ у него; одежды на нихъ позолоченныя, и сидятъ они на позолоченныхъ подушкахъ, лежащихъ на пышныхъ тюфякахъ; повелитель приказываетъ имъ достать золота и серебра, а иногда заставляетъ поднимать свой тронъ и прыгать съ нимъ по всѣмъ направленіямъ. Когда все это видишь предъ собой, то никакихъ другихъ мыслей и чувствъ не испытываешь, кромѣ веселаго смѣха; тогда, кромѣ радости, никакой заботы не бываетъ. Когда же испорченный джинномъ или аджиномъ освободится отъ ихъ сообщества и поправится, то увидитъ, что трономъ джиннамъ служила простая куча золы и всякаго сора, а золотомъ и серебромъ—обломки иголокъ, гвоздики и желѣзки.

Джинны раздѣляются на нѣсколько категорій; одни изъ нихъ мусульмане, другіе—кафиры (невѣрные), язычники; затѣмъ бываютъ джинны добрые и злые, красивые и безобразные. Иногда джинны носятся въ воздухѣ на летающихъ лошадяхъ, и тогда ихъ называютъ „летучими джиннами“.

Киргизская демонологія, на ряду съ арабскими или персидскими названіями, какъ то: джинны, дивы, пери и т. п. имѣетъ еще нѣсколько собственныхъ названій духовъ, которыя исламъ еще не успѣлъ вытѣснить изъ прежней шаманской религіи киргизъ: албасты или марту, бичура, обръ, жезъ-тырнаки, уббе и т. п. Посмотримъ теперь, что изъ себя представляетъ каждый изъ перечисленныхъ духовъ.

Д и в ы.

Дивы,—по киргизски „деу“,—духи мужскаго пола, джинны-богатыри. По словамъ Н. П. Остроумова корень „дивъ“ означаетъ въ индоевропейскихъ языкахъ свѣтлое божество: санскритское—дева, латинское—деусъ, греческое—теосъ и деосъ и др. Но у индусовъ словомъ „дивъ“ обозна-

¹⁾ Враги Мухаммеда даже его самого считали одержимымъ джиннами и называли „мяджнуъ“, на что указываютъ ст. 29 гл. 52 и ст. 22 гл. 81 Корана. *Примѣч. ред.*

чаются враждебныя челоѣку демоническія существа, и у персовъ „дивъ“ обозначаетъ злого духа ¹⁾. Отъ персовъ это вѣрованіе перешло въ Туркестанъ и къ киргизамъ. Въ „Шахъ-наме“ названы три дива: Акванъ, Арджангъ и Сафидъ, которыхъ умертвилъ Рустамъ. Существуютъ два

дивъ „АКВАНЪ“ (въ Шахъ-намэ).

изображенія дивовъ. Они имѣютъ видъ покрытаго шерстью чорта, съ рогами на головѣ, съ большими оскаленными клыками, съ когтями на рукахъ и ногахъ и съ длиннымъ хвостомъ, какъ показано на прилагаемомъ здѣсь рисункѣ, заимствованномъ г. Остроумовымъ изъ „Шахъ-наме“.

¹⁾ Въ религій Зороастра дивами назывались подчиненные Ариману злые духи, созданные имъ для борьбы съ царствомъ Ахурамазда (Ормузда). *Примѣч. ред.*

Въ книгѣ „Сіяръ-и-шарифъ“ говорится, что Богъ Всевышній, за много лѣтъ до сотворенія Адама, создалъ огонь, а изъ дыма отъ этого огня сотворилъ дивовъ. Джинны были сотворены изъ пламени этого огня, а изъ свѣта его ангелы. Что духи созданы были прежде человѣка, объ этомъ упоминается въ Коранѣ (гл. 15 ст. 27 и гл. 55 ст. 14). Въ словарь „Гыясу-ль-люгатъ“ рассказывается, что Гыфритъ, находившійся въ войскахъ пророка Соломона, былъ „дивъ“, хотя въ другихъ мусульманскихъ сочиненіяхъ и въ Коранѣ говорится, что Гыфритъ былъ джиннъ.

Эти разногласія въ деталяхъ не могутъ вліять на общее понятіе о злыхъ духахъ вообще. Изъ разсказа Ташкентскаго туземца муллы Абдуль-Халима видно, что дивы обладаютъ необыкновенной силой; но богатыри въ сказкахъ, хотя и съ трудомъ, побѣждаютъ ихъ¹⁾. Такъ о Рустамѣ въ „Шахъ-наме“ рассказывается, что однажды къ царю Кей-Хосроу пришелъ пастухъ и доложилъ, что кто-то истребляетъ у него барановъ и лошадей. Царь сказалъ пастуху, что это дивъ и, обратившись къ находившимся около него царямъ и войску, спросилъ: „Не можетъ ли кто-нибудь избавить этого пастуха отъ его бѣдствій?“ Никто изъ присутствовавшихъ не принялъ на себя такого труднаго дѣла. Тогда царь послалъ письмо въ Забулистанъ къ Залу и его сыну Рустаму съ приглашеніемъ на этотъ подвигъ. Получивъ письмо, Заль и Рустамъ явились къ Кей-Хосроу. Рустамъ спросилъ: „Какую службу я долженъ исполнить?“ Царь сообщилъ ему о просьбѣ пастуха, а Рустамъ сказалъ: „Будетъ ли это вредный скорпіонъ, или дивъ, или аждаха,— не спасутся они отъ моего смертоноснаго меча“. Царь поручилъ ему убить дива. Когда Рустамъ отправился разыскивать истребителя стадъ пастуха, дивъ Акванъ, подобно бурѣ, пронесся мимо богатыря. Рустамъ бросилъ свой арканъ съ петлей, но не зацѣпилъ дива. Нѣсколько разъ онъ старался захватить арканомъ дива, но не могъ. Такъ три дня онъ трудился, наконецъ, усталъ и легъ соснуть близъ источника, при подошвѣ горы. Когда Рустамъ заснулъ, дивъ Акванъ издали увидѣлъ его и, подошедши къ нему, оторвалъ часть горы и поднялъ ее на своихъ ладоняхъ вмѣстѣ съ богатыремъ. (Этотъ моментъ изображенъ на одномъ изъ рисунковъ въ „Шахъ-наме“). Рустамъ проснулся и дивъ спросилъ его: „Ударить ли тебя о гору, или бросить въ воду?“ Рустамъ просилъ дива, чтобы онъ ударилъ его о гору, но дивъ сдѣлалъ напротивъ, бросилъ богатыря въ воду. Милосердный Господь выдвинулъ сушу среди воды, и Рустамъ спасся, вышелъ на прежнее свое мѣсто, къ источнику, гдѣ оставались его конь и оружіе. Тогда Акванъ-дивъ еще съ большею смѣлостью приблизился къ Рустаму, а богатырь набросилъ на дива свой арканъ и зацѣпилъ его за шею. Потомъ Рустамъ съ силой рванулъ арканъ и, подтащивъ къ себѣ дива, закололъ его своимъ смертоноснымъ мечомъ. Далѣе рассказывается, что персидскій царь Кей-Хосроу предпринялъ походъ въ Мазандеранъ, страну дивовъ, и попалъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Тогда онъ послалъ къ Залу, отцу

¹⁾ См. Н. Остроумовъ. Сарты. Народныя сказки. Ташкентъ 1906 г.

Рустама, письмо съ просьбой о помощи. Когда Рустамъ явился, то долженъ былъ убить дива Аржанга и дива Сафида (Б'блага). Дивъ Аржангъ пытался сначала запугать Рустама разными страхами; но Рустамъ не потерялъ присутствія духа и см'ло выступилъ противъ дива. Онъ слѣзъ съ коня и, приблизившись къ диву, набросилъ на него свой арканъ и подтащилъ къ себѣ. Отрубивъ диву голову, Рустамъ бросилъ ее въ сторону дивовъ, союзниковъ Аржанга. Дивы, увидѣвъ отрубленную голову Аржанга, разбѣжались, а Рустамъ отправился разыскивать дива Сафида. Дивъ Сафидъ жилъ въ глубокой пропасти вмѣстѣ съ множествомъ другихъ дивовъ. Рустамъ спустился въ пропасть и, увидѣвъ, что дивъ спитъ, подумалъ, что богатырю неприлично нападать на соннаго противника. Поэтому онъ громко крикнулъ. Дивъ проснулся, схватилъ жерновъ и бросилъ въ Рустама. Но Рустамъ во-время отстранился отъ жернова и однимъ ударомъ своего меча убилъ дива. Затѣмъ онъ вынулъ у дива сердце, сдѣлалъ изъ него мазь и помазалъ ею глаза царю Кей-Хосроу, всему войску его и себѣ; у всѣхъ тогда глаза просвѣтлѣли, и они освободились изъ плѣна.

О борьбѣ между человѣкомъ и демоническими существами у древнихъ персовъ, упоминается въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, касающихся исторіи древняго Мидо-Персидскаго періода. У г. Гобино ¹⁾ сказано, что въ развалинахъ Персеполя найдена была мѣдная пластинка, изображающая двухъ дивъ или демоновъ ²⁾. Тамъ-же ³⁾, изображены два барельефа Персепольскаго дворца, на которыхъ виднѣются мифическія животныя „дивы“ въ борьбѣ съ Даріемъ. Одинъ изъ нихъ представляетъ изъ себя крылатаго звѣря съ бычачьимъ ухомъ, безъ рогъ съ орлиной головой, съ приподнятыми перьями на шеѣ и головѣ; крылья сложены на туловищѣ чудовища, заднія лапы оканчиваются острыми когтями, пучекъ перьевъ изображаетъ хвостъ. Другой дивъ представляетъ изъ себя крылатое чудовище со львиной головой съ рогомъ среди лба, съ задними когтистыми лапами и хвостомъ, какъ у скорпіона. Варіанты этихъ чудовищъ извѣстны у древнихъ грековъ подъ общимъ именемъ грифовъ, изображенныхъ еще ⁴⁾ на древнихъ печатяхъ ахеменидскихъ царей.

Въ развалинахъ Персеполя г.г. Кость и Фланден'омъ была найдена печать изъ б'блага халцедона. На ней вырѣзана фигура царя въ борьбѣ съ какимъ-то чудовищемъ, напоминающимъ льва. Въ Фарсалѣ найдена такая же печать, на которой изображенъ грифъ въ борьбѣ съ царемъ. Въ Гагскомъ музеѣ хранится печать, на которой изображены два крылатая чудовища съ козьими головами. Такой же рисунокъ встрѣчается на древней монетѣ, выбитой въ Тарсѣ, и на монетахъ, отчеканенныхъ по приказанію ахеменидскихъ царей.

Во время моихъ раскопокъ въ Уральскомъ уѣздѣ лѣтомъ 1911 г. мною была найдена въ курганѣ печать изъ б'блага халцедона въ золотой

¹⁾ Histoire des Perses t. I, p. 19—20.

²⁾ См. также Histoire de l'art dans l'antiquité par G. Perrot et Ch. Chipiez. T. V, p. 815.

³⁾ Ibid., p. 545 et 447.

⁴⁾ Ibid., p. 588, 852, 853, 862, et 863.

Управѣ. На ней изображена точно такая же фигура, какъ и тѣ, которыя были мною только что описаны. Чудовище „дивъ“ стоитъ на заднихъ лапахъ, стараясь запустить когти въ грудь своего противника, — человекъ въ рѣзной зубчатой коронѣ, которую древніе чеканщики дорическихъ монетъ всегда приписывали персидскому царю. Опорой для зловреднаго мнѣческаго чудовища служитъ туловище его врага, что и позволяетъ ему такимъ образомъ держаться на заднихъ лапахъ. Когти чудовища придаютъ ему еще больше силы; но храбрый царь вонзаетъ диву мечъ и такимъ образомъ его убиваетъ.

Нахожденіе столь цѣннаго памятника древней персидской мѣологии въ погребеніи кочевника, видимо, какого-нибудь полководца или сановника первыхъ вѣковъ до нашей эры, достаточно указываетъ на то, какое вліяніе должны были оказывать на духовное развитіе кочевого населенія киргизскихъ степей вѣрованія могущественной Персіи въ демоническія существа, враждебныя человекъ. Отсюда общепринятое представленіе киргизъ о дивахъ, какъ о демонахъ-богатыряхъ, причиняющихъ много вреда. По ихъ мнѣнію, дивъ, — самый сильный, самый опасный изъ всѣхъ джинновъ. Вотъ почему киргизы говорятъ, что людей, побитыхъ дивомъ, ни муллы, ни баксы отчитать не могутъ, между тѣмъ какъ люди, побитые джинномъ, который, по ихъ мнѣнію, составляетъ одинъ изъ родовъ дивовъ, могутъ выздороветь, если ихъ будутъ отчитывать муллы и лечить баксы.

Албасты или марту.

Албасты — духи женскаго пола; они бываютъ двухъ родовъ: сары-албасты (желтый албасты) и кара-албасты (черный албасты)¹⁾. По описанію Худабая Кустанаева²⁾, эти два рода албасты какъ по своему отношенію къ людямъ, такъ и по своему характеру значительно отличаются другъ отъ друга; такъ сары-албасты — ужасный хитрецъ и обманщикъ, иногда онъ даетъ человекъ обѣщаніе оставить его въ покоѣ и держаться отъ него подальше и все-таки слѣдуетъ за каждымъ его движеніемъ, ища удобный случай повредить ему³⁾. Кара-албасты, или просто „кара“, хотя и рѣдко преслѣдуютъ человекъ, но гораздо злѣе и опаснѣе своего со-

¹⁾ Слово „албасты“ происходитъ отъ слова ал (возьми) и басты (давить) и означаетъ: „взявши, дави“, или — „вотъ давить“. *Примѣч. ред.*

²⁾ Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Ташкентъ 1894 г.

³⁾ Сары-албасты — большой шутникъ, что видно изъ слѣдующаго разсказа. Однажды два киргиза отправились въ Троицкъ. Случилось имъ ночевать не въ аулѣ, а въ открытой степи. Вдругъ они увидали вдали огонь и услышали человеческіе голоса. Предположивши, что въ этой сторонѣ находится аулъ, въ которомъ происходитъ той (пиршество), они направились на огонь. На встрѣчу имъ вышли киргизы, и стали приглашать къ себѣ. Возшли въ кибитку, гдѣ имъ поданы были разныя кушанья. Хозяева предупредили гостей, что они должны ѣсть поданное не произнося: „бисмилля“. Но одинъ изъ нихъ позабылъ этотъ наказъ и произнесъ „бисмилля“. Какъ только это было произнесено, хозяева тотчасъ скрылись; пища вся оказалась такою гадостью, которую можетъ ѣсть только свинья. Такимъ образомъ хозяевами оказались албасты, которые скоро явились во множествѣ, ванапи на киргизъ и такъ стали ихъ мучить, что они остались еле живы. *Примѣч. ред.*

брата. Онъ рѣдко вредитъ человѣку; но если онъ рѣшился погубить человека, то только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можно отстранить его пагубное вліяніе. По описанію Н. Иванова (см. „Тургайскія Областныя Вѣдомости“ за 1899 г. № 10), албасты всегда живутъ съ людьми и вредятъ имъ во время сна; они садятся на грудь, душатъ и сосутъ кровь. Говорятъ, что людямъ сильнымъ физически и храбрымъ по духу удавалось иногда схватить албасты за волосы, которые, какъ вещественное доказательство, будто бы, и оставались въ рукахъ смѣльчака. Но вообще албасты до смерти не доводятъ человѣка, а заставляютъ его только стоять, мучиться и страшно кричать.

Мѣстопробываніемъ албасты служатъ пустыня, развалины и вообще уединенныя мѣста. Особенно благопріятенъ для появленія ихъ мракъ ночи. Албасты даютъ и этимъ самымъ даже умерщвляютъ злыхъ людей: людямъ же добрымъ и благочестивымъ они не могутъ причинить зла и даже находятся отъ нихъ въ зависимости. Чтобы повредить человѣку, албасты прибѣгаютъ къ разнымъ хитростямъ: являются въ образѣ кошки, козла и пр.; но чаще всего они являются въ образѣ мальчика или дѣвочки съ огромными грудями, закинутыми черезъ плечо на спину. Ходятъ они чаще всего голыми, косматыми. При встрѣчѣ съ людьми „албасты“ вступаютъ въ разговоры и разными уловками стараются ихъ завлечь куда нибудь въ уединенное мѣсто и тамъ погубить. Албасты могутъ видѣть только люди съ „арваками“¹⁾. Другимъ же рѣдко удается видѣть ихъ.

Одно киргизское преданіе, переведенное А. Диваевымъ съ рукописи Мулла-Кубея Токъ-Пулатова, гласитъ, что у албасты 70 грудей и каждою грудью кормитъ 70 ребятъ. По наружности албасты очень страшное существо; имѣетъ длинные волосы. По словамъ муллы Мачіева, иногда албасты являются въ образѣ человѣка съ однимъ только глазомъ среди лба²⁾. По повѣрью тюрковъ-таранчей, ближайшихъ сосѣдей киргизъ, есть женщина-джинъ, у которой 70 сосцовъ; если въ теченіе 7 дней кормитъ она дитя, то дитя непременно умретъ.

Албасты постоянно слѣдитъ за женщинами въ особенности, когда она рождаетъ, и даже въ это время уничтожаетъ ребенка. Нападая на женщину, албасты начинаютъ ее душить, такъ что она лишается возможности говорить, теряетъ рассудокъ и впадаетъ въ безсознательное состояніе. Послѣ того албасты задерживаетъ вторую половину „исъ“ (пунка), появляющагося младенца; вслѣдствіе этого рожающая женщина умираетъ. Тогда обыкновенно говорятъ: „задавила ее кара“³⁾.

¹⁾ Арвахи—души усопшихъ предковъ, пророковъ, святыхъ и разныхъ знаменитыхъ людей, которые заботятся о живыхъ и охраняютъ ихъ; у азербейджанскихъ татаръ они, сверхъ того, считаются покровителями семейнаго очага (оджакъ). *Примѣчаніе ред.*

²⁾ По повѣрью киргизъ Перовскаго уѣзда, у кара-албасты глаза круглые и большіе; отличительное свойство ихъ то, что они не мигаютъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ только одинъ глазъ. Волосы на голсвѣ и ногти на рукахъ длинные. Кара-албасты въ большинствѣ случаевъ—женщина довольно страшнаго вида съ длинными волосами и большими грудями, которыя на концахъ раздѣляются на шесть сосцовъ. *Примѣчаніе ред.*

³⁾ Х. Куставаевъ.—Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Ташкентъ. 1894 г.

Въ собранныхъ М. А. Миропіевымъ демонологическихъ разсказахъ ¹⁾ можно найти подтвержденіе выказаннаго выше свойства албасты. „Въ Перовскѣ былъ бій, по имени Нурпейсь. Однажды его жена родила ребенка; послѣ чего упала въ обморокъ. Туда, гдѣ лежала эта женщина, вошла одна лисица. Въ это время собравшіеся отдѣльно мужчины сидѣли въ одномъ домѣ. Одинъ изъ нихъ, увидавъ вошедшую лисицу и догадавшись, что это была албасты, прогналъ ее. Лисица выбѣжала въ дверь и бросила легкое женщины въ рѣку. Послѣ этого та женщина, которая упала въ обморокъ, умерла“. Въ данномъ разсказѣ злой духъ албасты является въ образѣ лисицы къ киргизской женщинѣ во время родовъ и, похитивъ легкое (душу, жизнь) больной женщины, удаляется.

Иногда вредоносный албасты является въ образѣ козла, чтобы напасть на женщину во время родовъ и ее умертвить; но не всегда это имъ удается, такъ какъ среди киргизъ есть люди, которые своимъ присутствіемъ прогоняютъ албасты и даже держатъ ихъ въ своемъ подчиненіи. Благодаря этому, женщины, пораженныя албасты, могутъ даже выздороветь, если только тутъ окажется такой человекъ, котораго албасты боится, и если не будетъ воды около аула. Такое повѣрье составляетъ основные черты слѣдующаго разсказа, приведеннаго у г. Миропіева. Однажды, когда ѣхали три спутника, по дорогѣ бѣжало нѣчто въ родѣ козла, неся во рту легкое. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ козла, погнался за нимъ, а двое задніе подумавъ: „не ударилъ ли его нечистый духъ?“ поскакали вслѣдъ за нимъ. Тотъ, который погнался за козломъ, настигъ его въ одномъ мѣстѣ и, ударивъ нагайкой, сказалъ: „откуда ты взялъ легкое, туда и отнеси его“. Тогда козелъ побѣжалъ назадъ. Въ это время прибыли и остальные юноши. Козель же зашелъ сзади одного аула, вошелъ въ одинъ бѣлый домъ (кибитку). Юноша, увидавшій его, выгналъ всѣхъ, находящихся въ томъ домѣ людей, поймалъ албасты, избилъ его и отпустилъ назадъ, сдѣлавъ это для того, чтобы онъ не пришелъ во второй разъ. Въ то время, когда еще не было албасты, молодушка, родивъ ребенка, умерла; ее уже положили къ правой сторонѣ кибитки. Но вотъ прибѣжавшій со страху албасты положилъ легкое на прежнее мѣсто, и молодушка встала на ноги. Мужъ ожившей женщины наградилъ вышеупомянутаго юношу большимъ количествомъ скота. Если бы около того аула была вода и если бы албасты бросилъ легкое въ воду, то молодушка умерла бы совсѣмъ, хотя бы потомъ албасты пришелъ и положилъ легкое на свое мѣсто.

Раньше было сказано, что албасты можетъ нанести большой вредъ женщинѣ, если къ ней на помощь не подоспѣетъ такой человекъ, котораго боялся бы албасты. Такими людьми могутъ быть баксы, мулла и даже обыкновенный человекъ ²⁾. Видную роль въ этомъ случаѣ играетъ баксы, личность котораго будетъ описана въ особой посвященной

¹⁾ М. Миропіевъ—Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи Т. X. вып. 3.

²⁾ Отъ албасты отчасти помогаютъ ружье, сабля и даже въ крайнемъ случаѣ нагайка, которая вывѣшиваются на стѣны кибитки. *Прилѣжч. ред.*

ему главѣ. Достаточно пока указать на его близкія сношенія съ особыми духами „пери“. При ихъ содѣйствіи баксы вылѣчиваетъ больныхъ, которымъ еще не суждено умереть. Слѣдующій рассказъ Юсупа Касымова, записанный М. А. Миропѣевымъ, лучше всякаго объясненія подтвердитъ только что высказанное. Одинъ юноша, по имени Молъ, славный баксы, ѣхалъ однажды съ поминокъ въ сопровожденіи большого количества людей. Въ это время онъ увидалъ вдали одну бѣлую собаку (здѣсь албасты является въ образѣ собаки), которая несла во рту легкое. Прилявъ за воду виднѣвшійся вдали миражъ, она поспѣшно шла туда, чтобы бросить въ воду это легкое. Видъ этой собаки былъ отвратителенъ: титки ея касались земли. Быстро остановившись, баксы сказалъ своимъ спутникамъ: „Вонъ! видите-ли вы бѣлую собаку? Схвативъ въ ротъ человѣческое легкое, она бѣжитъ и ищетъ воды ¹⁾ чтобы бросить его“. Удивленные спутники ничего не отвѣтили на это. Тогда бакса Молъ, сказавъ имъ, чтобы они шли скорѣе за нимъ, поскакалъ за албастой. Проѣхавъ небольшое пространство, вдругъ онъ слѣзъ съ лошади и пошелъ, причемъ, поворачиваясь туда и сюда, билъ землю. Подоспѣвшіе сзади его спутники начали бить по тѣмъ же мѣстамъ, по которымъ и онъ билъ ²⁾. Спустя немного времени, впереди ихъ показался большой аулъ. Продолжая такимъ образомъ бить землю, баксы дошелъ прямо до этого аула и закричалъ: „гдѣ умершій человѣкъ?“ Одинъ ребенокъ, стоявшій позади аула, указалъ баксѣ тотъ домъ, гдѣ лежалъ мертвецъ. Тогда Молъ взялъ въ руки кобызъ и сталъ призывать девять духовъ ³⁾. Сильно разсердившійся баксы, крича: „бай! бай!“ вошелъ въ тотъ домъ (кибитку), гдѣ лежалъ мертвецъ. (Здѣсь баксы призываетъ духовъ магическимъ обращеніемъ, грубо выражая свое желаніе, за которымъ слѣдуютъ угрозы):

„Эй, злой албасты! положь-ка легкое на мѣсто,

Отдай-ка душу въ руки бѣднаго.

Если не послушаешься моего слова,

Если не уважишь меня,

Возьму выколю твой глазъ

И уничтожу тебя самого“.

Насколько силенъ страхъ, который баксы внушаетъ албасты, видно изъ слѣдующаго заключенія: „Тогда албасты, испугавшись баксы, положилъ душу женщины на свое мѣсто. Въ это время у умершей женщины снова явилась душа, и женщина, произнося: „Господи!“, подняла голову. Мужъ ея, дѣти и всѣ родственники, возрадовавшись, одарили баксы множествомъ скота и вещей и, отблагодаривъ его, проводили“.

Однако власть баксы надъ албасты не всегда такъ плодотворно сказывается при лѣченіи больныхъ женщинъ. Слѣдующій рассказъ ⁴⁾ пока-

¹⁾ Какъ извѣстно, вода играетъ большую роль въ магіи. По общему вѣрованію киргизъ, женщина можетъ выздороветь, если албасты не успѣлъ бросить легкое въ воду; отсюда боязнь близости воды во время родовъ.

²⁾ Способъ ориентироваться при розыскахъ.

³⁾ Еще лишнее доказательство сношенія баксы съ духами.

⁴⁾ М. Миропѣевъ—Демонологическіе рассказы киргизовъ.

жетъ, съ какой настойчивостью албасты осаждаютъ больныхъ женщинъ, какъ они слѣдятъ за ними и какова ихъ сила. „Была больна одна дѣвица. Отецъ ея призвалъ баксы и муллу, которымъ и показалъ ее; но ни одинъ изъ нихъ не могъ оказать помощи. Однажды въ кибиткѣ этой больной дѣвицы почевалъ одинъ гость. Среди ночи кто-то подошелъ къ двери и сталъ разговаривать шепотомъ. Проснувшійся гость подслушалъ, кто это былъ. Въ это время одинъ другому говорилъ: „ступай ты впередъ, а я пойду за тобой“. Гость узналъ, что это были албасты. Схвативъ обоихъ, онъ убилъ ихъ на томъ же мѣстѣ. Больная дѣвица выздоровѣла на другой же день. Однако до сихъ поръ два албасты все приходили къ больной дѣвицѣ каждую ночь, давили ее, сжимали у ней легкія и не давали ей никакого покоя. У ней же не было никакого средства избавиться отъ этого, и она стонала, испытывая страданія. Албасты не уходили ни отъ молитвы муллы, ни отъ духовъ баксы. Гость же убилъ этихъ албасты, какъ говорятъ, при посредствѣ своей керемети“.

Характерно это заключеніе рассказчика и сопоставленіе разныхъ силъ, съ одной стороны, — муллы и баксы, безсиліе которыхъ не даетъ надежды на выздоровленіе дѣвицы, и съ другой, — таинственнаго гостя, обладающаго кереметемъ, который спасаетъ больного. Въ немъ-то и надо видѣть могущественнаго олицетвореннаго духа, какого нибудь „пери“, принявшаго человѣческой образъ, который является на помощь человѣку въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ ¹⁾.

П е р и.

Ч. Пери—весьма неопредѣленная демоническая личность. По мнѣнію Ч. однихъ, „пери“ — прекрасное, воздушное, доброе существо, живущее между небомъ и землею и на высокихъ горахъ. По мнѣнію другихъ, „пери“ — существо злое и могущественное; достаточно ему прикоснуться къ какой нибудь части тѣла человѣка, какъ послѣдній моментально лишается возможности владѣть этой частью; достаточно одного его дуновенія, какъ человѣкъ заболѣваетъ. По словамъ муллы-Кубея Токъ-Пулатова, подъ именемъ пери надо подразумѣвать какой-то народъ особаго происхожденія, надъ которымъ властвуютъ падишахи. Этотъ народъ мало приноситъ вреда человѣку; даже напротивъ, когда пери встрѣчается съ человѣкомъ, онъ старается принести ему пользу, подчиняясь ему.

Пери дѣлятся на нѣсколько „тайфа“, категорій: мусульманскіе пери, невѣрные пери (кафиръ-пери), индускіе пери (хинду-пери), еврейскіе пери, (джухудъ пери) и т. д. Это разнообразіе пери заставляетъ киргизъ предполагать, что они находятся въ постоянной враждѣ между собою; но вообще не слѣдуетъ ихъ смѣшивать съ разными джиннами, дивами и албасты, за которыми они слѣдятъ. Пери можетъ показаться

¹⁾ Не вѣрнѣ ли будетъ подразумѣвать подъ „кереметемъ“ какой нибудь таинственный талисманъ, обладающій чудодѣяственной силой? *Примѣч. ред.*

только баксы, рѣже — мулламъ. Каждый баксы имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи по нѣскольку пери, которые постоянно находятся въ непосредственномъ сношеніи съ нимъ. Онъ знаетъ ихъ по имени и, по зову его, они немедленно являються къ нему, исполняя всѣ его приказанія. Мулла-Мачіевъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Въ нашемъ аулѣ ¹⁾ жилъ одинъ баксы, по имени Кауленбай. У него былъ одинъ пери, котораго онъ звалъ Сарыбашъ (желтая голова). Кауленбай имъ пользовался для излеченія женщинъ, одержимыхъ джиннами. И вотъ однажды жена одного бѣднаго киргиза, Алжана, заболѣла. Какъ оказалось, Газиза (такъ звали эту женщину) одержима была джиннами. Кауленбай рѣшилъ ее вылечить. Для этого онъ велѣлъ своему пери захватить тѣхъ джинновъ, которые овладѣли Газизой, связать имъ руки и ноги и не выпускать ихъ. Не прошло нѣсколькихъ минутъ какъ пери объявилъ баксы Кауленбаю, что онъ захватилъ джинновъ Газизы и больше не выпуститъ ихъ. Съ этого дня Газиза стала поправляться. ²⁾ Тогда мулла Мачіевъ ³⁾ попросилъ Кауленбая объяснить ему, что онъ подразумѣваетъ подъ именемъ пери. Баксы Кауленбай отвѣтилъ, что пери — особый родъ джинновъ, что они дѣлятся на нѣсколько категорій, что его пери Сарыбашъ — мусульманинъ и даже еще и ученый. Тогда мулла Мачіевъ сказалъ Кауленбаю: „Если твой пери — мусульманинъ, то пусть черезъ эту женщину скажетъ мнѣ, кто пророкъ у мусульманъ. Въ данномъ случаѣ мулла Мачіевъ желалъ получить отвѣтъ непосредственно отъ совершенно неграмотной и не знавшей о существованіи Мухаммеда больной Газизы. Последняя, закрывъ глаза, начала говорить: „Мой пророкъ, — сказала она, какъ-бы, бесѣдуя съ пери, — Магометъ, сынъ Абдуллы, ты говоришь?“ „Изъ арабскаго народа — говоришь? Изъ рода Ашина — говоришь?“ Затѣмъ мулла Мачіевъ предложилъ рядъ другихъ вопросовъ, касающихся исторіи и географіи, на которые больная женщина отвѣчала правильно. Не удовлетворившись этимъ, мулла Мачіевъ пожелалъ узнать, что дѣлалось въ то время въ сосѣднемъ аулѣ, находящемся приблизительно въ 45 верст. отъ того мѣста, а именно въ кибиткѣ одного изъ его знакомыхъ; а потому попросилъ баксы послать туда своего всемогущаго пери. Не прошло пяти минутъ, какъ вдругъ баксы вздрогнулъ и громко сказалъ: „Что, ты уже тутъ Сарыбашъ?“ Всѣ находящіеся въ кибиткѣ люди услышали, какъ баксы медленно, какъ будто-бы прислушиваясь, разсказалъ о томъ, что происходило въ это время въ указанномъ мѣстѣ. По провѣркѣ фактовъ на другой день, все подтвердилось. Въ другой разъ мулла Мачіевъ, желая знать, гдѣ тогда находился отецъ его, предпринявшій совершеніе хаджа въ Мекку, обратился къ посредничеству баксы Кауленбая. Этотъ послѣдній сталъ призывать своего пери, съ которымъ онъ долго разговаривалъ, задавая ему самые разнообразные вопросы. Выяснилось, что путешествіе

¹⁾ 6-й аулъ, Тусунской волости, Тургайск. уѣзда.

²⁾ Это событіе имѣло мѣсто въ 1904 году.

³⁾ Мулла Мачіевъ (киргизъ) получилъ образованіе въ Троицкѣ и хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ и состоитъ мусульманскимъ вѣроучителемъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Оренбурга.

отца Мачіева совершается благополучно, но точно опредѣлить мѣсто его нахожденія оказалось весьма затруднительнымъ. Пери въ нѣсколько минутъ успѣлъ побывать на разныхъ пароходахъ на Черномъ, Средиземномъ и Красномъ моряхъ, въ Меккѣ и Константинополѣ и нигдѣ не встрѣтилъ нужнаго ему человѣка ¹⁾).

Мусульманскіе-пери меньше всего вредитъ человѣку какъ видно изъ слѣдующаго разсказа, заимствованнаго у М. А. Миропіева. Въ медресе у одного ахуна обучались двое киргизскихъ дѣтей. Однажды ночью во время намаза хуфтана одинъ изъ мальчиковъ пошелъ на молитву, а другой остался въ домѣ. Въ то время, когда оставшійся повторялъ урокъ, возвратился товарищъ съ молитвы. Первый спросилъ: „за то, что я не былъ на молитвѣ, не разсердился ли на меня ахунъ?“ Пришедшій на это отвѣтилъ ему: „когда я уходилъ, еще не окончилась молитва: ахунъ тогда не сердился“. Оставшійся тогда сказалъ: „я прочитаю свой урокъ, а ты послушай“. Этотъ отвѣтилъ: „ладно“. Когда одинъ разсказывалъ урокъ, а другой, слушая его, поправлялъ то, что онъ говорилъ неправильно, тогда этотъ послѣдній постепенно сталъ уменьшаться (въ своемъ объемѣ) и, наконецъ, совершенно исчезъ. Первый мальчикъ, не понимая случившагося былъ удивленъ и напуганъ: но въ это время снова возвратился исчезнувшій его товарищъ. Когда онъ разсказалъ ему о всемъ случившемся, то и онъ удивился. Наконецъ, они оба со страха пошли къ ахуну и разсказали ему все. На это ахунъ сказалъ имъ слѣдующее: „это мусульманъ-пери; вы его не бойтесь, онъ для человѣка не вреденъ: если вы будете вести себя прилично, то онъ будетъ любоваться вашимъ ученіемъ“. Такъ онъ утѣшилъ своихъ учениковъ. Какъ видно изъ этого разсказа, пери принялъ человѣческое лицо, и проявилъ такое большое сходство съ однимъ изъ мальчиковъ, что другой принялъ его за своего товарища ²⁾).

Напротивъ того, невѣрные пери могутъ нанести вредъ людямъ, искалѣчить ихъ. Параличъ, ревматизмъ и т. п. болѣзни киргизы приписываютъ дѣйствию пери. Злой пери, невѣрный пери (кяфиръ-пери), нападая на человѣка, душитъ его; но отъ него можно избавиться, если найдется по близости вода, чтобы совершить омовеніе, и если, не переставая, будутъ читать стихи изъ гл. Ясина (36 гл. Корана). О продѣлкахъ кяфиръ-пери можно имѣть представленіе изъ слѣдующаго разсказа, записаннаго г. Миропіевымъ. Когда-то одинъ сартъ среди киргизъ училъ дѣтей. Лѣтомъ онъ обучалъ въ мечети, а зимой въ землянкѣ, въ которой и самъ находилъ себѣ покой ночью. Однажды онъ спалъ въ землянкѣ, и его начало душитъ. Проснувшись отъ испуга, онъ увидалъ у себя на груди двухъ (людей), которые душили его. Учитель съ сонными глазами подумалъ, что это пришли юноши изъ аула, чтобы его напугать; при этомъ онъ называлъ по имени тѣхъ, которые шутили съ нимъ, говоря: „не ду-

¹⁾ Эти факты и много другихъ будутъ рассмотрѣны въ особой статьѣ.

²⁾ Пери часто вступаютъ съ людьми въ брачныя связи, отъ которыхъ рождаются необыкновенныя дѣти богатыри (батыри) или мудрецы. *Примѣчаніе ред.*

шите, я умираю"; но, не слушаясь его, они продолжали душиТЬ. После этого учитель, догадавшись, что это есть несчастіе, началъ читать стихи Ясина. Когда онъ читалъ Ясинъ, тѣ двое снова начали немного душиТЬ его. Оттолкнувъ ихъ, онъ опять началъ читать Ясинъ; но его стали душиТЬ хуже прежняго. Тогда онъ, оттолкнувъ ихъ отъ себя, началъ искать кумганъ (кувшинъ), чтобы совершить омовеніе; но кумганъ былъ опрокинутъ. Тогда эти двое взяли учителя одинъ за шею, а другой за ногу и хотѣли побороть его; но онъ, читая Ясинъ, не поддавался имъ. Такимъ образомъ они дошли до ближайшей воды, гдѣ учитель совершилъ омовеніе; но его все-таки продолжали душиТЬ, хотя онъ и не поддавался. Наконецъ, они, увидавъ, что не могутъ задушить его, удалились. После этого, говорятъ, учитель поставилъ себѣ юрту, поселился въ ней со своими учениками и говорилъ слѣдующее: „это были, навѣрно, невѣрные пери, которые приняли образъ человѣка: если бы по близости не было воды, то они исклалѣчили бы меня“.

Б и ч у р а.

Бичура, по представленію киргизъ, — злой духъ, который живетъ на землѣ, большей частью подъ видомъ очень злого мальчика. Бичура ютится всегда въ заброшенныхъ зимовкахъ, строеніяхъ и развалинахъ. По описанію г. Иванова ¹⁾, этотъ злой духъ живетъ въ водяныхъ мельницахъ, въ избахъ, амбарахъ и хлѣвахъ. Не приведи Аллахъ кому-либо изъ правовѣрныхъ остановиться въ такомъ строеніи на ночлегъ. Бичура закидаетъ его камнями. И если несчастный человѣкъ во время не успеетъ скрыться, появивши, въ чемъ дѣло, бичура прикончитъ съ нимъ на всегда. Бичура не боится ни дневного свѣта, ни крика пѣтуха ²⁾.

О б р ь

Весьма странная личность обрь. По описанію г. Иванова, это уже совсѣмъ безформенный духъ, появляющійся въ видѣ огня и овладѣвающей преимущественно старухами. Онъ вылетаетъ ночью у нихъ изо рта и отправляется на свои пагубныя дѣла по землѣ до первыхъ пѣтуховъ, которыхъ онъ очень боится ³⁾. Старуха, изо рта которой вышелъ обрь, во все время его отсутствія остается мертвою: едва раздастся первый предразсвѣтный крикъ пѣтуха (ѣтачь), какъ обрь стремится обратно въ старуху. Такія старухи носятъ названіе обрлы-карчикъ.

¹⁾ Н. Ивановъ—Тургайскія Областныя Вѣдомости 1899 г. № 10.

²⁾ Желательно было бы редакціи настоящаго журнала получить больше свѣдѣній объ этомъ, а равно и о послѣдующихъ малозвѣстныхъ существахъ.

³⁾ Пѣтухъ играетъ большую роль въ мѣологическихъ воззрѣніяхъ древнихъ народовъ. У мусульманъ сѣверной Африки курица чернаго цвѣта или пѣтухъ предохраняютъ отъ джинновъ. Имъ пользуются алжирскіе арабы въ нѣкоторыхъ обрядахъ, сопровождающихъ роды или леченіе эпилептиковъ. (См. Ed. Doutté - La société musulmane du Maghrib. Alger 1909 p. 455).

Когда обрлы-карчикъ умретъ, злой духъ обръ уводитъ въ могилу много людей. Чтобы избѣжать этой бѣды, разрываютъ могилу обрлы-карчика и вколачиваютъ колы.

Обръ очень глупъ: если старуху, изъ которой онъ вышелъ, перевернуть, то онъ не узнаетъ ее и моментально скроется.

Обра многіе видятъ. Онъ передвигается скачками вдоль болотъ, кладбищъ, иногда въ поемныхъ мѣстахъ.

Жезъ-тырнакъ.

Подъ названіемъ „жезъ-тырнакъ“ (букв. мѣдные когти) киргизы представляютъ себѣ зловредное существо женскаго пола съ молодымъ, привѣтливымъ и красивымъ лицомъ, съ длинными крѣпкими когтями, которые позвякиваютъ во время ходьбы. При встрѣчѣ съ людьми жезъ-тырнакъ прячетъ когти въ своихъ рукавахъ, пищу беретъ рукавомъ, не показывая пальцевъ. Это зловредное существо приходитъ обыкновенно распознавать мѣстность днемъ, чтобы потомъ возвратиться въ полночь; но такъ какъ оно не одарено хорошимъ чутьемъ, то обмануть его довольно легко: достаточно положить пень на постель или на томъ мѣстѣ, гдѣ человѣкъ обыкновенно сидитъ, покрыть его одѣяломъ или халатомъ и отойти на другое мѣсто. взявъ въ руки заряженное ружье и прилечь. Придя въ полночь, жезъ-тырнакъ, наточивъ другъ о друга когти, направляется къ постели и, принимая пень за человѣка, втыкаетъ въ него свои длинные и острые когти; но въ это время киргизъ убиваетъ его выстрѣломъ изъ ружья. Вотъ одинъ изъ трехъ рассказовъ о жезъ-тырнакѣ, записанныхъ г. Мирошѣвымъ со словъ Ишъ-Мухамеда Букина. Одинъ киргизъ-караванщикъ, во время своего пути, когда наступилъ вечеръ, остановился ночевать въ саксаулѣ, привязавъ на ночь верблюдовъ. Когда онъ сталъ ѣсть пищу, въ шалашѣ вошла одна молодуха. Погонщикъ спросилъ ее: „что ты за женщина?“ Она отвѣчала: „когда я собирала вишню, мой аулъ, не найдя меня, откочевалъ. Сегодня на мое счастье, вы пришли сюда ночевать“. Послѣ этого киргизъ сказалъ ей: „если такъ, то я провозжу тебя до твоего аула“. Онъ предложилъ молодухкѣ той пищи, которую самъ ѣлъ; она, не показывая пальцевъ, взяла ее рукавомъ и стала ѣсть. Когда наступило время ложиться спать, молодуха сказала: „я пойду; хотя теперь и ночь, но я догоню ихъ: вѣдь я теперь насытилась пищей“. Тогда киргизъ сказалъ: „твоя воля; если хочешь идти, ступай“. Поговоривши такъ, молодуха ушла. Киргизъ догадался, что это былъ жезъ-тырнакъ. Послѣ этого погонщикъ положилъ на свою постель большой пень и покрылъ его одѣяломъ. Вырывъ въ своемъ шалашѣ яму, онъ покрылъ ее доской и, взявъ въ руки ружье, легъ спать. Среди ночи пришелъ, позвякивая, жезъ-тырнакъ и пронзилъ съ двухъ сторонъ лежа-

щій на постели пень ¹⁾, приговаривая: „твой батюшка умеръ, твоя матушка умерла“. Въ это время киргизъ выстрѣлилъ изъ ружья; но жезъ-тырнакъ не палъ мертвымъ. И когда онъ стоялъ, не зная, откуда выстрѣлило ружье, погонщикъ наконецъ едва убилъ его; послѣ чего снялъ съ него всѣ вещи. Вставъ на слѣдующее утро, онъ убѣжалъ. По дорогѣ онъ наткнулся на одну кибитку. Вошедъ въ нее и увидавъ въ ней дѣтей жезъ-тырнака, онъ спросилъ ихъ: „гдѣ ваша мать?“ Они отвѣчали: „мы не знаемъ; она ушла ночью и еще не возвратилась“. Тогда киргизъ узналъ, что убитая имъ ночью была ихъ мать. Убивъ и этихъ дѣтей и собравъ все ихъ имущество, онъ возвратился домой богачемъ.

у б б е.

Киргизы вѣрятъ также въ существо уббе, живущее въ водѣ. Оно показывается въ образѣ человѣка чернаго цвѣта, съ черной длинной бородой и нахмуренными бровями. Изъ воды уббе обыкновенно зоветъ людей. И горе тому, кому вздумается пойти на этотъ зовъ въ воду. Злой духъ схватитъ его за икры и утащитъ его ко дну. На помощь къ утопавшему часто прибѣгаетъ какой-то человѣкъ, повидимому пери, принявшій человѣческій образъ, и спасаетъ несчастныхъ, какъ видно изъ слѣдующаго разказа Ишъ-Мухамеда Букина, записаннаго г. Миропіевымъ. Одинъ киргизъ ходилъ по берегу рѣки и услыхалъ изъ воды голосъ, звавшій кого-то человѣка по имени. Киргизъ, догадавшись, что это былъ уббе, остался на этомъ мѣстѣ, разсуждая такимъ образомъ: „если придетъ тотъ человѣкъ, котораго зовутъ, то я не пущу его“. Здѣсь онъ прождалъ до трехъ дней. По прошествіи этого времени пріѣхалъ сюда на хорошей черной лошади одѣтый въ черный бархатъ одинъ киргизскій юноша. Поклонившись человѣку, который здѣсь сидѣлъ и дожидался, онъ началъ скидать свою одежду. Тогда тотъ киргизъ сталъ препятствовать ему, говоря: „не ходи въ воду; если пойдешь, утонешь“. Онъ, не слушаясь его, отвѣчалъ: „я никогда не утону въ водѣ“. Наконецъ, скинувъ одежду, юноша пошелъ въ воду, переплылъ на тотъ берегъ рѣки и потомъ снова приплылъ на этотъ берегъ. Такимъ образомъ онъ плавалъ съ одного берега на другой разъ пять или шесть. Когда онъ снова приплылъ къ этому берегу, вышеупомянутый киргизъ вдругъ схватилъ его и, привязавъ за его руки веревку, отпустилъ. Отплывъ на нѣкоторое разстояніе, юноша утонулъ. Киргизъ началъ тянуть его за веревку, но онъ не подавался. Только спустя нѣсколько времени, онъ выплылъ на поверхность воды. Когда киргизъ вытащилъ его на веревкѣ, то онъ уже былъ мертвъ; икры его были совершенно красны въ томъ мѣстѣ, гдѣ схватилъ его уббе.

¹⁾ Когти ихъ такъ крѣпки и сила ихъ такъ велика, что онъ прозаюгъ даже камни.
Примѣч. ред.

Киргизъ привезъ этого юношу домой, отдалъ его отцу и матери и разсказалъ имъ все, что случилось съ нимъ ¹⁾).

Итакъ, изъ вышеизложеннаго видно, что почти всѣ эти нечистые духи, подъ какимъ бы то ни было названіемъ, наносятъ большій или меньшій вредъ человѣку. Бываютъ даже случаи, когда джинны носятъ вредъ и животнымъ. Такъ на примѣръ, муллою Мачіевымъ мнѣ было сообщено, что въ Тусунской волости, Тургайскаго уѣзда, бараны были неоднократно побиты какимъ-то джинномъ по имени „топальянь“, отчего скотъ временами умиралъ массами.

Въ слѣдующей статьѣ мною изложены будутъ способы избавленія отъ зловредныхъ духовъ, о роли баксы, какъ лекаря и колдуна, объ олицетвореніи болѣзней, о „кѡшүру“ и прочихъ обрядахъ киргизъ.

Г. Кастанье.

¹⁾ Во время опасности на водѣ киргизы взываютъ къ уббе, говоря: „не тронь меня!“. Въ воображеніи киргизъ уббе является водянымъ царемъ. Одинъ киргизъ, по имени Ашанъ-куль, былъ приведенъ къ уббе, у котораго долженъ былъ служить нѣсколько лѣтъ, и избавилъ его отъ змѣя-дракона, угрожавшаго смертью сыну уббе. За это уббе сдѣлалъ его своимъ визиремъ и выдалъ за него дочь другого визиря, красавицу Карашашъ-слу. Съ помощью волшебной палочки ему удалось возвратиться домой.

Есть у киргизъ еще существо, „жалмаузъ кемпиръ“, крайне безобразная, худая, прозорливая старуха. Одинъ киргизскій юноша шесть дней боролся съ нею, отрубилъ шесть головъ, а съ седьмой боролся семь дней и семь ночей, пока не покончилъ и съ ней. Питается она человѣческимъ мясомъ и очень любитъ мясо дѣтей. Образъ жизни ея имѣетъ большое сходство съ русской Бабой-Ягой.

Есть, наконецъ, и еще одно существо въ киргизской степи „кульдургышъ“ (заставляющій смѣяться). Это красивыя дѣвѣны, которыя защекочиваютъ людей до смерти. *Примѣчаніе ред.*

Изъ области киргизскихъ вѣрованій.

(Продолженіе).¹⁾

Олицетвореніе стихій.

Власть банксы надъ природой.

Въ послѣдней моей статьѣ, посвященной описанію вѣрованій киргизовъ въ злыхъ духовъ и нечистыя силы, было сказано, что въ большинствѣ явленій природы кочевники усматриваютъ вмѣшательство разныхъ духовъ²⁾.

Лучшимъ примѣромъ олицетворенія стихійныхъ явленій можетъ служить сказка объ одномъ богатырѣ, побѣждавшемъ злыхъ духовъ, или сказка о златоволосомъ Татамбаѣ и сестрѣ его колдуньѣ³⁾. Въ первой изъ нихъ злой духъ, подъ видомъ облака, каждый годъ спускался съ неба на землю и похищалъ жеребенка одного богача. Похищеніе жеребятъ облакомъ, о которомъ говорится и во второй сказкѣ, напоминаетъ собой похищеніе плодовъ въ одной азербейджанской сказкѣ, а также и въ одной турецкой, помѣщенныхъ въ „Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр. Казанск. Унив.“ Т. XII стр. 480. Какъ болѣе характерную, привожу 1-ую изъ этихъ сказокъ.

Жилъ въ старину одинъ богачъ. Много добра было у него: и табуны лошадей, и стада барановъ, и никто въ той странѣ не могъ сравняться

¹⁾ См. „Вѣстникъ Оренбургскаго учебнаго округа“ 1912 г. отд. III, стр. 71—93.

²⁾ Облака, громъ, дождь, засуха, вихрь, вѣтеръ, ураганъ, болѣзни людей, падежь скота и пр.—все это киргизы олицетворяютъ.

³⁾ Эти сказки, слышанныя изъ устъ казакъ-киргизовъ Уральской области, были записаны и напечатаны М. Н. Бекимовымъ въ „Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр. Казанск. Унив.“ Т. XX вып. 4 и 5.

съ нимъ въ богатствѣ. Между табунами у богача была одна кобыла, которая на половину была изъ золота, а на половину изъ серебра, и которая каждый годъ приносила по жеребенку съ такими же, какъ у самой, свойствами. Но каждый годъ на зарѣ, когда она жеребилась, спускалось съ неба на землю облако и уносило жеребенка. Такъ продолжалось много лѣтъ. У богача было три сына. Сыновья выросли; и разъ отецъ зоветъ ихъ къ себѣ и говоритъ имъ: „Я старъ и при жизни хочу опредѣлить, кому и что наследовать. Теперь изъ жеребятъ, похищенныхъ облакомъ, составились бы цѣлые табуны лошадей, но облако попрежнему похищаетъ ихъ. Кто изъ васъ узнаетъ, куда дѣваетъ ихъ облако, пусть тотъ наследуетъ эти табуны, которые должны быть на половину изъ серебра, на половину изъ золота“. Сыновья согласились караулить то облако каждый годъ по очереди, и старшій пошелъ въ табуны въ тотъ день, когда пришло время жеребиться кобылѣ. Поймалъ онъ кобылу и ждетъ, что будетъ. Вдругъ является облако и похищаетъ жеребенка. То же самое происходитъ и при среднемъ братѣ во второй годъ. Наконецъ, отправляется младшій братъ. Приходитъ онъ въ табуны и самъ думаетъ, что это не есть простое облако, а какая-нибудь нечистая сила. Поймалъ онъ кобылу, стреножилъ ее и ждетъ, что будетъ. По утру кобыла жеребится. Какъ только жеребенокъ началъ расправлять ноги, съ неба опустилось на землю облако. Какъ только оно схватило жеребенка, младшій братъ выстрѣлилъ въ него. Отъ выстрѣла облако взвизгнуло по женски и уронило что-то на землю. Младшій братъ прибѣгаетъ на то мѣсто и видитъ, что на землѣ лежитъ женскій палецъ. Онъ беретъ его, заворачиваетъ въ тряпку и идетъ домой. Около дома встрѣчаетъ отца и проситъ у него благословенія на отправку въ путь-дорогу, чтобы поискать куда дѣваетъ жеребенка облако и завладѣть тѣми табунами. Отецъ даетъ ему свое благословеніе, и юноша отправляется въ путь-дорогу. Долго скитался онъ по бѣлу свѣту. Наконецъ, приходитъ въ одно мѣсто и видитъ большое скопище народа. Народъ угощаетъ его, проситъ сотворить молитву объ успокоеніи души умершаго хана и рассказываетъ ему слѣдующее: „Всѣ они, подданные хана, собрались принести жертву, чтобы Богъ избавилъ хана отъ страшныхъ мученій, которыя тотъ терпитъ въ могилѣ. Каждый вечеръ на его могилу появляется какой-то человѣкъ въ бѣломъ одѣяніи, на бѣлой лошади и заставляетъ свою лошадь перепрыгивать черезъ его могилу. Тогда изъ могилы встаетъ ханъ и въ страшныхъ мученіяхъ бьется до утренней зари, а затѣмъ человѣкъ въ бѣломъ одѣяніи и на бѣлой лошади исчезаетъ. У хана осталась красавица дочь, которая дала олово выйти замужъ за того, кто избавитъ умершаго отца отъ неизвѣстнаго посѣтителя его могилы по ночамъ“. Юноша проситъ указать ему, гдѣ похороненъ ханъ, и отправляется на его могилу. Онъ легъ въ могилу хана и ждетъ, когда наступитъ вечеръ и съ нимъ появится человѣкъ въ бѣломъ одѣяніи. Въ сумерки является человѣкъ въ бѣломъ одѣяніи на бѣлой лошади и, говоря: „вотань!“, перескакиваетъ черезъ могилу. Вдругъ ханъ очнулся. Юноша хватается незнакомца за концы одежды и вырываетъ у него нагайку. Человѣкъ въ бѣломъ одѣяніи что-то произноситъ по женски и момен-

тально исчезаетъ. Послѣ этого онъ не является, и слѣдъ отъ него протыль. Поутру онъ идетъ въ домъ, гдѣ жила ханская дочь, и говоритъ ей, что незнакомецъ больше не явится; и, дѣйствительно, ея отецъ больше не вставалъ изъ могилы, и человекъ въ бѣломъ одѣяніи больше не являлся. Тогда ханская дочь предлагаетъ ему свою руку, но юноша проситъ подождать и отправляется дальше. Долго шелъ онъ по пустыннымъ мѣстамъ и, наконецъ, видитъ народъ собравшійся на берегу большой рѣки. По срединѣ рѣки плаваетъ корабль, а народъ плачетъ. Онъ спрашиваетъ, что это за народъ и зачѣмъ онъ сюда собрался. Народъ рассказываетъ ему, что много людей погибло въ этой рѣкѣ и, что какъ только корабль доходитъ до середины рѣки, такъ изъ воды показывается одна рука и топить корабль. Тогда юноша садится на этотъ корабль. Когда корабль дошелъ до середины, изъ воды показалась рука и хватаетъ за корабль. Юноша хватаетъ за эту руку и вырываетъ у нея перстень. Рука взвизгнула по женски, опустилась на дно рѣки и больше не показывалась. Юноша благополучно переправляетъ собравшійся народъ и идетъ дальше. Отъ долгой ходьбы онъ изнемогъ, ему хотѣлось отдохнуть, и какъ разъ онъ увидѣлъ между двумя горами три кибитки (юрты). Всѣ три кибитки были бѣлы и расположены въ рядъ. Онъ входитъ въ одну кибитку и никого не застаётъ тамъ, входитъ во вторую и тамъ оказывается пусто. Онъ хотѣлъ было войти въ третью кибитку, какъ вдругъ послышались голоса въ ней, и по нимъ онъ узналъ, что разговаривали три дѣвушки. Дѣвушки говорили о томъ, что онъ много зла причиняли людямъ, много скитались по бѣлому свѣту, но встрѣтила-ли которая нибудь изъ нихъ человека, за котораго достойна была-бы выйти замужъ. Одна дѣвушка говоритъ: „Жилъ одинъ багачъ, у котораго были табуны лошадей. Между табунами была у него кобыла, которая рождала жеребенка на половину изъ золота и на половину изъ серебра. Каждый годъ я похищала по жеребенку, теперь у меня изъ тѣхъ жеребятъ — цѣлые табуны лошадей, которые пасутся вонъ за тѣми высокими горами. Но разъ, когда я явилась похитить жеребенка, какой-то юноша выстрѣлилъ къ меня и отшибъ у меня палецъ. За этого юношу я охотно вышла-бы замужъ“. Вторая дѣвушка говоритъ: „Жилъ по сосѣдству съ нами одинъ ханъ, который постоянно сватался за меня и до кончины не переставалъ сватать; я дала слово отомстить ему послѣ кончины его. Каждую ночь я воскрешала его и причиняла ему ужасныя мученія. Но разъ какой-то юноша поймалъ меня за концы моихъ одеждъ и вырвалъ у меня нагайку. За этого юношу я охотно вышла-бы замужъ“. Третья дѣвушка говоритъ: „Я топила въ одной рѣкѣ много народу; но разъ какой-то юноша схватилъ меня за руку и вырвалъ у меня перстень. За этого юношу я охотно вышла-бы замужъ“. Какъ только третья дѣвушка сказала это, въ кибитку (отау) входитъ юноша и говоритъ имъ, что тотъ юноша, о которомъ у нихъ идетъ рѣчь, это — онъ. Дѣвушки изумились и согласились выйти за него замужъ. Но онъ сказалъ, что у нихъ есть братья, „дау“, которые не отдадутъ ихъ ему добровольно; надо убить ихъ. Юноша узнаетъ, когда они придутъ, и идетъ въ ту сторону, откуда они должны придти. Дѣвушки обѣщаются

помочь ему. Къ вечеру показались братья. Ихъ было трое. Юноша вступилъ съ ними въ борьбу. Убилъ одного, затѣмъ второго, но съ третьимъ никакъ не могъ справиться. Наступилъ уже вечеръ, по они все еще боролись, и такъ проборолись до поздней ночи. Оба устали. Вдругъ прибѣгаетъ сестра этого „дау“ и бросаетъ на землю подъ ноги юноши золу, а подъ ноги брата просо. Отъ проса „дау“ поскользнулся и упалъ. Юноша убиваетъ его и возвращается въ кибитку. Тутъ отъ дѣвушекъ узнаетъ, гдѣ пасутся табуны лошадей, и отирается за ними. На обратномъ пути онъ женится на дочеряхъ пери (пери кыздарына), беретъ еще ханскую дочь и благополучно возвращается на родину.

Громъ, по толкованію киргизовъ, происходитъ отъ дѣйствія одного маленькаго ангела, въ распоряженіи котораго находятся тучи ¹⁾. Когда онъ видитъ, что пора оросить землю благодатнымъ дождемъ, онъ беретъ бичъ, которымъ начинаетъ хлестать по тучамъ и гнать ихъ по избранному направленію. Въ то же время онъ вооружается стрѣлами, при помощи которыхъ преслѣдуетъ своего противника, злого духа-шайтана. Напуганный злой духъ мечется изъ стороны въ сторону, прячется въ дома, въ человѣка и въ скотину. Во время своего преслѣдованія, ангелъ гнѣвно кричитъ, и крики его передаются на землю въ видѣ грома. Молнія—это слѣдъ бича ангела, которымъ онъ бьетъ по тучамъ. Въ своихъ трудахъ извѣстный путешественникъ въ Джунгарію и ученый киргизъ Чоканъ Валихановъ ²⁾ говоритъ, что у киргизовъ громъ—гнѣвный глазъ Божій, а молнія—стрѣлы, которыми онъ поражаетъ шайтановъ. Мусульманскія легенды въ этомъ отношеніи сходны довольно близко съ киргизскими. Въ нихъ говорится, что громъ—крики одного страшнаго ангела, а молнія стрѣлы, которыми онъ поражаетъ шайтановъ; но приписывать этотъ актъ самому Богу, по мусульманскимъ понятіямъ, неприлично ³⁾. Надо полагать, говоритъ вышеупомянутый авторъ, что здѣсь господствующая идея шаманская,—тѣмъ болѣе, что буддисты-монголы, на которыхъ не могла дѣйствовать мусульманская легенда, также считаютъ молнію за небесныя стрѣлы, направленные противъ злыхъ духовъ.

Заслышавъ первый весенній громъ, киргизъ соблюдаетъ слѣдующій обрядъ: хозяинъ ⁴⁾ кибитки съ ковшомъ выбѣгаетъ изъ кибитки, бьетъ имъ по ней, при чемъ начинаетъ продѣлывать это съ правой стороны отъ входа въ кибитку, приговаривая: „молока много, углей мало“. Испол-

¹⁾ Ив. Денисовъ. Тургайская газета за 1897 г. № 107.

²⁾ См. сочин. Чохана Чинисовича Валиханова: „Записки Импер. русск. географ. общ. по отд. этн.“. Т. XXIX. 1904 г.

³⁾ По вѣрованіямъ азербейджанскихъ татаръ, громъ и молнія происходятъ отъ того, что ангелъ Гавриилъ катится по небу на лошади „Рафъ-Рафъ“ и своимъ кнутомъ бьетъ ее (молнія появляется отъ его ударовъ). См. „Сборникъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, вып. 17. При первомъ весеннемъ громѣ татары Закавказья хватаются за камень, чтобы получить больше масла отъ своихъ коровъ, а также гадаютъ о томъ, какой будетъ годъ; съ этой цѣлью бросаютъ на крышу дома ложку: если она упадетъ вверхъ дномъ, то будетъ урожайный годъ, а если—наоборотъ,—неурожайный. *Примѣч. ред.*

⁴⁾ По другой версіи,—киргизская женщина. См. И. И. Стенной. „Тургайская газета“ 1897 г. № 62.

нивъ этотъ обрядъ, онъ на нѣкоторое время привѣшиваетъ ковшъ на веревкѣ или втыкаетъ его около дверей въ кибиточную рѣшетку. Чокана Валиханову случалось слышать относительно перваго весенняго грома выраженіе: „небесный жеребецъ ржетъ“, а также онъ свидѣтельствуешь, что льютъ молоко у порога кибитки. Это, повидимому, дѣлается изъ добраго пожеланія обилія молока. Эти обряды и мн. др. направлены къ тому, чтобы устрашить или умилостивить олицетворяемую киргизами стихію.

Вихрь былъ также олицетворенъ, какъ одинъ изъ тангріевъ (боговъ) стихійнаго происхожденія, потому что киргизы, встрѣчая вихрь, плюютъ три раза: „тьфу, тьфу, тьфу!“¹⁾ Киргизы Тургайской области выходятъ на встрѣчу вихря съ чашкой воды и брызгаютъ по его направленію, произнося заклинанія. Они убѣждены, что этимъ магическимъ дѣйствіемъ они заставятъ злого духа (джинна), олицетвореннаго въ вихрь, повернуть въ сторону отъ ихъ кибитокъ.

Какъ и всѣ первобытные народы, киргизы убѣждены, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ власть надъ природой, что они могутъ производить, когда нужно, вѣтеръ, громъ, дождь. Особенно прославился въ этомъ отношеніи киргизъ Эмбенскаго уѣзда, баксы (колдунъ) Сарбай²⁾. Онъ, по просьбѣ народа, часто производилъ проливные дожди. Близкій родственникъ его, баксы Кудайберды, предшественникъ Сарбая, въ состояніи былъ приказать духамъ производить бураны, вихрь, дождь, градъ, переносить кибитку, со всѣмъ въ ней находящимся имуществомъ, съ одного берега рѣки на другой; онъ могъ заставить цѣлыя табуны лошадей со всѣхъ окрестностей нестись къ нему, окружать его со всѣхъ сторонъ и стоять смиренно, понуря головы. Про знаменитаго, нынѣ умершаго, Сарбая одинъ изъ стариковъ-табынцевъ рассказывалъ слѣдующее: „Я вмѣстѣ съ Сарбаемъ и еще двумя путниками ѣхали по Усть-Урту, направляясь къ Кунграду. Дорогой начали смѣяться надъ Сарбаемъ и его владычествомъ надъ духами. „Послушай, Сарбай, если ты, дѣйствительно, такой знаменитый баксы, какъ говорятъ про тебя, то выполни то, что мы тебѣ предложимъ. Видишь вонъ то дерево,—дай намъ твой „кобызь“³⁾, мы привяжемъ его къ нему; и пусть духи, которыми ты повелѣваешь, принесутъ твой инструментъ въ ауль, въ который мы ѣдемъ и который находится на разстояніи двухъ верблюжьихъ кочевокъ⁴⁾. Такъ и сдѣлали. Привязавъ кобызь крѣпкими веревками къ дереву, они продолжали дальнѣйшій путь. Пріѣхавъ на другой день въ намѣченный ауль, потребовали для Сарбая, какъ для баксы, отдѣльную кибитку. Весь ауль, узнавъ о прибытіи чародѣя, пришелъ въ необычайное движеніе: отъ мала до велика всѣ собрались къ его кибиткѣ. Сарбай не тратилъ напрасно времени. Какъ только кибитка была для него поставлена, онъ сейчасъ же сталъ вызы-

1) Чоканъ Валихановъ.

2) М. Леваневскій. Очерки киргизскихъ степей. Тургайск. иллюстр. газета 1896 г. № 40.

3) Кобызь—родъ скрипки.

4) Верблюжья кочевва—20 верстъ.

вать духовъ и отдавать имъ приказанія. Смѣявшіеся надъ нимъ во время пути киргизы были поставлены шагахъ въ двадцати передъ кибиткой, лицомъ въ ту сторону, съ которой они прибыли въ ауль. Изъ кибитки послышался голосъ Сарбая: „эй вы, невѣрующіе, посмотрите по направленію, гдѣ оставленъ мой кобызь, не увидите ли чего-нибудь?“ — „Несется вихрь“, отвѣчаютъ ему. Въ одну минуту Сарбай былъ на самомъ верху кибитки, и голосъ его, призывающій духовъ, понесся навстрѣчу вихрю. Вихрь все ближе и ближе. Все собравшіеся начинаютъ уже замѣчать, что какой-то большой и странный предметъ то подымется кверху, то опускается къ землѣ, несомый вихремъ по направленію къ кибиткѣ. Еще минута, — густое облако пыли проносится мимо двухъ насмѣшниковъ, и оба они падаютъ на землю безъ малѣйшихъ признаковъ жизни. Какъ только улеглась постыдная пылинка страшнаго вихря, приходшіе нѣсколько въ себя киргизы увидѣли около ногъ Сарбая большое дерево, вырванное съ корнемъ, а на немъ крѣпко привязанный кобызь. Оба киргиза, упавшіе при приближеніи вихря, были Сарбаемъ приведены въ чувство и на вопросъ его: „что съ вами случилось?“ отвѣтили: „насъ кто-то такъ сильно ударилъ рукой по щекѣ, что больше ничего не помнимъ“. Таковъ былъ Сарбай.

Такой же силой обладалъ въ другомъ концѣ киргизской степи, по сосѣдству съ Китаемъ, баксы Койлубай, который, по словамъ Чохана Валиханова, считается патрономъ всѣхъ баксъ. Рассказываютъ, что онъ на одномъ праздникѣ во время байги положилъ свой кобызь и приказалъ привязать его куда-нибудь. Самъ Койлубай отошелъ оттуда на нѣкоторое разстояніе. Когда вдали показалась пыль байги, Койлубай съ саблею въ рукахъ началъ игру и пѣніе „сарнь“. Вдругъ со стороны байги показался страшный ураганъ и подулъ красный вѣтеръ. Наконецъ, въ хаосѣ пыли и тьмы показались первыя лошади и впереди саксауловое дерево съ огромнымъ корнемъ, задѣвая то однимъ концомъ, то другимъ землю, и волоча за собой длинный арканъ, на которомъ былъ кобызь Койлубая. Вѣтеръ и ураганъ это были силы его духа, — *Кокомани*.

Не менѣе знаменитъ и силенъ былъ въ прежнее время Кобланды, баксы изъ кара-кипчаковъ. Рассказываютъ¹⁾, что однажды Кобланды сидѣлъ на берегу рѣки, а на противоположной сторонѣ одинъ богачъ устраивалъ пиръ. Богачъ этотъ пригласилъ также и Кобланды, говоря: „у насъ нѣтъ лодки, чтобы перевести васъ черезъ рѣку: если вы найдете возможнымъ, приходите на пиръ, переплывъ рѣку“. Тогда Кобланды, баксы кара-кипчакскій, сказалъ: „поставь тотъ домъ, который долженъ быть поставленъ намъ, и разложи на тарелкахъ мясо, которое должно быть дано намъ. Если, переправившись съ одной стороны рѣки на другую, я начну ѣсть, то съѣмъ; если-же я не буду въ состояніи съѣсть, оставшись живымъ, то пусть я не буду ходить по землѣ“. Послѣ того богачъ, приготовивъ все, закричалъ баксѣ Кобланды: „переправивъ черезъ рѣку домъ, ку-

¹⁾ Рассказъ Хассана Касымова изложенъ М. А. Мироніевымъ въ „Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этногр.“. Т. X, выпускъ 3.

шайте свою долю". Тогда баксы Кобланды съѣлъ на крутой берегъ и, взявъ въ руки чернѣй кобызъ¹⁾, началъ призывать джишновъ по именамъ: „Я возжу смычкомъ по кобызу, я кладу въ огонь масло²⁾, призываю по именамъ множество моихъ духовъ, обитающихъ въ пустынномъ мѣстѣ. Приди скорѣй, мой чернѣй великанъ, начальникъ надъ сорока юношами, навьючившими шалашъ на сорокъ дромадеровъ. Эй, душа, говори: мой Кокоманъ³⁾ играетъ на небѣ, а его тѣнь на землѣ! Десять юношей, обитающихъ въ низменномъ мѣстѣ; сорокъ юношей, обитающихъ на возвышенномъ мѣстѣ, вотъ я призываю васъ. Придите ко мнѣ, сорокъ юношей! Эй, Хоробай⁴⁾, которому не достало на ширинку шкуръ 60-ти барановъ! Эй, Хоробай, которому не достало на рукавъ шкуръ 70 барановъ!". После того, какъ баксы Кобланды призвалъ духовъ, все джишны перенесли черезъ рѣку поставленную на той сторонѣ бѣлую кибитку вмѣстѣ съ положеннымъ на тарелкахъ. Когда баксы съѣлъ мясо, духи снова отнесли домъ на ту сторону и на то же мѣсто, откуда взяли. Тогда все собравшееся множество народа удивилось силѣ духовъ баксы кара-кипчака. — Кобланды.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ киргизской степи кочевники убѣждены, что можно, по желанію, производить или приостановить вѣтеръ⁵⁾. Такъ на примѣръ, извѣстно, что киргизы-земледѣльцы Перовскаго уѣзда, Сырь-Дарьинской области, пользуются весьма примитивнымъ способомъ вѣянiя хлѣба. Берутъ они, обыкновенно, лопату, захватываютъ зерна, смѣшанныя съ мелкой соломой, и подбрасываютъ ихъ вверхъ для того, чтобы зерно очистилось отъ соломѣ. Но для этого необходимъ вѣтеръ. Когда его нѣтъ, нужно его ждать или вызвать. И вотъ киргизъ начинаетъ выкрикивать заклинаніе своихъ предковъ⁶⁾:

О, Джалангашъ-ата, вызывай, вызывай вѣтеръ!

Чтобы взвился онъ чернымъ туманомъ

Съ силою и съ бураномъ;

Чтобы раздувалъ онъ лохмотья на голышѣ,

Дабы блестяло его тѣло.

Пусть сдѣлаетъ (вѣтеръ) такъ, чтобы оголилась голова съ коростою⁷⁾

Вѣтеръ красный⁸⁾, со свистомъ!

О, вѣтеръ красный! бушуй, собравши все силы.

1) Здѣсь, повидимому, цвѣтъ кобыза играетъ особую роль.

2) Приемы эти употребляются при ворожбѣ.

3) Названіе духа.

4) Тоже.

5) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Персіи простонародье издастъ въ воздухъ особый видъ шафрана и думаетъ, что отъ этого начнется дуть вѣтеръ. Индійскіе колдуны производятъ вѣтеръ, размахивая вѣткой и произнося заклинаніе. См. Fraser The Golden Bough.

6) Призывъ, записанный А. Диваевымъ со словъ киргиза Перовскаго уѣзда Кысбугутской волости, рода Алчинъ, Пирмухамеда Гайтанова. См. Этнографическое обозрѣніе за 1910 г. № 1—2.

7) Это выраженіе слѣдуетъ понимать: чтобы вѣтеръ сорвалъ шапку или тюбейку съ больного.

8) У киргизовъ принято называть краснымъ вѣтромъ тотъ, который поднимается въ Кызыль-Кумахъ, находящихя въ предѣлахъ Перовскаго, Ташкентскаго, Джизакскаго и нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ. (Прим. автора).

Ты тотъ, буйный вѣтеръ, который стремится
Черезъ высокія вершины горъ . . .
О, свирѣпый вѣтеръ! нескончаемо гудишь ты съ востока.
Отъ паденія широкаго горнаго потока
Волнуется блестящая поверхность тихаго озера.
Собравши всю свою мочь,
Засвищу ¹⁾ я, подобно удаву.
Приди же вѣтеръ, приди скорѣе!
Вызываю тебя со свистомъ змѣи,
Возсылаю тебѣ свой уранъ ²⁾
Ибо я не могу сдуть, подобно тебѣ соломѣ.
О, вѣтеръ, вѣтеръ! по волѣ твоей катится бесконечно ибелекъ ³⁾;
По дуновенію твоему тухнетъ огонь;
Лети со стремительной силой,
Ты поднимаешь поверхность земли . . .
О, вѣтеръ, вѣтеръ! вызываю, вызываю тебя на помощь!

По словамъ Пирмухамеда Тайтанова, а также нѣкоторыхъ киргизъ Перовскаго уѣзда, означенный выше призывъ слѣдуетъ повторять, какъ можно чаще, ибо это ускоряетъ появленіе вѣтра и усиливаетъ его.

А вотъ и обратное киргизское повѣрье о заклинаніи вѣтра, существующее съ древнихъ временъ у туземцевъ Чимкентскаго уѣзда, Сыр-Дарьинской области и записанное также А. Диваевымъ ⁴⁾. Во время сильныхъ вѣтровъ, въ лѣтнее время, когда начинаетъ колоситься и созрѣвать хлѣбъ, старухи-сартянки садятся верхомъ на песты, берутъ въ руки длинныя хворостины, навязываютъ на нихъ разноцвѣтныя тряпки и, вымазавъ сажею лицо, отправляются по улицамъ ⁵⁾. Затѣмъ, подражая ржанію жеребца, онѣ начинаютъ кричать и прыгать на встрѣчныхъ мужчинъ, приговаривая:

О, чаль-мама, чаль-мама! ⁶⁾
Не найдешь ты себѣ мѣста, чаль-мама.
Ты разсыпала созрѣвшій колосъ проса, чаль-мама,
Ты развѣяла кучи соломы по ложбинамъ, чаль-мама.
О, чаль-мама, чаль-мама!
Ты срываешь камни, крѣпко прилипшіе къ землѣ,
Ты ломаешь круглыя головы маша ⁷⁾, чаль-мама.
О чаль-мама, чаль-мама!

¹⁾ У многихъ туземцевъ и даже татаръ Европейской Россіи сохранилось повѣрье, что свистомъ можно вызвать вѣтеръ. (Прим. автора).

²⁾ Уранъ—киргизскій боевой кличъ, вызывающій о помощи.

³⁾ Ибелекъ—*seratocarpus agelarius*,—сухая колючка, имѣющая правильную шарообразную форму, достигающая до 2-хъ футовъ въ діаметрѣ.

⁴⁾ Географическое обозрѣніе за 1910 г. № 1—2, стр. 131.

⁵⁾ Такой-же обычай существуетъ и въ Ташкентѣ; но здѣсь старухи бѣлятся и румянятся, вмѣсто того, чтобы мазаться сажей (прим. автора).

⁶⁾ Чаль-мама въ переводѣ значитъ свѣдья старуха (прим. автора).

⁷⁾ Машъ—родъ мелкаго гороха (прим. автора).

Я прекращу твою бурю, чаль-мама,
Я сломаю твой порывъ, чаль-мама.

Ты наскучила нашему селеню,
Навдеку я смерть на голову твою, будь увѣрена въ этомъ, чала-мама!

Обращаясь къ населенію:
Прогонимъ же съ помощью Худай бурю.

Подавайте щедро, чтобы сыпалось по дорогѣ,

Подавайте такъ, чтобы лилось по дорогѣ.

Заслышавъ возгласъ старухъ, каждый домовладѣлецъ даетъ имъ зерновой хлѣбъ и деньги, а затѣмъ на все собранное устраивается на могилѣ святого общій обѣдъ, — „худай“. По убѣжденію туземцевъ, природа не въ состояніи бороться со столь сильнымъ заклинаніемъ, и буря неминуемо должна утихнуть ¹⁾.

Абулгази говоритъ, что турки имѣли камень, называемый „ядъ“ или „джада“, посредствомъ котораго они могли производить дождь, громъ, молнію и т. п. Этотъ камень имѣется и у киргизовъ. Его называютъ „джай-тасы“ ²⁾. Они, въ этомъ отношеніи, не уступаютъ дикарямъ Новой Гвинеи, которые вызываютъ дождь, обмакнувъ въ воду вѣтку, срѣзанную отъ особаго вида дерева, и встряхнувъ ею на землю. Характерный примѣръ обратнаго явленія существовалъ у арабовъ рода „алкамара“. Арабскій историкъ Макриси пишетъ, что у алкамаровъ срѣзывали вѣтку особой породы дерева, растущаго въ пустынь, зажигали ее и затѣмъ брызгали на нее водой. Дождь сейчасъ-же переставалъ, подобно тому, какъ капли воды испарялись на горѣвшей вѣткѣ ³⁾. Подобное дѣйствіе, которое можно назвать „подражательной магіей“, примѣняется у многихъ народовъ Азіи и Австраліи и въ частности у киргизовъ ⁴⁾. Между ними особенно славился такой силой баксы Эмбенскаго уѣзда Сарбай, о которомъ упоминалось выше.

Олицетвореніе болѣзней.

У киргизовъ, какъ и у всѣхъ первобытныхъ, не цивилизованныхъ народовъ, болѣзнь — ничто иное, какъ вліяніе демона, злого духа, который

¹⁾ А. Диваевъ.

²⁾ Всякое чародѣйство и колдовство киргизы называютъ „джаду“ (см. Чоханъ Валихановъ).

³⁾ Fraser—The Golden Bough.

⁴⁾ Изъ обрядовъ о призывѣ или заклинаніи дождя, заслуживающихъ вниманія, слѣдуетъ указать слѣдующее: Арабы язычники, желая производить дождь, привязывали двѣ вязанки къ хвосту и къ заднимъ ногамъ скота, которыя они зажигали, погоняя скотъ къ вершичѣ горы и этимъ вызывали дождь. Въ Табаристанѣ достаточно было бросить грязь или молоко въ какую-то пещеру, чтобы вызвать дождь. И переставалъ онъ, какъ только очищали пещеру. Въ горахъ Ферганы былъ колодезь, который обладалъ свойствомъ вызывать дождь, когда въ него бросали навозъ (Fraser—The Golden Bough).

Обрядовъ и заклинаній при вызовѣ дождя существуетъ больше всего у туземцевъ Сѣверной Африки. Edmond Doutte. Magie et Religion dans l'Afrique du nord Alger 1909 г.

вселится въ тѣло человѣка, чтобы мучить его¹⁾. Магическое заклинаніе „Умм-ес-Сибіанъ“, извѣстное въ мусульманскомъ мірѣ Сѣверной Африки отъ Каира до Феца, ясное всего показываетъ, какъ болѣзнь представляется первобытному человѣку. Это заклинаніе продается въ Египтѣ и Алжирѣ, и ему приписываютъ магическое свойство. Какъ талисманъ, оно можетъ въ нѣкоторомъ родѣ служить основой для изученія теоріи магіи²⁾. Часто случается, что, излагая письменно какое-нибудь желаніе, черезъ нѣкоторое время получаютъ это желанное событіе. Словомъ, какое-нибудь желаніе осуществится, если имѣть при себѣ письменное изложеніе этого желанія. Даже легенда, изобилующая героическими фактами, чудесными событіями или хорошими качествами, можетъ вызвать подобныя же факты у владѣльца этого рода талисмана. Ниже приводится заклинаніе „Умм-ес-Сибіанъ“, этого зловреднаго существа, женскаго пола, которое обвиняютъ во всевозможныхъ недобрыхъ дѣяніяхъ, направленныхъ, главнымъ образомъ, противъ дѣтей. Отсюда его имя „Умм-ес-Сибіанъ“, означающее: мать, приносящая вредъ дѣтямъ, или просто—дѣтская болѣзнь. Характерно то, что въ нѣкоторыхъ книгахъ мусульманской медицины подъ именемъ „Умм-ес-Сибіанъ“ подразумѣвается дѣтская болѣзнь и зловредный духъ,

„Во имя всемилостиваго и милосерднаго Бога! Пусть Богъ даруетъ свое благословеніе повелителю Магомету, его семейству и его спутникамъ и пусть ихъ спасаетъ. Равсказываютъ, что однажды нашъ повелитель Сулейманъ бенъ Даудъ (Соломонъ сынъ Давида) увидѣлъ старуху съ дую съ голубыми глазами, брови которой соединялись; ноги ея были слабыя, волосы растрепанные, а черезъ открытый ротъ она выплевывала огонь. Она распахивала землю своими ногтями, отсѣкала деревья только своимъ крикомъ. И такъ, встрѣтивъ ее, нашъ повелитель Сулейманъ сказалъ ей, „Эй ты, старуха, человѣческое-ли ты существо или духъ, потому что я ничего не видѣлъ болѣе отвратительнаго, чѣмъ ты?“ Старуха ему отвѣтила: „О, пророкъ Божій, я — Уммъ-ес-Сибіанъ; я господствую надъ сыновьями Адама и Евы; я вхожу въ дома и въ нихъ я издаю пѣтушинный крикъ, въ нихъ еще я лаю какъ собака, мычу какъ быкъ или корова, кричу какъ кричитъ верблюдъ, ржу какъ ржетъ лошадь, реву какъ реветъ осель, свищу какъ свиститъ змѣя и принимаю въ точности формы этихъ животныхъ. Я связываю матку у женщинъ, я убиваю дѣтей и меня не узнаютъ. О, пророкъ Божій, я подхожу къ беременной женщинѣ, дуо на нее и съ нею бывають преждевременные роды; подхожу къ невѣстѣ, связываю полы ея платья и приношу несчастье молодымъ супругамъ; прихожу къ мужчине, ослабляю его и лишаю его способности къ супружеской жизни. Если онъ пашетъ, то ничего не пожнетъ; если попроситъ

¹⁾ Вообще всѣ болѣзни и всѣ несчастія съ людьми у всѣхъ шаманистовъ приписываются вліянію злыхъ духовъ; отсюда—происхожденіе умилостивительныхъ жертвъ. *Прилѣч. ред.*

²⁾ Магія—искусство управлять силами природы посредствомъ извѣстныхъ пріемовъ, которые вліяютъ на нихъ только съ внѣшней стороны.

что-нибудь, то ничего не получить. Однимъ словомъ, я нападаю на съновей Адама и на дочерей Евы". Тогда нашъ повелитель Сулейманъ быстро схватилъ ее и сказалъ ей: „Проклятое созданіе, не отпущу тебя, пока ты не сдѣлаешь мнѣ извѣстнаго числа договоровъ и обѣщаній, согласно съ которыми, не будешь лишать женщинъ плодородія, когда онѣ беременны, не будешь поражать ихъ дѣтей". Старуха отвѣтила: „Согласна о, пророкъ Божій, потому что ты мой повелитель. И я тебѣ даю вѣсколь-ко обѣщаній: „Во имя всемогущаго и всемилосерднаго Бога, безъ котораго нѣтъ другого Бога, вѣчнаго побѣдителя, царя здѣшняго и загробнаго міра, во имя Того, который ставитъ на прямую дорогу тѣхъ, кто ослушался, но который строго будетъ обращаться съ тѣмъ, кто только повиновался своимъ страстямъ, который воскреситъ кости уничтоженныя временемъ! Во имя Владыки, сильнаго! я не подойду къ тому, кто будетъ имѣть при себѣ это обѣщаніе. Къ нему я не подойду ни днемъ, ни ночью, будетъ-ли это мужчина или женщина. Богъ пусть будетъ мнѣ свидѣтелемъ въ томъ, что я говорю!" Въ такомъ же духѣ она дала ему и другія обѣщанія, написанныя отдѣльно.

Каждый талисманъ былъ составленъ на подобіе перваго и въ каждомъ было указано, въ какихъ именно случаяхъ онъ можетъ быть полезнымъ.

Какъ видно изъ мѣстическаго заклинанія „Уммъ-ес-Сибіанъ", болѣзнь—существо болѣе или менѣе олицетворенное, которое вселяется въ человѣка. Въ такихъ талисманахъ не только описываются преступныя дѣянія злого духа, но и указывается также, какъ можно отъ нихъ избавиться. Ясно теперь, что тотъ, у котораго будетъ подобный талисманъ, считается гарантированнымъ отъ всякой болѣзни и недуга. Иногда достаточно написать какую-нибудь молитву или, какъ у киргизовъ, извѣстный стихъ корана, чтобы вылѣчиться. Ихъ пишутъ муллы по просьбѣ кочевниковъ. Бумага складывается извѣстнымъ образомъ, кладется въ кожаный футляръ и привѣшивается у пояса или на груди. Иногда исписанная бумага свертывается въ шарикъ и проглатывается больнымъ¹⁾.

¹⁾ По свидѣтельству Р.б. Эфендіева, у азербейджавскихъ татаръ въ Нухинскомъ уѣздѣ, Елизаветпольской губ., къ больному приглашаютъ музлу, который, прочитавши въ полголоса какую-нибудь молитву, дуетъ ртомъ по лицу больного, а затѣмъ пишетъ на длинной лентѣ изъ бѣлой бумаги или изъ бѣлой шелковой ткани талисманъ и складываетъ ее въ форму трехугольника; иногда же онъ разстилаетъ этотъ талисманъ на дивъ чашки съ водой, которую больной и выпиваетъ по глоткамъ („Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа", вып. IX, отд. 2, стр. 142—143). Самое названіе „талисманъ" происходитъ отъ ар. тилиемъ (греч. теласми—совершенство, полнота),— что означаетъ магическія фигуры, начертанія волшебства, своего рода шифръ. По вѣрованіямъ азербейджавцевъ, тильсимы, какъ-бы, скрываютъ желѣзныя двери въ подземныхъ пещерахъ, гдѣ находятся драгоценныя клады, охраняемые особыми драконами (аждага). Лишь святой, благочестивый человѣкъ можетъ произнесеніемъ „бисмилля" побѣдить этотъ тильсимъ; но есть и такіе тильсимы, на которые и „бисмилля" не дѣйствуетъ. Тильсимы, или талисманы, употребляются и при разныхъ наговорахъ, въ которыхъ часто встрѣчаются какіе-нибудь кабалистическіе знаки или выраженія (напр., „бильбили, вильвили, сплевли, тинги дягни, іоуфъ лахударъ самууратъ агаби ваозон"—ничего невыражающіе звуки въ заговорѣ противъ лихорадки См. Р.-б. Эфендіевъ, тамъ же). *Примѣч. ред.*

Магическіе способы врачеванія болѣзней¹⁾.

Обряды передачи болѣзней.

Особенное магическое свойство, для вылѣчиванія большинства болѣзней, приписывается животнымъ, птицамъ, насекомымъ. Такъ, напримѣръ, киргизы Тузтюбинской волости лѣчатъ сибирскую язву слѣдующимъ образомъ. Прикладываютъ на язву животомъ живую болотную лягушку, а предварительно къ ногамъ ея привязываютъ палки, которыми ее и прикрѣпляютъ. Минуты черезъ двѣ лягушка издыхаетъ, причемъ животъ у нея дѣлается совершенно чернымъ. Такимъ способомъ перемѣняютъ лягушекъ 4—5; послѣдняя издыхаетъ уже черезъ полчаса. Черное пятно у больного исчезаетъ, а на его мѣстѣ образуется ранка, на которую обыкновенно накладываютъ смазанную масломъ бумагу, или свинецъ изъ-подъ чая, если случится подъ рукой. Рана черезъ нѣсколько дней заживаетъ. Этотъ характерный пріемъ передачи болѣзни животнымъ примѣняется у всѣхъ некультурныхъ народовъ земного шара. Такъ, гвинейскіе негры привязываютъ къ шеѣ больного живого цыпленка и, когда онъ начинаетъ кричать, думаютъ, что онъ страдаетъ отъ боли, воспринятой у больного. Поразительный примѣръ подражательной магіи примѣняется въ Кумакской вол. Тургайской области. Для излѣченія сифилиса берутъ кусокъ кошмы, которымъ подвязываютъ половыя части у барановъ, нагрѣваютъ его сильно, смазываютъ коровьимъ масломъ и сажаютъ на нихъ больного безъ нижняго бѣлья. Средство это примѣняется одинаково и къ мужчинамъ и къ женщинамъ. Киргизы Аралтюбинской вол., въ случаѣ продолжительной болѣзни, одѣваютъ больную женщину въ шкуру лошади, или барана, или козы, только что передъ тѣмъ зарѣзанныхъ. Этотъ пріемъ сопряженъ со многими обрядами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тургайск. обл. рѣжутъ барана, козу, бычка, телку или годовалаго жеребенка (причемъ, если больной—мужчина, то животное должно быть женскаго пола и наоборотъ). Требуется также, чтобы коза или козель были чубарой или бурой масти, бычекъ и телка—черной, а жеребенокъ какой угодно масти. Снимаютъ съ нихъ шкуру, а съ барана и козы прямо сдираютъ, какъ съ зайца, и кладутъ шкуру въ мѣшокъ изъ армячины; мѣшокъ завязываютъ и два человека мнутъ его около часа. Затѣмъ со шкуры очищаютъ пожемой кровь. Когда укладываютъ больного или больную, то раздѣваютъ ихъ донага и натягиваютъ на нихъ шкуру, начиная съ ногъ. Когда зарѣзаны бычекъ, телка или жеребенокъ, то больного завертываютъ въ шкуру такъ, чтобы голова животного находилась у ногъ больного²⁾. Если это средство по-

¹⁾ Для составленія этой части статьи больше всего я пользовался матеріаломъ собранымъ А. Васильевымъ „Народныя способы врачеванія у киргизовъ Тургайской обл.“

²⁾ Люди одѣваютъ шкуры извѣстныхъ животныхъ въ особенности во время религиозныхъ обрядовъ. Тамъ, гдѣ существуетъ тотемизмъ, эти животные служатъ тотемомъ. См. С. Рейнахъ—Cultes Mythes et Religions.

лезно для больного, то онъ не проснется раньше восхода солнца: но если съ больнымъ сдѣлается сильный жаръ, не дающій ему покоя, то значить, лѣчить его этимъ не нужно. Замѣчено, что такой больной болѣе двухъ часовъ не протерпитъ въ шкурѣ. Если шкура принесла больному пользу, то на другой день, снявъ ее съ больного, слегка присыпаютъ ее мукою и хранятъ въ жиломъ помѣщеніи въ теченіе трехъ дней, чтобы ея не коснулся вѣтеръ. Мясо того животнаго, шкура котораго принесла пользу, кушать больному не даютъ ¹⁾. Примѣненіе этого способа приурочивается къ июлю и августу (когда лѣчатся овчиной) и ноябрю (при лѣченіи шкурой съ другой скотины). Въ Ходбинской волости, при глазныхъ болѣзняхъ, прикладываютъ къ воспаленному глазу печень только-что зарѣзаннаго барана; иногда же берутъ цѣлое ребро какой либо скотины, пережигаютъ его на огнѣ, и пережженною костью водятъ по воспаленному глазу, выворотивъ вѣки и касаясь внутренней ихъ части. Во 2-ой Наурзумской волости существуетъ заговоръ отъ зубной боли на 3-хъ ломтикахъ хлѣба. Послѣ наговора, въ продолженіе трехъ дней, больной кусаетъ этотъ хлѣбъ ежедневно по одному кусочку и именно тѣми зубами, которые у него болятъ. Покусавши хлѣбъ, онъ отдаетъ его съѣсть собакамъ. Отъ того, что собака съѣла хлѣбъ, киргизъ увѣренъ, что боль перешла въ собаку. Въ Каратугайской волости, страдающій лихорадкой беретъ кость верблюжьей ноги и, обнявъ ее, купается вмѣстѣ съ нею въ холодной водѣ, погружаясь въ воду три раза; затѣмъ кость онъ оставляетъ въ водѣ, а съ ней вмѣстѣ остается, будто-бы, и лихорадка. Въ Бистамской волости Актюбинскаго уѣзда больной, чтобы избавиться отъ лихорадки, беретъ сухую кость головы животнаго, раскрашиваетъ ее краснымъ фуксиномъ и везетъ на дорогу. Тому, кто встрѣтится и спроситъ, куда онъ ѣдетъ и что везетъ, онъ бросаетъ кость подъ ноги и быстро, поворотивъ коня, скачетъ домой. Это весьма характерный примѣръ передачи болѣзни. Иные раскрашиваютъ палку или куклу, вѣря, что, бросая ихъ подъ ноги другому, они передаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣзнь ²⁾. Въ Кумакской волости, чтобы избавиться отъ лихорадки, больной валяется въ томъ мѣстѣ, гдѣ передъ этимъ лежала черная корова. Этотъ способъ можно отнести къ такъ называемой симпатической магіи. Въ Аракской волости больной ложится спать вмѣстѣ съ овцами въ надеждѣ, что болѣзнь перейдетъ на нихъ. Иногда еще больной старается повернуть камень, величиной больше себя, при чемъ такъ, чтобы этого никто не видѣлъ. Этотъ приемъ относится къ подражательной магіи. Въ Аралтюбинской волости Тургайской области, при продолжительной лихорадкѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ, больного заставляютъ ѣсть змѣю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тургайскаго уѣзда больного лихорадкой стараются сильно напугать. Кладутъ, на примѣръ, съ

¹⁾ См. также Comte Goblet d'Alviella — *Croyances, Rites, Institutions* T. II. стр. 309 — 1911 г.

²⁾ По свидетельству Р. б. Эфендіева, закавказскіе татары также переводятъ лихорадку на куклу: дѣлаютъ дедалъ (фигурку человека изъ тѣста) и нашептываютъ надъ ней молитву или заклинаніе; потомъ больной относитъ ее на кладбище, зарываетъ въ могилу и проищетъ семь разъ: „оставляю здѣсь свою тяжесть“. *Примѣч. ред.*

нимъ во время сна убитую змѣю, стрѣляютъ надъ его головой изъ ружья и т. п. Это дѣлаютъ для того, чтобы болѣзнь, испуганная этими приемами, убѣжала отъ больного. Такіе же приемы примѣняются при неправильныхъ и продолжительныхъ родахъ, причину которыхъ киргизы приписываютъ нечистой силѣ¹⁾. Въ подобныхъ случаяхъ они собираютъ народъ, который страшно шумитъ, бьетъ по кибиткѣ палками и нагайками, сопровождая эти дѣйствія оглушительными криками и этимъ, какъ-бы, изгоняетъ нечистую силу. Не менѣе страшный обычай у киргизъ Миндыгаринской волости. Больную сажаютъ въ котель, кругомъ разставляютъ сабли, ружья и пики и пугаютъ пригономъ скота къ кибиткѣ сначала овецъ, затѣмъ коровъ и лошадей. Въ иныхъ случаяхъ дѣло не обходится безъ знахаря. Напримѣръ, въ Кумакевой волости знахарь, подвѣзая къ жилищу больной, сердито кричитъ и машетъ нагайкой. Войдя въ кибитку или землянку, онъ бьетъ себя по спинѣ той-же нагайкой, а больную ладонью, крича сердито „аш кѳзү“ — открывай глаза! Затѣмъ третъ лобъ больной, чѣмъ и оканчивается лѣченіе. Если знахаря нѣтъ дома, то привозятъ что нибудь изъ его одежды, или изъ его домашняго обихода. Если привезутъ шапку, то надѣваютъ на голову больной; если — нагайку, то втыкаютъ ее въ рѣшетку кибитки сзади больной. Такіе приемы практикуются у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Они вѣрятъ, что существуетъ неразрывная связь между человѣкомъ, обладающимъ сверхъестественной силой, и тѣми предметами, съ которыми онъ раньше имѣлъ соприкосновеніе.

Въ Аманкарагской волости на постель больного лихорадкой кладутъ что нибудь завернутое въ видѣ человѣческой фигуры и накрываютъ ее одеждой больного. Киргизы думаютъ, что болѣзнь, увидя знакомую одежду, перейдетъ въ чучело. Въ Каратугайской волости для того, чтобы вызвать, вмѣсто опухоли, нарывъ, ловятъ сороку и, ошипавъ ее, толкутъ въ живомъ видѣ вмѣстѣ съ потрохами въ деревянной ступкѣ. Мясо сороки затѣмъ накладываютъ на опухоль. Въ Карабалкской волости прикладываютъ на опухшее мѣсто лошадиную селезенку. Въ Ходбинской волости даютъ больному надучей, для прикладыванія къ груди, заранѣе пойманнаго земляного зайца; болѣзнь постепенно переходитъ къ зайцу. Когда больной почувствуетъ себя легче, то зайца выпускаютъ на свободу. Отъ порѣза и кровотеченія раздробляютъ въ мелкій порошокъ коровій пометъ и присыпаютъ имъ раны²⁾.

При укушеніи змѣи въ Бистамакской и др. волостяхъ высасываютъ ядъ ртомъ, мажутъ айраномъ (молокомъ) или пьютъ его и прикладываютъ къ больному мѣсту змѣиную траву, — „жиланшунъ“. Другой способъ заключается въ томъ, что выбиваютъ зубы у бѣшеннаго животнаго (укусившаго), толкутъ ихъ въ ступкѣ и, смѣшавъ съ масломъ, мажутъ этой мазью рану. Существуетъ еще способъ лѣченія, распространенный и среди русскихъ крестьянъ. Онъ заключается въ томъ, что остригаютъ у бѣшеннаго

¹⁾ Къ такимъ же приемамъ прибѣгаютъ въ этихъ случаяхъ и азербайджанскіе татары.

Примѣч. ред.

²⁾ Другимъ средствомъ, не менѣе отвратительнымъ при лѣченіи глазныхъ болѣзней, является дѣтская моча.

собаки клдокъ шерсти между ушей и прикладываютъ его къ ранѣ, или же выбиваютъ у укусившей собаки зубъ и, накаливъ его на огнѣ, прижигаютъ имъ ранку нѣсколько разъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ убиваютъ беркута, вынимаютъ изъ его головы мозгъ и въ сыромъ видѣ даютъ ѣсть больному, говоря „ем бол“ (это же говорится при заряденіи ружья и при выстрѣлѣ въ беркута). Въ теченіе года больной не переходитъ и не переѣзжаетъ рѣку. Самый же распространенный способъ лѣченія при укушеніи ядовитой змѣей заключается въ томъ, что киргизы стараются поймать ту змѣю, которая укусила или, при невозможности сего, отыскиваютъ другую. Пойманная змѣя привязывается ко вбитому въ землю колу; вокругъ кола расползается стадо рогатаго скота или овецъ, которое держать тамъ сутки. По повятіямъ киргизъ, змѣя не можетъ выносить производимаго скотомъ скрежета зубовъ и въ страшныхъ мученіяхъ окопѣваетъ, а человекъ, которому причинено укушеніе, выздоравливаетъ. Этотъ способъ тоже одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ подражательной магіи. Въ Аракарской волости прикладываютъ къ ранѣ мокрый потникъ съ потной лошади. Для излѣченія чирія или нарывовъ прикладываютъ къ больному мѣсту кожу змѣи. Иногда же на больныя мѣста накладываютъ теплыя шкурки мышей или зайца; и киргизъ увѣренъ, что болѣзнь переходитъ въ вышеуказанные предметы. Въ Хобдинской волости укушенные бѣшеннымъ животнымъ заходятъ по очереди въ 40 кибитокъ и лежатъ каждое ушко котла. Стараются еще убить бѣшеное животное и, вынувъ печень, жарятъ и даютъ ее затѣмъ больному. Въ Бистамакской и др. вол. укушенному бѣшеннымъ животнымъ даютъ въ ротъ поддержать зубами конецъ укрука, — палки съ петлею, которой ловятъ киргизы лошадей, — и именно тотъ конецъ, который тащится обыкновенно по землѣ, при чемъ больной кусаетъ 3 раза укрукъ, бывший въ употребленіи 3 года. Въ данномъ случаѣ не только самое дѣйствіе играетъ нѣкоторую роль, но и определенный срокъ для этихъ дѣйствій. Наконецъ, еще одинъ способъ: укушеннаго кладутъ на ночь среди гурта барановъ для того, чтобы приостановить тяжелыя послѣдствія укушенія и перевести ихъ на барановъ.

Отъ сифилиса (мерес) въ Аракарской вол. лѣчатъ такъ: сжигаютъ цѣлый остовъ волка и угли отъ него растираютъ въ порошокъ, которымъ и присыпаютъ раны. При скарлатинѣ и головныхъ болѣзняхъ прикладываютъ къ горлу живую черную лягушку и при этомъ замѣчаютъ: если она издохнетъ, то имѣется надежда на выздоровленіе больного и наоборотъ. Въ Бистамакской вол. при лѣченіи нагрѣваютъ казанъ съ водою, у котораго четыре ушка; затѣмъ 4 киргиза (муллы) или старухи одной рукой берутъ этотъ казанъ за ушки и, держа его надъ больнымъ, свободными руками давятъ горло больного. Способъ этотъ примѣняется нѣсколько разъ. Во время кори (кызылша) киргизы Кумакаской вол. Тург. обл. саждаютъ больного на землю, по приказанію знахаря, въ одной лишь рубахѣ и ставятъ вокругъ него шій (загородъ изъ камыша); затѣмъ вынимаютъ изъ только-что зарѣзанной козы легкое¹⁾ (дѣлаютъ это быстро,

¹⁾ Больше всѣхъ другихъ частей тѣла легкое играетъ первенствующую роль въ магіи. О немъ упоминается во многихъ демонологическихъ разсказахъ киргизовъ.

не снимая съ животного шкуры, „пока душа не вышла—жанъ-шыкнай“) и бьютъ имъ по шеѣ 5 или 7 разъ, приговаривая „ем бол!“ После этого больного накрываютъ пятью одеждами, накладывая ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: одѣяло, кафтанъ, халатъ, жаулыкъ (головной уборъ) и ручной платокъ.

Въ Урдагунской волости киргизы примѣняютъ любопытный обрядъ лѣченія лихорадки. Они ловятъ щуку и, пока еще она жива, рѣжутъ ее надъ головой больного. Отъ головной боли рѣжутъ барана и отдѣляютъ голову, не снимая съ него шкуры; затѣмъ, вырѣзавъ языкъ и глаза, наполняютъ ротъ, глаза и уши смѣсью изъ зернового перца, корицы и гвоздики и зашиваютъ нитками. Голову въ такомъ видѣ варятъ въ кипяткѣ до тѣхъ поръ, пока не слѣзетъ съ нея шкура. Надъ парами вынутой и разломанной головы больной держитъ свою голову, накрывъ себя одѣяломъ. Затѣмъ, когда у больного появится потъ, то его укладываютъ въ постель, покрывъ теплой одеждой.

Грыжу, — жарыкъ, — киргизы Миндыгарской и Каракутинской волости Тург. обл. лѣчатъ такъ: убиваютъ змѣю и, вырвавъ у нея глаза, проглатываютъ ихъ, не раскусывая; пьютъ нѣсколько капель бѣлаго скипидара съ груднымъ молокомъ по 2—3 раза въ день. Въ Каратургайской вол. отъ грыжи проглатываютъ змѣиный глазъ и при томъ натоцакъ. Ношеніе на шеѣ высушенной кожи змѣи предохраняетъ отъ отравленія.

Нѣкоторыя болѣзни киргизы лѣчатъ кровью, которой приписываютъ магическія свойства. Напримѣръ, отъ зубной боли полощатъ ротъ горячей кровью скота. Въ Миндыгарской волости отъ кашля пьютъ теплую голубицу кровью. Въ Хобдинской волости отъ скарлатины и головныхъ болей киргизы пьютъ теплую кровь барана или козы. Киргизы Кызылжигильской волости отъ кори лѣчатъ слѣдующимъ образомъ: раздѣвъ больного, рѣжутъ надъ головой его бѣлаго барана или бѣлую козу, при чемъ баранъ и коза должны быть съ желтой головой. Когда рѣжутъ, то стараются, чтобы кровь изъ перерѣзаннаго горла животного попала на верхушку головы больного, а потомъ и по всему тѣлу. Не только кровь животного, но и человѣческая кровь въ киргизской народной медицинѣ пользуется большимъ примѣненіемъ. Въ Кумаковской волости отъ порѣза, если кровь не перестанетъ течь, киргизы набираютъ ее въ небольшую посуду, мнмятъ до густоты и даютъ съѣсть больному. Иногда лѣченіе кровью связано съ жертвоприношеніемъ Богу; напримѣръ, въ Бистамакской волости Актюбинскаго уѣзда при появленіи у больного кори односельцы колятъ скотъ, совершая при этомъ общую молитву.

При родильной горячкѣ, киргизы Аралтюбинской волости выдергиваютъ изъ висковъ больной волосы, сжигаютъ ихъ и пепель даютъ ей нюхать¹⁾. Въ Каратургайской волости, при глазной боли, натираютъ глаза такъ называемымъ „тото“, — веществомъ, привезеннымъ изъ Мекки и по внѣшнему виду похожимъ на бѣлый или голубой прозрачный камень; при чемъ первый употребляютъ старики, а второй молодые (въ Майка-

¹⁾ Въ Закавказьѣ, чтобы избавиться отъ головной, зубной или гниавой болѣзни, привязываютъ къ пальцу больного солочій дѣвиль. *Примѣч. ред.*

ринокой и Кызылджингельской волостях¹⁾. Отъ грыжи, — жарыкъ, киргизы лѣчатъ такъ: берутъ 7 камней или галекъ величиною въ кулакъ и кладутъ ихъ въ огонь; больного сажаютъ въ одной только рубахѣ надъ тазомъ такъ, чтобы послѣдній находился между его ногъ, закрываютъ его съ головой и, когда камни накалятся, кладутъ ихъ по одному въ пустой тазъ, а зади кто-нибудь тихонько и медленно плещетъ воду на камень. Когда первый камень остынетъ, его замѣняютъ другимъ и т. д., повторяя тотъ же пріемъ, что и съ первымъ камнемъ (Нумаки и Талдык. вол.). Отъ лихорадки въ Аракол. вол. больной старается повернуть камень, величиною больше себя, при чемъ такъ, чтобы этого никто не видѣлъ. Въ Хобдинск. вол. отъ опухоли толкутъ красный камень, т. н. „кытай-тае“ и, смѣшавъ его со слюнями, мажутъ опухшее мѣсто²⁾. Иногда же смазываютъ опухоль желтымъ камнемъ (охрой), смѣшавъ его вмѣстѣ со слюною предварительно на брусѣ. Камень этотъ называется у киргизъ „танжа“ (Миндыг., Кумаки и др. вол.) а также въ Тургайскомъ уѣзд.). Въ Кустан. у. прикладываютъ къ опухоли землю, взятую съ могилы³⁾. Въ Миндыг. вол. порѣзы засыпаютъ свѣжею землею, смѣшанной съ переможеной кошмой и затѣмъ завязываютъ тряпкой.

Особенное магическое свойство имѣетъ громовая стрѣла, которую киргизы представляютъ себѣ въ видѣ маленькой многогранной каменной пирамидки, „джасыкъ-огу“. Такую стрѣлу удается найти иногда въ пескѣ или землѣ. По повѣрью киргизъ, громовая стрѣла при паденіи уходитъ глубоко въ землю и выходитъ на поверхность земли черезъ 40 дней. Стрѣла эта имѣетъ чудодѣйственную силу особенно противъ разныхъ опухолей. Стоитъ камнемъ коснуться опухоли, и послѣдняя исчезаетъ моментально⁴⁾.

Вода всегда играла важную роль въ магіи. Какъ и огонь, она почиталась, какъ элементъ очищающій и освѣщающій. Въ демонологическихъ разсказахъ она занимаетъ видное мѣсто. Въ водѣ водятся разные мистическія существа, о которыхъ было говорено въ одной изъ моихъ предыдущихъ статей⁵⁾. Не говоря уже о цѣлебномъ свойствѣ нѣкоторыхъ водъ, нынѣ признанныхъ медициной, водѣ вообще полукультурный народъ приписываетъ сверхъестественныя свойства⁶⁾. Киргизское врачеваніе

¹⁾ Известно, что цвѣтъ камней въ магіи имѣетъ большое значеніе.

²⁾ Въ тѣхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію киргизовъ, кто-нибудь сглазилъ, то просятъ вивовника плюнуть на больного.

³⁾ У арабовъ лечили любовное горе посредствомъ земли, взятой изъ могилы. Ее растворяли въ водѣ и получаемый напитокъ выпивали.

⁴⁾ Арабскій врачъ Авензоаръ лѣчилъ желтуху камнемъ, добываемымъ иногда въ желудкѣ оленя или дикой козы.

⁵⁾ См. „Вѣстникъ Оренб. Учб. Окр.“ 1912 г. № 3 „Нечистыя силы и злые духи“.

⁶⁾ Старое преданіе изъ славянскихъ источниковъ о мертвой и живой водѣ: мертвая вода соединяла мертвое и даже разрубленное на части тѣло. Отъ прикосновенія мертвой воды разрозненные части срастались, и нѣзъравъ сочлаась теплая кровь и тѣло принимало тотъ видъ, которое имѣло въ моментъ смерти. Стоило тогда только брызнуть живой водой и мертвый герой оживалъ. Объ этой водѣ говорится во многихъ народныхъ сказкахъ: въ сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ, о Жарь птицѣ, о свромѣ волкѣ и мног. друг.

широко пользуется магическими свойствами воды. Въ Кумакской волости, Тургайскаго у., для выливанія отъ лихорадки, больные купаются въ холодной водѣ непременно на зарѣ и такъ, чтобы никто не видѣлъ. Достаточно даже пройти въ это время по нѣскольکو разъ черезъ рѣку. Несомнѣнно, что киргизы твердо вѣрятъ въ цѣлебную силу воды и для большей дѣйствительности они ее заговариваютъ. Водой пользуются киргизскіе знахари для леченія головной боли: при закатѣ или восходѣ солнца берутъ чашку съ водой, въ которую кладутъ по три штуки перца и гвоздики; затѣмъ, посадивъ больного лицомъ къ югу, набираютъ въ ротъ воды и опрыскиваютъ лицо больного, бока и спину, приговаривая: „выходи вонъ, головная боль“. Чашку бросаютъ въ сторону и уходятъ, приказавъ накрыть больного девятью одеждами ¹⁾. Слѣдуетъ здѣсь подчеркнуть характерный примѣръ олицетворенія болѣзни, которой знахарь приказываетъ выходить изъ тѣла больного. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ киргизы прибѣгаютъ къ „земзем-су“, водѣ, привезенной изъ Мекки. Эта вода держится въ цинковыхъ запломбированныхъ пузырькахъ, которые откупориваются только въ особыхъ случаяхъ при нѣкоторыхъ болѣзняхъ. По увѣренію киргизъ, достаточно выпить нѣсколько капель воды „земземъ“, чтобы выздороветь. За неимѣніемъ „земземъ-су“, киргизы лечатся водой, наговоренной муллами.

1. Кастанье.

¹⁾ У азербейджанскихъ татаръ вода пользуется большимъ уваженіемъ и считается не только цѣлебной, но и священной; а потому нельзя ругать ее и плевать на нее; въ противномъ случаѣ вода портитъ человека. „Су арь шенъ тамызларъ, ялгузъ усь гарасыны (вода очищаетъ всякую вещь, кромѣ чернаго лица), говорятъ татары въ Закавказьѣ. Когда кто либо уѣзжаетъ изъ дома, то для его благополучнаго путешествія бросаютъ вездѣ за нимъ воду; въ противномъ же случаѣ бросаютъ черный камень. Муллы лечатъ водой разныя болѣзни. Если приносятъ что либо въ посудѣ, то считается грѣхомъ мыть ее, такъ какъ вода унесетъ съ собой все счастье. При выливаніи горячей воды на землю, нужно произнести: „бисмилля“; иначе злой духъ можетъ принести вредъ. Когда хотятъ очиститься отъ какого либо преступленія, то купаются въ водѣ, взятой изъ семи родниковъ. Если рубашку убитаго вскипятить въ котлѣ съ водой, то убійца, гдѣ бы онъ ни былъ, придетъ къ котлу. Страшныя сновидѣнія татарки никому не рассказываютъ; они идутъ къ текущей водѣ и рассказываютъ все ей для того, чтобы она унесла съ собой предвѣщаемое несчастіе. Джиндары (колдуны, знахари) ловятъ чертей водой: они заставляютъ одержимыхъ джиннами (сумашедшихъ) смотрѣть въ воду, откуда потомъ они вылавливаютъ злыхъ духовъ и запираютъ въ камышинку. Каракиргизы также считаютъ воду священной. Они, по свидѣтельству Валиханова, также считаютъ грѣхомъ мыть посуду и по тѣмъ же побужденіямъ (стр. 60—61). По свидѣтельству г. Пояркова, они лечатъ золотуху (булакъ) слѣдующимъ образомъ: зажигаютъ два чирака (свѣтильника), подлѣ которыхъ ставятъ ключевую воду, и заставляютъ больного нѣсколько разъ кланяться водѣ, послѣ чего ею же промываютъ больное ухо („Каракиргизскія легенды, сказки и вѣрованія“, стр. 38). Казанскій татаринъ, по свидѣтельству К. Насырова, когда пьетъ воду изъ ручья, озера или рѣки и почувствуетъ боль, то говоритъ: „видно, вода меня держала“; а потомъ пустить въ эту воду яблоко или желтокъ яйца, или же траву и говоритъ: „пусть не держитъ меня вода“. Но, въ тоже время, по вѣрованію всѣхъ тюркскихъ племенъ, вода служитъ мѣстопробываніемъ различныхъ злыхъ духовъ (толчен, мельницы, бани). *Прим. ред.*

Отдѣльный оттискъ изъ „Вѣстника Оренбургскаго Учебнаго Округа“ за 1912 г. № 6.

Изъ области киргизскихъ вѣрованій.

О чарующихъ силахъ заключающихся въ человѣкѣ.

Порча посредствомъ колдовства.

Разсмотрѣвъ въ предыдущей статьѣ магическіе способы врачеванія у киргизъ, перейдемъ теперь къ другому виду болѣзней, происшедшихъ отъ сглаза и порчи вообще.

Убѣжденіе, что существуютъ слова и дѣйствія, посредствомъ которыхъ человѣкъ можетъ вліять на силы природы и на всѣ живыя существа, тѣсно связано съ понятіемъ киргизъ о колдовствѣ. Такъ, если появится на свѣтъ какое-нибудь животное, верблюжонокъ или жеребенокъ, нѣкоторое время киргизы никому не показываютъ его. Мало ли на свѣтѣ людей съ дурнымъ глазомъ. Увидитъ злой человѣкъ бѣдное животное, взглянетъ на него съ завистью, и скотина начнетъ чахнуть, пока не пропадетъ совсѣмъ. Если у киргиза умретъ красивый ребенокъ, если пропадетъ хорошій конь, улетитъ хорошій соколъ, получится плохой урожай, все это приписывается человѣку съ дурнымъ глазомъ¹⁾.

Языкъ человѣка черезъ слово имѣетъ, по мнѣнію киргизъ, такое же разрушительное вліяніе, какъ и глазъ: „Слово человѣка можетъ раздробить камень; если не камень, то голову человѣка“. На этомъ основаніи въ разговорѣ киргизы избѣгаютъ упоминать о какой-нибудь болѣзни, опасаясь, какъ бы кто нибудь изъ присутствующихъ не схватилъ ее. Но если разговоръ заходитъ о заболѣвшемъ человѣкѣ, то стараются не называть болѣзнь прямымъ именемъ, а какъ-нибудь иносказательно, напр.: „Кунакъ баръ“ и проч. Отсюда, можетъ быть, возникъ обычай давать дѣтямъ дурное имя съ цѣлью напугать имъ болѣзнь и, такимъ образомъ, избавить ихъ отъ нея и отъ дурного глаза. Поэтому-то среди киргизъ встрѣчается иногда немало безобразныхъ и даже неприличныхъ именъ.

1) См. М. А. Левинскій. Тургайская Иллюстриров. Газета 1896 г. № 40.

какъ, напр., Кутебаръ—задь имѣется, Ить-Эмгень—собаку сосавшій, Ить-аякъ—собачья чашка (ночная), Былчикъ—глазной гвой, Кылчикбай—сорный богачъ, Сасыкъ—воночій и т. п.

Слѣдующій случай весьма ясно показываетъ, какъ крѣпко держится среди киргизъ повѣрье въ дурной глазъ и дурное слово. „Въ живомъ, радостномъ настроеніи, пишетъ киргизъ С. Исенгильдинъ, подъѣзжалъ я къ дому 20 мая 1901 года, послѣ долгой десяти тысячной разлуки съ родными. Я чувствовалъ, что меня ждуть тамъ съ нетерпѣніемъ... Вотъ показались уже на горизонтѣ бѣлыя верхушки киргизскихъ кибитокъ. Возбужденные нервы хотя и утомились долгой дорогой, но сердце билось учащенно, что-то тяжелое приступало къ горлу... Я былъ не въ состояніи заглушить или, по крайней мѣрѣ, умалить приливъ чувствъ и, въ порывѣ неопредѣленнаго восторга, дико рванулся впередъ. Ринулся подо мной степной тонконогій конь, и я въ одну минуту далеко оставилъ за собой своихъ спутниковъ. На меня налетѣла минута забвенія: я перенесся въ обстановку, напомнившую мнѣ юные годы съ ихъ безумными, но милыми и ничѣмъ незамѣнимыми порывами. Гдѣ степенность, образованность?! -- До нихъ-ли! Все забыто и на минуту затоплено потокомъ дѣтскихъ воспоминаній... Вотъ, совсѣмъ стало близко дорогое родное гнѣздо. Высыпаетъ мнѣ на встрѣчу огромная толпа. Я соскакиваю съ коня и спѣшу къ ней. Чѣмъ ближе, тѣмъ болѣе спѣшу. Кружится голова, и въ безграничномъ просторѣ становится душно, замираетъ въ груди дыханіе. Вотъ, наконецъ, я въ объятіяхъ близкихъ сердцу... „Все вокругъ меня знакомо, все улыбается мнѣ вездѣ и всюду встрѣчаю привѣтъ, и въ душѣ невыразимая отрада. Только одно маленькое, безпомощное созданье было мнѣ совсѣмъ незнакомо. Лицо этого младенца было привлекательно, нѣжно, милостиво, отъ него вѣяло свѣжестью. Я всматривался сначала въ этого новаго члена нашей семьи, потомъ протянулъ свои руки въ сторону и скоро почувствовалъ у себя довольно тяжелую попу. Я былъ въ восторгѣ отъ ребенка, вертѣлъ его въ рукахъ и такъ увлекся имъ, что на все другое почти не обращалъ никакого вниманія. Между тѣмъ молодая женщина, мать ребенка (жена моего брата), съ подворъніемъ смотрѣла на меня; ея материнское сердце предчувствовало, что вскорѣ она разстанется съ своимъ ненагляднымъ первенцомъ. Она одна была незесела. Предразсудокъ, суевѣріе шептали ей, что я непременно сглажу ея первенца. Между тѣмъ я услаждался непонятнымъ лепетаніемъ ребенка, любовался его пухленькими бѣлыми ручками, милыми глазками и все болѣе и болѣе привязывался къ нему. Я не возвращалъ ребенка бѣдной, растерзанной горемъ матери и, держа его въ рукахъ, вошелъ въ кибитку. Тамъ были уже разостланы ковры, припухлены перины. Я положилъ ребенка на перину въ сидячемъ положеніи, а самъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, не отрывая отъ него своихъ глазъ. Ему было всего только 5 мѣсяцевъ, но онъ былъ здоровенькій, полненькій. Своими ручками и ножками онъ продѣлывалъ самыя разнообразныя шту-

ки: то приляжетъ внизъ и начнетъ сосать пальцы своихъ ножекъ, не будучи въ состояннн подняться снова, то поднесетъ ручки ко рту и повторять то же самое, что и съ пальцами ножекъ. Всѣ его движенія вызывали у меня восторгъ и неудержимый смѣхъ, и всякій разъ безсознательно бросался къ нему и начиналъ цѣловать его пухленькое личико. Векорѣ всѣ въ кибиткѣ, слѣдуя моему примѣру, обратили младенца въ общую забаву. А онъ сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, не обращая никакого вниманія на пустую суету, и забавляется своими продолжками. Никому и въ голову не приходило, что эта общая забава завтра захвораетъ. Лишь материнское нѣжное сердце чуюло что-то недоброе. Мать не входила въ кибитку, но черезъ дверь каждое наше, особенно мое, прикосновеніе къ ея сыну кололо ее, какъ иголкой. Я не подозрѣвалъ ничего этого и даже не потрудился спросить, гдѣ мать ребенка, „дженгей“ (жена старшаго брата).

„Наступилъ вечеръ, благодатное время въ степи. Дневной, невыносимый жаръ уже спалъ и оживительная прохлада врывалась въ кибитку, обдавая всѣхъ необыкновенною живостью. Я, наконецъ, долженъ былъ уступить милаго ребенка его матери. Она, вперивъ глаза въ землю, подошла ко мнѣ, поцѣловала меня небрежно и ушла съ ребенкомъ назадъ. Я былъ удивленъ ея холодностью ко мнѣ и непривѣтливостью. Но такой ея поступокъ считалъ за „иба“ (стыдливость, застенчивость, вѣжливость) и не придавалъ этому большого значенія.

„Ночь. Я, противъ воли родителей, легъ спать внѣ кибитки, на открытомъ воздухѣ. Небо было чрезвычайно ясно, нигдѣ ни облачка. Синее небо отъ мрака наступившей ночи приняло цвѣтъ темно-синій и безконечнымъ, бездоннымъ океаномъ, въ видѣ безмѣрной чаши, опрокинулось надо мною. Все кругомъ молчало, и въ этой всеобщей тишинѣ я, признаться, впервые почувствовалъ величіе Творца. Я сталъ углубляться въ самого себя и старался дать себѣ отчетъ въ видѣнномъ, слышанномъ, почувствованномъ мною;—но все какъ-то разсыпалось и уплывало вдаль. Между тѣмъ время шло и шло. Небо становилось все темнѣе; наступила почти незамѣтная лѣтомъ полночь. Еще немного, —и вся восточная половина неба стала окрашиваться легкимъ, свѣтло-золотистомъ отливомъ.

„Вдругъ я слышу какія-то глухіе стоны. Я приподнялся и съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ прислушиваться. Слышно было, что кто то нѣжнымъ, тонкимъ голосомъ, вѣроятно, женщина, приговаривая что-то, плачетъ. Я всталъ и, накинувъ на себя бешметъ, пошелъ въ ту сторону, откуда слышался плачь; поровнялся съ отау (бѣлая кибитка молодыхъ) моего брата и слышу, что стонъ идетъ оттуда. Я быстро подошелъ къ кибиткѣ, приподнялъ кошечный занавѣсъ, отворилъ сыкарлаукъ (внутри деревянная дверь) и вижу: на сундукѣ стоитъ зажженная лампа, тускло озаряя внутренность кибитки, моя дженгей прислонилась къ зыбкѣ младенца и, опустивъ на нее голову, тихо стонетъ. При моемъ входѣ она приподняла голову и вздрогнула. Я подошелъ къ ней и сталъ разспра-

шивать, о чемъ она плачетъ. Въ отвѣтъ на мои вопросы она указала мнѣ на младенца. Я наклонился къ нему и увидѣлъ, что лицо ребенка было красно-багровое, дыханіе-тяжелое. Я успокоилъ дженгей, уговорилъ ее лечь спать, напомнивъ, что ночью плакать не хорошо. Она послушалась, загасила лампу и легла спать, а я пошелъ на свое мѣсто. Задумчивый, угрюмый сѣлъ я на постель. Между тѣмъ начало свѣтать, становилось холодно, и я, подобравъ постель, пошелъ въ свою кибитку и тамъ вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

„Всталъ я около полудня. Прежде всего спросилъ о здоровьѣ ребенка. Мнѣ отвѣчали какъ-то неохотно. Видно было, что онъ захворалъ серьезно. Вскорѣ его принесли въ нашу кибитку. Я увидѣлъ, что болѣзнь его была опасная: онъ дышалъ тяжело, — ноздри его сильно раздувались. Я посоветовалъ немедленно отвезти его къ доктору, жившему въ 30 верстахъ отъ нашего аула, но никто съ этимъ не хотѣлъ согласиться. Было рѣшено послать за баксой, такъ какъ всѣ отъ мала до велика убѣждены были, что я сглазилъ младенца и что, слѣдовательно, я виновникъ несчастія“).

Порча посредствомъ колдовства весьма разнообразна. Такъ, напр., можно околдовать во время обѣда; для этого достаточно сдѣлать заговоръ на хлѣбъ, на сахаръ, на стаканъ, особенно на изюмъ, который потомъ даютъ, кому нужно. Говорятъ даже, что можно ограничиться дуновеніемъ въ сторону того, кого желаютъ околдовать. И вотъ для того, чтобы избавиться отъ дурного глаза и языка киргизы употребляютъ теперь магометанскія кабалистическія молитвы и называютъ ихъ „тумаръ“. Нѣкоторые носятъ камень называемый „ишекъ-тасъ“. Камень этотъ, по повѣрью, находится въ желудкѣ ослонъ; но торговцы продаютъ подъ этимъ видомъ зеленую и муравленную глинку. Въ прежніе годы, говоритъ Чоканъ Валихановъ, талисманы были большею частью вещественные, а именно: разныя части тѣла вѣщихъ животныхъ или птицъ и животныя кости, на которыя стараются не наступать. Локтевая кость, по мнѣнію киргизъ, можетъ замѣнить для скота пастуха, т. е. она сберегаетъ скотъ отъ волковъ и отъ воровъ (но не отъ надежа, какъ ошибочно думаетъ г. Ильминскій)²⁾. Для этого ее ставятъ въ юртѣ и, какъ у монголовъ, кладутъ между тонкою костью также траву кипецъ. Кость въ этомъ видѣ изображаетъ пастуха съ укрокомъ. По повѣрью киргизъ, локтевая кость въ видѣ человѣка стережетъ скотъ отъ воровъ, которымъ она представляется въ видѣ человѣка. Киргизы эту кость называютъ „кары-джимакъ“. Локтевую кость киргизы носятъ также привязанною къ передней лукѣ сѣдла, какъ хранителя сѣдельнаго прибора и лошадей. Волчья чашка предохраняетъ отъ ревматизма въ поясицѣ и отъ глазу. Голова филина, ноги и перья охраняютъ отъ злыхъ духовъ; для этого ихъ привязываютъ къ юртѣ и къ колыбелямъ дѣтей. Есть животныя, которыхъ боятся черти, напр., при родахъ верблюда-самца и ежа. Къ колыбели дѣтей привязываютъ

¹⁾ О приемахъ баксы будетъ сказано дальше.

²⁾ См. Изв. Восточ. отд. Арх. Общ. 1860 г. вып. 5.

вают, иглы ежа, а при родах кладут их на страдающую. Насколько киргизы вѣрятъ въ сверхъестественную силу костей, легкихъ, перьевъ и другихъ частей тѣла животныхъ, видно изъ слѣдующей легенды, сообщенной Валихановымъ: Нѣсколько воровъ хранили много дней около стада одного киргизскаго бая, но ничего не могли украсть, потому что по ночамъ вокругъ стада ходило множество людей, вооруженныхъ урюками. Зная, что у этого киргиза, кромѣ жены и донери, не было другихъ хранителей, не было ни сыновей, ни рабовъ, они рѣшились узнать это чудо и пришли къ нему на ночлегъ въ видѣ кунаковъ, т. е. гостей. Бай зарѣзалъ имъ барана и накормилъ ихъ до сыта. Тогда они чисто-сердечно объяснили ему, что они — воры, что давно стерегли его стадо, но не могли ничего взять, потому что ночью ходятъ вооруженные. „Скажите, спросили воры, что вы имѣете такого и какимъ чудомъ вы владѣете?“ — „Никакимъ не владѣю, отвѣчалъ бай, у меня только одно правило, которому я слѣдую неуклонно. Именно, отецъ, умирая, завѣщалъ мнѣ одинъ завѣтъ. Сынъ мой, сказалъ онъ, я тебя оставляю завѣтъ слѣдуй ему и будешь всегда богатъ. Сколько тебѣ ни придется рѣзать барановъ, не бросай локтевыхъ костей и привязывай ихъ къ косякамъ дверей и къ чагараку. Я всегда исполнялъ его волю и, слава Богу, не помню, чтобы изъ стада моего потерялся или чтобы волкъ похитилъ хоть одного ягненка“. Воры осмотрѣлись въ юртѣ и увидѣли въ ней столько локтевыхъ костей, сколько видѣли они людей, сберегавшихъ по ночамъ стадо.

Между киргизами, говоритъ Чокашъ Валихановъ, прежде было много поврежденныхъ джадой, т. е. испорченныхъ, околдованныхъ. Болѣзнь эта считалась смертельною, и отъ нея можно избавиться только черезъ операцию шамана, который рѣзалъ больнымъ желудокъ и извлекалъ оттуда какую-нибудь мерзость. Къ джадѣ прибѣгали обыкновенно равнинныя жены и, добавляетъ авторъ этой замѣтки Ч. Валихановъ, мы знаемъ, по преданію, много киргизъ, умершихъ якобы отъ джады. Въ подтвержденіе этого вѣрованія можно привести слѣдующее сообщеніе изъ труда Н. И. Гродекова¹⁾. Киргизъ аула Ялты, Джитысуйской волости, Сыръ-Дарьинской области, Гаибъ-Фиръ-Аліевъ, заявилъ жалобу чрезвычайному съѣзду біевъ, Кураминскаго уѣзда о томъ, что киргизы Шарапханской волости Таймурбекъ Куйлацовъ и Байджуль Кургунбаевъ, посредствомъ джады²⁾, убили сестру его Салтанатъ биби. Таймурбекъ и Байджуль показали: никакой джады они не сдѣлали; Салтанатъ биби умерла своею естественною смертию, въ томъ имѣются у нихъ четыре свидѣтеля. Свидѣтели Имамкуль Хузибановъ, Довлатъ Шамбановъ, Джаникуль Абиловъ и Молла Куль Магоммедъ Нуръ Магоммедовъ показали, что Салтанатъ-биби умерла естественною смертию, родивъ двухъ дѣтей, и что дѣти тоже скончались. Такъ какъ заявленіе Гаиба, что покойница убита посредствомъ джады, несообразно ни съ какими адатами (обычаями), такъ какъ четыре свидѣтеля показываютъ, что покойница

1) Н. И. Гродековъ. Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской области. Ташкентъ. 1889 г. Стр. 193.

2) Въ данномъ случаѣ — молитва, приносимая злымъ и нечистымъ духамъ, письмена, известная подъ именемъ тильсимъ или телсымъ (талисмана).

умерла своею естественною смертию и самъ жалобщикъ былъ въ Ташкентѣ, когда умерла Салтанатъ-биби, то бии съѣзда постановили жалобщику въ его искъ за „хунъ“ (вознагражденіе) Салтанатъ-биби отказать, а съ оправданныхъ 20 рублей бѣльскъ (въ пользу судей) взыскать.

Еще и теперь киргизы прибѣгаютъ къ джадъ, чтобы околдовать, испортить людей. . . . Оттолкнутая невѣста или женихъ подкрадываются къ кибиткѣ новобрачныхъ, подходятъ къ кровати, стараясь не быть замѣченными, и кладутъ въ нее камень или кусокъ дерева съ табулистическими знаками. Этимъ заклинаніемъ лишаютъ молодыхъ супруговъ способности къ супружеской жизни. Изъ практики киргизскаго народнаго суда известно много процессовъ, вызванныхъ этимъ страшнымъ колдовствомъ „джаду“. Такъ, напр., на чрезвычайномъ съѣздѣ биевъ Кураминскаго уѣзда Сыръ-Дарьинской обл. въ 1878 г. разбиралось дѣло о порчѣ посредствомъ колдовства¹⁾. Киргизы Чардарьинской волости Таламишъ и Мамитъ Кизылбаевъ заявили Чардарьинскимъ волостнымъ біямъ жалобу, что киргизъ и киргизка аула Отры, Ирджарской волости. Кипшикъ Біятбаевъ и Балдурганъ Хатунъ лишили разными средствами и заклинаніями дѣтородные члены ихъ способности супружеской жизни. Чардарьинскій бій, разобравъ дѣло, назначилъ два джана (присяжныхъ), которые отказались отъ присяги, а потому и присудилъ съ обвиняемыхъ въ пользу жалобщиковъ 150 тиллей (четыре руб.)¹⁾. Дѣло это, съ рѣшеніемъ биевъ, было перенесено въ уѣздное управленіе и было указано на свидѣтелей: аульнаго бія, старшину, пятидесятника, кандидата и на нѣсколько другихъ лицъ, въ видѣ джана, которымъ день присяги былъ назначенъ 19 кауста (ноября). При разборѣ дѣла чрезвычайнымъ съѣздомъ биевъ Кураминскаго уѣзда 22 дѣлу (января) 1878 г. поименованные свидѣтели показали, что назначенные чардарьинскими біями два джана: Икамъ-берди Байтемуровъ и Типканбай Ибанбаевъ явились для принятія присяги, но Таламишъ и Мамитъ не допустили ихъ до нея. Для разьясненія дѣла были приглашены въ качествѣ свидѣтелей еще сулхъ-бій (третейскій судъ) и Оразъ старшина, которые дали показаніе, какъ бы, передъ Богомъ. Чипканбай Карабаевъ, Рисбай Толабовъ, Молла Иръ Магомедъ Ирисбаевъ и Аминкуль Мурадовъ приняли присягу по киргизскому ацату (обычаю.²⁾). На этомъ основаніи постановили: претензію Таламиша и Малита къ Кипшику и Балдурганъ—Хатунъ, оставить безъ послѣдствій.

Нѣсколько лѣтъ спустя въ хроникѣ „Тургайскихъ Областныхъ Вѣдомостей“ было занесено, что 28 ноября 1892 г. Урдакунганекій волостной съѣздъ биевъ разсматривалъ жалобу киргиза Ишамбая Сартова на киргиза Бисеня Ильясова о томъ, что послѣдній и его мать посредствомъ колдовства испортили жену просителя и лишили ее способности къ супружеской жизни. На судѣ истецъ, подтверждая свою жалобу, просилъ

¹⁾ Н. И. Гродековъ. Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской обл. Ташкентъ 1889 г.

¹⁾ Въ эти подробности необходимы, чтобы показать, какое важное значеніе киргизы придаютъ джаду и колдовству вообще.

²⁾ Прежде киргизы, вмѣсто клятвы, лизали ногти на рукахъ, смотря на небо. (См. Чоканъ Валихановъ).

подвергнуть виновныхъ взысканію за колдовство и присудить въ его пользу 115 руб., израсходованныхъ на леченіе. Съѣздъ биевъ опредѣлилъ: Ильясову и его матери оправдаться присягою родственника своего изъ пята, о колѣна, по выбору просителя, за исключеніемъ малолѣтнихъ и состоящихъ во враждѣ, и если не оправдается, то взыскать съ нихъ одинъ тогузъ, т. е. 9 головъ скота на сумму 90 руб. и расхода 115 руб., биямъ въ бійлыкъ 20 руб. 50 коп. и въ калямъ-ханъ 1 руб.; а если оправдается, то въ искѣ просителю отказать, взыскавъ съ него деньги въ бійлыкъ и калямъ-ханъ. Срокъ присяги 1 мая 1893 г., для выполнения которой обѣ стороны должны явиться къ управителю волости. Конечно, волостное правленіе, вслѣдствіе жалобы отвѣтника, разсмотрѣвъ это дѣло, признало рѣшеніе съѣзда биевъ неправильнымъ, потому что оно постановлено безъ выслушанія объясненій отвѣтника и при наличности свѣдѣній о неврученіи ему повѣстки и что самый искъ, какъ основанный на суевѣріи и предразсудкѣ, не подлежалъ разсмотрѣнію съѣзда биевъ, какъ судебного мѣста.

Изъ вышеизложеннаго видно, какое огромное значеніе киргизы придаютъ джадѣ и всему тому, что вообще касается болѣзней и ненормальныхъ явленій. Но одновременно съ людьми съ дурнымъ глазомъ существуютъ люди, имѣющіе способность посредствомъ заговора, круженія, дуновенія, пѣнія, игры на музыкальномъ инструментѣ, пляски, шума, заклинанія и пр. приѣмовъ, ограждать человека или освободить его отъ чаръ, отъ болѣзней и т. п. Эти люди колдуны-лѣкари носятъ разныя названія: Баксы, даргеры, дуаны, татибы, арбаучи. . . . Всѣ они играютъ важную роль въ жизни киргизъ, у которыхъ до сихъ поръ пользуются особымъ довѣріемъ.

Чародѣйство и чародѣи.

Чародѣйство, колдовство распространено по всей вселенной. Всюду оно исходитъ изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, всюду оно примѣняется для однихъ и тѣхъ же цѣлей. Въ своемъ трудѣ: "Les religions des peuples non-civilisés" А. Réville говоритъ, что колдовство есть результатъ культа духовъ или анимизма; вотъ почему дикарь долженъ стремиться къ тому, чтобы защитить себя отъ злыхъ духовъ. Въ его понятіи религія и чародѣйство смѣшались настолько, что трудно опредѣлить границы между сложными обрядами, созданными ими. Магъ, чародѣй—духовное лицо; ближайшіе его помощники—духи обычной демонологіи. Если онъ искусный чародѣй, онъ ихъ вызываетъ или отгоняетъ по своему усмотрѣнію, онъ можетъ имъ приказывать; иногда же онъ можетъ дѣйствовать только просьбой, молитвой¹⁾. Чародѣи, колдунъ, шаманъ, баксы и т. п. вѣрятъ своимъ сверхъестественнымъ силамъ, а еще больше вѣрятъ тѣмъ, которые ихъ окружаютъ. Приступы галлюцинаціи, экстаза, умышленнаго

¹⁾ Victor Henry. La Magie dans l'Inde antique. 1909.

возбужденія — не мнимые. Колдунъ искрененъ. Онъ убѣжденъ въ томъ, что духи имѣютъ съ нимъ сношенія. „Шаманъ — никто иной, какъ медиумъ, который самому себѣ внушаетъ“¹⁾. Если дѣйствіе не увѣнчается успѣхомъ, то это только потому, что по какой-нибудь причинѣ его духъ не могъ побѣдить, преодолѣть вражескаго духа, съ которымъ онъ борется²⁾. Фактъ, что духъ вполне овладѣваетъ колдуномъ, придаетъ послѣднему сверхъестественныя свойства, присущія самому духу. Этотъ періодъ можно назвать періодомъ временнаго воплощенія духа: Личность, одержимая духомъ, исчезаетъ, духъ овладѣваетъ ею, обнаруживая свое присутствіе всевозможными ненормальными явленіями, какъ то: конвульсивными движеніями, прыжками, пляской, криками и т. п. Все то, что колдунъ въ это время говоритъ, приписывается духу, вселившемуся въ него. Онъ обладаетъ даромъ пророчествовать и вылѣчивать болѣзни³⁾. Здѣсь полная аналогія съ спиритическими явленіями.

Когда медиумъ желаетъ дать какой-нибудь сеансъ, то онъ, какъ бы, раздваивается, и это состояніе его называется „trance“. Тогда возникаетъ цѣлый рядъ явленій, которыя проявляются съ удивительной силой. Ощущенія медиума группируются, связываются однѣ съ другими въ дѣйствіяхъ и выдаютъ себя различными движеніями⁴⁾. Какъ „Medium“, въ экстазическомъ состояніи считается, какъ бы, неуязвимымъ: ни сабля, ни раскаленное желѣзо, ничто не можетъ ему причинить боли, онъ нечувствителенъ, какъ бы невещественъ; такъ и колдунъ обязанъ своей высшей силою духамъ, которые въ него вселились, и эта власть даже можетъ перейти къ тѣмъ предметамъ, которые окружаютъ колдуна, или имѣютъ непосредственное соприкосновеніе съ нимъ. — Отсюда цѣлебное или предохранительное свойство тряпокъ или лоскутовъ, которые онъ отрываетъ отъ своей одежды, цѣлебная власть его дыханія, его слюны, нота и даже простого его прикосновенія или одного взгляда⁵⁾.

Но не всегда духи вселяются въ колдуна; а, съ другой стороны, безъ ихъ содѣйствія онъ не обладаетъ никакой силой. И вотъ для того, чтобы призвать ихъ къ себѣ, чтобы перейти изъ нормальнаго состоянія въ экстазъ, ему приходится прибѣгать къ разнымъ возбуждающимъ средствамъ, какъ то: куренію одуряющихъ веществъ, къ опьяняющимъ напиткамъ, быстрымъ кругообразнымъ движеніямъ, пронзительнымъ крикамъ, шуму, пѣнію, пляскѣ подъ аккомпаниментъ какого-нибудь музыкальнаго инструмента, какъ, напр., бубна у Сибирскихъ шамановъ и кобыза у киргизскихъ баксы. Если духи медлятъ къ нему явиться, онъ вызываетъ ихъ известными только ему призывами и заклинаніями въ формѣ стиховъ. Каждый стихъ имѣетъ опредѣленные размѣры, сочетаніе словъ строго наблюдается. Но значеніе многихъ словъ или выраженій, входящихъ въ призывъ, часто совершенно непонятны. Впрочемъ, магіи нравится все то,

¹⁾ См. Edm. Douthe. *Magie et Religion dans l'Afrique du Nord* Alger. 1909 г.

²⁾ A. Réville. T. II p. 238. *Les Religions des peuples non-civilisés* 1883 г. Paris.

³⁾ Само собой разумѣется, что правоподобность этихъ явленій нельзя ни утверждать, ни отрицать, такъ какъ въ этомъ направленіи наука окончательно не высказалась.

⁴⁾ Docteur I. Grasset. *L'occultisme hier et aujourd'hui*. — Montpellier. 1907 г.

⁵⁾ A. Réville. *Les Religions des peuples non-civilisés*. 1883 г. Paris.

что таинственно, неясно, некрасиво и даже безобразно. Эстетическое состояніе, экзальтація, въ связи съ сопровождающими ее дѣйствіями, вредно отзывается на организмъ, приводя его въ полное разстройство, такъ что нерѣдко сеансъ кончается сильнымъ эпилептическимъ припадкомъ. Тѣмъ не менѣе колдуны-шаманы любятъ свое ремесло и многіе изъ нихъ настолько искренно вѣрятъ въ свои сверхъестественныя способности, что въ случаѣ, если заболѣваетъ самъ, призываетъ иногда на помощь своихъ собратьевъ по ремеслу. Конечно, наряду съ этими искренно вѣрующими колдунами есть и такіе, которые симулируютъ экзальтированное состояніе для того, чтобы лучше эксплуатировать невежество народа.

Мулла, какъ лѣкарь-заклинатель.

Немалую роль въ излеченіи многихъ болѣзней у киргизъ играетъ мулла, какъ лѣкарь-заклинатель. Въ данномъ случаѣ магомъ является духовное лицо. Но мулла-магъ не дѣйствуетъ на природу приемами, подчиняющими ее ему: онъ только посредникъ между Богомъ и человѣкомъ. Онъ проситъ, молится и, не удовлетворяясь словомъ, пишетъ свою просьбу, которую больной принимаетъ во внутрь, какъ средство болѣе надежное¹⁾. Дѣятельность мoulлы особенно проявляется при родахъ женщины. По киргизскому повѣрью, когда женщина начинаетъ родить, злой духъ албасты является для того, чтобы помѣшать новому человѣку появиться на свѣтъ Божій. Онъ начинаетъ душить роженицу; для чего кладетъ свои тяжелыя, огромныя руки на грудь больной, такъ что она не можетъ встать и ей становится трудно дышать. Пользуясь этимъ моментомъ, албасты украдкой вынимаетъ у роженицы легкія и, быстро убѣжавъ, бросаетъ ихъ въ озеро. Если только онъ успѣлъ это сдѣлать, то нельзя уже спасти человѣка.

Но албасты боится шума. Поэтому, чтобы избавиться отъ него, киргизскія старухи кричатъ и гонятъ его, чѣмъ попало. Однако, если старухи не смогутъ помочь, нужно уже за муллой послать. Этотъ послѣдній для изгнанія болѣзней и нечистыхъ духовъ употребляетъ чтеніе Корана; причемъ иногда онъ дуетъ и плюетъ въ глаза больному. Дуновеніе играетъ важную роль въ магическихъ и религіозныхъ обрядахъ всѣхъ народовъ. Имъ пользуются для заговоровъ, а также и для того, чтобы отогнать нечистыя силы. Упомяну здѣсь объ одномъ обрядѣ такого рода, замѣченномъ мною у одного киргиза Перовскаго уѣзда Сыр-Дарьинской обл. Это было въ первыхъ числахъ іюня 1907 г. День уже склонялся къ вечеру, и развалины Суганака или Сунака постепенно погружались въ мракъ. На коврѣ передъ домомъ сидѣлъ по азіатскому обычаю съ поджатыми ногами киргизъ, хранитель могилъ Сунака. Передъ

¹⁾ Такіе приемы примѣняются вездѣ въ мусульманскомъ мірѣ. Они великолѣпно описаны Edm. Doutté въ его трудѣ "Magie et Religion dans l'Afrique du Nord".

нимъ, такимъ же образомъ, сидѣла его больная жена. Онъ молился, но противъ обыкновенія повернулся спиной къ Меккѣ. Временами онъ пронзительно свисталъ, сопровождая этотъ свистъ дуновеніемъ на голову жены. Она сидѣла неподвижно и слушала; глаза ея были опущены къ землѣ. Долго они оставались въ такомъ положеніи; когда, наконецъ, обрядъ заклинанія окончился, оба встали и она, встряхнувъ свое платье, опять ушла заниматься своими дѣлами. Другой обрядъ дуновенія былъ наблюдаемъ г. Алекторовымъ, при проѣздѣ его черезъ 2-й Приморскій округъ Внутренней киргизской орды. Здѣсь г. Алекторовъ остановился въ зимовкѣ одного старшины. Въ кунацкой никого, кромѣ автора, этой замѣтки не было; въ сосѣдней комнатѣ раздавался какой-то странный свистъ, похожій на свистъ бича при ударѣ погонщика. Г-ну Алекторову захотѣлось взглянуть, кто это свиститъ какъ-то дико, душу разрывающимъ свистомъ. Пріотворивъ немного дверь, г. Алекторовъ увидѣлъ такую картину: на покрытыхъ коврами широкихъ нарахъ сидѣлъ блѣдный молодой еще человѣкъ, свѣсившій свою черную голову. Это былъ больной старшина. Противъ него помѣщался мулла съ раскрытою книгою и съ чашкой воды. Мулла читалъ нараспѣвъ. Вдругъ онъ остановился и такъ пронзительно свистнулъ „шт-лу“, что наблюдатель вздрогнулъ и отскочилъ отъ двери. Въ это время вошелъ братъ больного и подозрительно взглянулъ на г. Алекторова: не смотрѣлъ ли де онъ въ дверь? . . . Такъ какъ если русскій посмотритъ на больного, то больной можетъ умереть.

Дѣятельность муллы-знахаря весьма удачно охарактеризована въ статьѣ П. Ходырева, напечатанной въ „Оренбург. Газ.“ 15 марта 1912 г. „Когда я возвратился съ охоты, пишетъ г. Ходыревъ, мулла былъ уже у Сарыкбая¹⁾. Молодая Нафиса²⁾, сильно исхудавшая роженица, лежала на кровати въ лѣвой сторонѣ кибитки. Чадра у ней сбилась на сторону, волосы перепутались и прилипли къ потному лбу. Она тихо стонала. Мулла всталъ около кровати, досталъ изъ сумки Коранъ, развернулъ его и нараспѣвъ началъ читать какую-то главу. Окончивъ чтеніе, мулла закрылъ книгу, подулъ съ бормотаньемъ нѣсколько разъ въ лицо Нафисы и положилъ Коранъ у ея изголовья. Сотворивъ затѣмъ молитву и проведя, какъ и прочіе киргизы, ладонями по лицу, онъ сказалъ нѣсколько ободряющихъ словъ роженицѣ и удалился. Часамъ къ четыремъ пополудни Нафиса стало хуже. Когда же бывали особенно сильныя схватки, то она кричала на всю кочевку, и въ то же время окружавшія ее женщины, думая, что это къ ней подступаетъ албасты, начинали кричать, визжать и, какъ бѣшенныя, метаться по кибиткѣ, отгоняя плетями и палками злого духа. Сарыкбай совсѣмъ потерялъ голову. Старики посоветывали ему обратиться къ баксы. Взявъ скакуна, Сарыкбай отправился за колдуномъ“ . . .

1) Имя киргиза, о которомъ здѣсь идетъ вопросъ.

2) Такъ звали жену Сарыкбая.

Въ Ходбинской волости, Тургайск. обл., къ мулламъ обращаются при появлении падушей болѣзни. Вызванный мулла пишетъ какой-то наговоръ на бумагѣ, а затѣмъ бумажку эту стираютъ въ порошокъ и даютъ въ водѣ больному. Въ иныхъ мѣстахъ отъ лихорадки мулла оплетаетъ девять волосяныхъ нитокъ и послѣ прочтенной молитвы привязываетъ ихъ къ шеѣ лихорадочнаго.

Наконецъ, въ статьѣ А. Жильцова ¹⁾ дѣятельность муллы-лѣкаря проявляется и въ леченіи женщины отъ безплодія. Авторъ статьи засталъ муллу въ тотъ моментъ, когда онъ собирался надѣть на палецъ женщины серебряный перстень. Когда онъ это замѣтилъ, то спросилъ муллу, что это за перстень и для чего онъ? Мулла объяснилъ: вырѣзка на перстнѣ означаетъ слова „Сулейманъ пайгамбаръ“, а предназначенью онъ для женщины, которая тутъ сидѣла между другими женщинами. Женщина была довольно молода; по лицу ея можно было заключить, что она совершенно здорова, но, какъ оказалось, она, уже около четырехъ лѣтъ, состоя въ бракѣ, не имѣетъ дѣтей. Тутъ мулла разъяснилъ значеніе перстня при леченіи: этотъ перстень, сказалъ мулла, сдѣланъ мастеромъ по моему указанію, а я далъ только „дува“, а прежде чѣмъ дать это „дува“, я прочиталъ еще другое „дува“ — „джинъ качканъ“, т. е. молитву о выдвореніи изъ женщины духовъ, которые ей препятствуютъ родить. Прочитавъ молитву, мулла надѣлъ женщину перстень на безымянный палецъ лѣвой руки и велѣлъ носить постоянно и болѣе никакихъ средствъ не давалъ. Послѣ этого мулла разъяснилъ и значеніе словъ: „Сулейманъ пайгамбаръ“ (пророкъ-царь) имѣлъ власть надъ „онъ-сыгысь-минъ-алямъ“, т. е. надъ 18000 твореньями на землѣ, включая человѣка, рыбу, животныхъ, звѣрей, насѣкомыхъ и травы по родамъ, и, кромѣ того, Сулейманъ пайгамбаръ былъ повелителемъ всѣхъ духовъ (джиновъ). У Сулеймана пайгамбара было 300 женъ, и всѣ онѣ родили. А потому онъ слыветъ у киргизъ покровителемъ женщинъ, почему тѣ женщины, которыя не родятъ, добываютъ себѣ перстни съ вырѣзкой его имени отъ даргеровъ. Содержаніе молитвы „джинъ качканъ“ мулла не захотѣлъ разъяснить. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ больные киргизы призываютъ къ себѣ на помощь въ одно и то же время муллу и баксы: одно не мѣшаетъ другому. Живутъ они въ полномъ согласіи, такъ какъ всѣ они имѣютъ одну цѣль — получать плату за труды свои, а потому каждый изъ нихъ занимается своимъ ремесломъ безъ разбора.

Баксы, его роль и значеніе.

Личность баксы, какъ человѣка, имѣющаго постоянныя сношенія съ добрыми и злыми духами, пользуется среди своихъ соплеменниковъ огромной славой. Онъ можетъ снимать съ людей и съ животныхъ порчу отъ дурного глаза разными призывами, наговорами и нашептываніями.

¹⁾ См. Тург. Газ. 1896 г. № 71.

Особеннымъ же авторитетомъ пользуется баксы при нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, ревматизмъ, параличъ, лихорадка и т. п. Если чело-вѣка одолѣетъ лихорадка, если заболѣютъ руки, ноги, чувствуется боль-шая слабость, больной говоритъ все то, что придетъ ему въ „ротъ“, то, значитъ, къ этому больному привязался джиннъ, его коснулась нечистая сила: пери, албасты, бичура и т. п. злые духи. Киргизъ-казаки и кара-кир-гизы, говоритъ Ѡ. Поярковъ ¹⁾, влияніемъ джинновъ объясняютъ слѣдующія состоянія: головокруженія, обморокъ, приливы крови къ головѣ; паду-чая болѣзнь также считается результатомъ дѣйствія джинновъ. Случится ли, что потемнѣетъ у кого въ глазахъ и ему представятся летающія мушки, киргизы говорятъ въ такихъ случаяхъ, что это джинны проле-тѣли; давитъ ли кого-либо ночью кошмаръ, и это считается у киргизъ дѣломъ рукъ джинновъ. И такъ при всѣхъ болѣзняхъ, которыя киргизы называютъ уяли-касаль, т. е. „люди, побитые нечистыми силами“, при-зываютъ баксы. Сношенія этого врача со всѣми добрыми и злыми духами и власть, которую онъ имѣетъ надъ ними, даютъ ему первенствующее значеніе среди его соплеменниковъ. Личность этого киргизскаго шамана до сихъ поръ еще является, какъ бы, окруженной ореоломъ чудеснаго, таинственнаго (см. рисунокъ „Лечебный сеансъ Приуральскаго баксы“).

Лечебный сеансъ Приуральскаго баксы.

И чѣмъ только онъ ни занимается изъ области сверхъестественнаго: онъ лѣкарь, чародѣй, колдунъ, гадатель, вызыватель духовъ, заклинатель. Онъ же и жрецъ, потому что, зная волю духовъ, опредѣляетъ родъ жерт-

¹⁾ См. изъ области киргизскихъ вѣрованій въ Этногр. Обзорнн кн. II.

воприняшенія, исполняя при этомъ извѣстные только ему обряды и молитвы. Всѣ эти обязанности онъ можетъ справлять потому, что имѣетъ способность сноситься съ духами, которые ему помогаютъ. Только тотъ настоящій баксы, говорятъ киргизы, кто овладѣваетъ джиннами вполнѣ, т. е. овладѣваетъ ихъ способностями и знаніями и можетъ поэтому вызвать своихъ джинновъ во всякое время, когда онъ считаетъ это нужнымъ. Названіе „баксы“ есть джагатайское „баксы“ или „бакши“, означающее знахарь, колдунъ, шаманъ, хирургъ, пѣвецъ и т. п. Но это слово извѣстно не только киргизамъ, но еще и другимъ народамъ урало-алтайской семьи: у тюрковъ-таранчей, разсѣянныхъ по Илійской долинѣ Китайскихъ владѣній, и въ нашемъ Семирѣчьѣ слово „бакши“ означаетъ: шаманъ, лѣкаръ, колдунъ; у манджуръ „баксы“ значить: учитель, наставникъ, ученый, мудрецъ, лама; у монголовъ „бахши“ значить: учитель и наставникъ; уйгуры „бахшамы“ называли своихъ грамотниковъ; туркмены этимъ именемъ зовутъ своихъ пѣвцовъ¹⁾.

Званія баксы переходить обыкновенно большею частью наследственно, отъ отца къ кому-нибудь изъ сыновей, отъ этого послѣдняго къ внуку, отъ внука къ правнуку и т. д. Такимъ образомъ цѣлое поколѣніе занимается профессіей баксы, что назыв. баксылыкъ. Бываютъ случаи, что баксылыкъ переходитъ отъ отца къ двумъ или болѣе сыновьямъ, но такіе случаи рѣдки²⁾. По замѣчанію Ѡ. Пояркова, баксы могутъ передавать своихъ джинновъ по наследству, отъ отца къ сыну, отъ послѣдняго къ его дѣтямъ и т. д. Послѣ смерти своего прежняго владѣльца джинны ждутъ его три года, послѣ чего они уже переходятъ къ одному изъ его наследниковъ.

Въ прежнее время баксы брали у бѣдныхъ киргизъ сиротъ-мальчиковъ въ ученіе; ихъ обучали всѣмъ приемамъ баксы, для удачнаго успѣха которыхъ требовалось предрасположеніе къ нервнымъ заболѣваніямъ. Впрочемъ, отличительные признаки пригодности занятія баксылыкомъ служатъ, кромѣ нервныхъ расстройствъ, быстрые переходы отъ раздражительности къ нормальному состоянію и отъ этого послѣдняго къ меланхолии, къ угрюмости, доходящей до нервныхъ припадковъ. Подобно тому, какъ въ прежнія времена шаманистъ поклонялся живому духу въ лицѣ шамана, такъ и теперь баксы у киргизъ почитаются, какъ люди, покровительствуемые небомъ и духами: они смотрѣли на него, какъ на человека, одареннаго волшебствомъ и знаніемъ выше другихъ. Имъ приписываютъ чудодѣйственныя свойства, въ нихъ видятъ обладателей высшей силы, простымъ смертнымъ недоступной, да и непонятной. Пѣвецъ, музыкантъ, поэтъ, жрецъ, гадатель и вмѣстѣ съ тѣмъ и врачъ, — онъ являлся, какъ бы, хранителемъ многовѣковыхъ народныхъ религіозныхъ традицій, какъ бы посредникомъ между его соплеменниками и давно исчезнувшими

¹⁾ Названіе „баксы“ происходитъ отъ тюркского корня „баг“ — веревка, связка, узъ; отсюда — въ джагат. яз. багла — связывать, а въ османск. — прельщать, очаровывать. См. „Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій“ В. В. Радлова, т. IV, стр. 1446 и 1447. *Примѣч. ред.*

²⁾ О. Альджаневъ. Киргизская Степная Газета 1894 г. № 36.

предками баснословныхъ временъ. Въ стихахъ, составленныхъ ими и унаследованныхъ отъ предковъ, — баксы восхваляютъ старину и подвиги прежнихъ своихъ „батырей“. Нѣтъ сомнѣнія, что множество названій духовъ, къ которымъ современные баксы обращаются, есть не что иное, какъ старинные герои, отдаленное эхо прежнихъ батырей¹⁾.

Народное сказаніе о баксы Коркоть.

Первымъ баксы, согласно киргизскому преданію, считается Хорхуть или Коркоть, могила котораго, теперь уже разрушенная, находилась на берегу рѣки Сыръ-Дарыя въ Церевскомъ уездѣ. Онъ научилъ киргизъ играть на музыкальномъ инструментѣ, называемомъ „Кобызъ“, а также онъ научилъ особому пѣнію, назыв. „сарыъ“. Къ имени Хорхута приурочено нѣсколько легендъ съ разными вариантами, одна изъ которыхъ я здѣсь приведу²⁾.

Въ протоколахъ Туркестанскаго кружка любителей археологій за 1908—9 г. (стр. 18) П. О. Спиридоновъ приводитъ слѣдующій интересный вариантъ легенды о Хорхуть, записанный со словъ киргиза Тулюса Айшувакова. Хорхуть жилъ за р. Сыръ-Дарыей въ аулѣ (противъ того мѣста, гдѣ нынѣ находится его могила). Онъ мало находился дома и былъ почти въ постоянной отлучкѣ, оказывая помощь больнымъ киргизамъ. За свой трудъ онъ не бралъ денегъ и не просилъ платы, а довольствовался только тѣмъ, что люди давали ему по желанію и по своимъ средствамъ. Такое безкорыстное занятіе Хорхута на пользу степного населенія было угодно Аллаху, и онъ, по милосердію своему, однажды, когда Хорхуть спалъ, сказалъ ему: „Ты не умрешь до тѣхъ поръ, пока самъ не помянешь смерти“. Много минуло лѣтъ, какъ Хорхуть видѣлъ сонъ, однако, ни одного раза не обмолвился онъ о смерти, помня обѣщаніе Аллаха. Но какъ-то случилось, что бычекъ татиба убѣжалъ отъ юрты въ поле. Многіе гонялись за нимъ, но поймать не могли. Жаль бычка Хорхуту; надѣлъ онъ халатъ и самъ пошелъ ловить бычка. Долго гонялся за нимъ, но тоже не поймалъ. Гоняясь за бычкомъ, такъ утомился Хорхуть, что сѣлъ отдохнуть, а, сидя, размыслилъ, что поймать бычка — дѣло не простое, а потому мысленно рѣшилъ: „Если не помру, то я догоню его и поймаю“. Всталъ и снова пошелъ за бычкомъ. На этотъ разъ Хорхуть, къ удивленію своему, легко и просто поймалъ животное и привелъ къ юртѣ. Привязывая бычка, вдругъ Хорхуть догадался, почему легко поймалъ бычка: „Отдыхая, я помянулъ о смерти, чего не дѣлалъ со дня своего сновидѣнія“, сказалъ Хорхуть, и ужасъ

¹⁾ О баксахъ въ общихъ чертахъ писали многіе, К. В. Миллеръ, С. П. Палласъ 1773. А. Левшинъ 1832. И. Казанцевъ 1867. В. В. Радловъ 1870. Г. Н. Потанинъ 1881. А. А. Диваевъ. М. А. Мироневъ. Х. Хустанаевъ. Н. Пантусовъ. С. Е. д-ръ Зеландъ. А. Н. Харузинъ. Ф. Поярковъ 1891—92. Маловъ и многіе другіе.

²⁾ Другіе варианты легенды о Хорхуть, напечатанные въ разныхъ журналахъ А. Диваевымъ, В. Бартольдомъ, Авичковымъ и пр. авторами, были собраны и напечатаны въ моемъ трудѣ „Древности киргизской степи и Оренбургскаго края“.

охватилъ его душу. Какъ исправить ошибку, какъ спасти себя отъ смерти, куда бѣжать? Вотъ вопросы, которые захватили все помыслы Хорхута. Чтобы спасти свою жизнь, онъ рѣшился перемѣнить мѣсто своего жительства. Для этой цѣли онъ садится на крылатого нара. Этотъ одnogорбый верблюдъ, самый выносливый и самый быстрый идетъ въ другой край свѣта: тамъ, далеко, смерть не найдетъ его, думалъ Хорхуть. Скоро прѣхалъ онъ въ невѣдомую страну. Видитъ, въ сторонѣ у дороги люди копаютъ могилу. „Для кого?“ спросилъ Хорхуть. „Для Хорхута“, отвѣтили копальщики. Испугался Хорхуть, простился съ копальщиками, не открывъ себя, и пустился на своемъ верблюдѣ въ другую часть свѣта. То же самое встрѣтилъ онъ въ другой части свѣта, а потомъ и въ третьей и въ четвертой. Потерявъ надежду на спасеніе, послѣ долгаго странствованія Хорхуть возвратился въ родную кибитку, гдѣ сталъ ожидать воли Аллаха. Нары, на которомъ совершалъ поѣздки въ разныя страны, онъ зарѣзалъ, шкуру его сшилъ въ формѣ мѣшка и приладилъ ее къ кобызу; потомъ взялъ коверъ, разостлалъ его на воду по срединѣ рѣки. По его слову (какъ святого человѣка), коверъ не тонулъ и не сносился теченіемъ. На этомъ коврѣ самоплавъ Хорхуть рѣшился жить безотлучно, надѣясь, что смерть, розыскивая его на сушѣ, не придетъ на его чудесный островъ, что водная стихія защититъ его. „Откуда бы ни пошла смерть, розыскивая меня, я увижу ее“, говоритъ Хорхуть себѣ, сидя на коврѣ-самоплавѣ. Въ это время Аллахъ оказалъ новую милость татибу: онъ разрѣшилъ ему перенести юрту на коверъ и женѣ его поселиться въ юртѣ. Такимъ образомъ, по просьбѣ Хорхута и по слову милосерднаго Аллаха, кибитка его стояла на коврѣ, какъ на сушѣ. Сидитъ Хорхуть на коврѣ, не спитъ ни днемъ, ни ночью, караулитъ прихода смерти, а самъ все молится, поетъ священные стихи изъ Корана, аккомпанируя себѣ на кобызѣ. Такъ прошла недѣля и болѣе безъ сна и въ молитвѣ. Совершенно измучился Хорхуть, не выдержалъ далѣе и заснулъ крѣпкимъ сномъ. А смерть въ образѣ небольшой змѣи, вползла на коверъ и ужалила Хорхута. Заболѣлъ онъ и умеръ. Похоронили на этой (правой) сторонѣ рѣки, на склонѣ горы (въ 20 верстахъ отъ Кармакчи по теченію Сыръ-Дарьи), близъ берега рѣки. На могилѣ его положили кобызъ. И, видно, Аллаху было такъ угодно, что кобызъ Хорхута въ теченіе многихъ лѣтъ, по пятницамъ, издавалъ заунывные звуки, какъ бы оплакивалъ своего господина. Прислушиваясь къ его плачу, можно было легко разбирать имя святого татиба Хоръ-Хуть, Хоръ-Хуть“ . . .

Такое приблизительно преданіе имѣется у туркменъ. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Бартольдъ, что оно имѣетъ общій источникъ и что культъ Хорхута перешелъ къ киргизамъ отъ прежнихъ обитателей низовьевъ Сыръ-Дарьи“.

Не меньшей славой пользуется среди киргизъ баксы Койлубай, одно время считавшійся патрономъ всѣхъ баксы Сарбай и Усець въ Уральской области, Балакай и Чумень въ Кокчетавскомъ округѣ, Акмолинской обл. Объ этихъ баксы существуютъ народныя сказанія, изъ которыхъ наибольш-

шій интересъ представляетъ легенда о первомъ изъ нихъ, о баксѣ Койлубаѣ ¹⁾.

Народное сказаніе о баксѣ Койлубаѣ.

Однажды Койлубаю по обыкновенію, во снѣ, явился съ докладомъ Надырѣ Чулакѣ, глава пери, и объявилъ ему, что черезъ нѣсколько дней при родахъ одной женщины будетъ самъ царь „албасты“ и совѣтовалъ ему туда не ѣздить, говоря, что уже довольно они возстановили противъ себя собраніе духовъ, ради прихотей человѣка ²⁾. Вставши по утру, Койлубай, при разговорѣ, сообщилъ вскользь, что на дняхъ будутъ страшные роды. Дѣйствительно, черезъ два дня явился гонецъ отъ такого-то бѣя, прося помощи Койлубая. Всѣ киргизы были увѣрены, что пока есть Койлубай, они защищены отъ всѣхъ напастей, кромѣ смерти, и гонецъ явился очень веселымъ, въ полной надеждѣ на могущество Койлубая. Не ѣхать, значить, потерять авторитетъ и показать свое безсиліе противъ такихъ ничтожныхъ чертей, каковы албасты; ѣхать, — значить, не уважить просьбы и совѣтовъ Надыра и рисковать собой. Но честолюбіе, великій двигатель народа киргизскаго, взяло верхъ. Койлубай отправился въ путь, отпустилъ гонца впередъ и приказалъ ему собрать двѣсти человѣкъ около юрты больной, отворить въ юртѣ двери и тюндукъ (верхъ юрты). Подъѣзжая къ юртѣ, Койлубай поднялъ гвалтъ и, размахивая саблей, въѣхалъ въ юрту и устремилъ глаза, полные гнѣва и безстрашія, на чангаракъ юрты, размахнулъ саблей; сабля ударилась обо что-то, звонъ былъ металлическій. Койлубай крикнулъ и упалъ бездыханный съ лошади, терзаемый ужасными конвульсіями, изо рта и ушей струилась черная запекающаяся кровь. Больная, лежавшая прежде въ уныніи, упала въ обморокъ. Оказывается, Койлубай увидѣлъ на чангаракѣ царя албасты на черной, какъ черный бархатъ, лошади, закованнаго съ головы до ногъ въ синее желѣзо, съ однимъ глазомъ, огромнымъ, какъ чашка для кумыса, торчавшимъ по срединѣ широкаго лба. Онъ злобно улыбался, смотря на Койлубая, и сказалъ: „Тебя мы уважали и дали много, но дай же хоть разъ намъ“. Въ рукахъ онъ держалъ огромное красное знамя, — атрибутъ своей побѣды. Металлическій звонъ былъ звономъ его панцыря; онъ побѣдилъ Койлубая. Народъ былъ въ ужасѣ: Койлубай лежалъ, какъ издохшая лошадь среди степи. Надъ юртою растопался какой-то туманъ; страшный, сверхъестественный шумъ и гулъ смущали души людей. Это была ужасная битва между подчиненными Койлубаю духами и одноглазымъ царемъ албасты. Черный скакунъ игриво вертелся и твердо стоялъ на своемъ мѣстѣ. Вдругъ вдали подулъ страшный вѣтеръ. Огромная черная туча съ страшнымъ громомъ и съ ужасной бы-

¹⁾ См. Записки Импер. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этногр., т. XXXIX, соч. Ч. Ч. Валиханова, стр. 281—282.

²⁾ Духовъ своихъ Койлубай держалъ въ строгости: по его требованію, они обязаны были выставять хорошо вооруженный отрядъ. Все это сказаніе изъ устъ народа.

стротой неслась по воздуху и вдруг опустилась надъ юртой. Мракъ покрылъ воздухъ; шумъ усилился; раздася трескъ; туча быстро направилась на западъ. Это былъ Надыръ Чулакъ. Онъ не могъ перенести пораженія своего любимца. Съ отборной дружиной, съ короткимъ сосновымъ коломъ и ломомъ, явился онъ и вонзилъ копье въ самую грудь одноглазаго шайтана. Албасты бѣжали. Лишь только прояснилась туча, Койлубай вскочилъ съ мѣста, крича: „айнаманъ¹⁾“, Надыръ-Чулакъ, я твоя жертва“. Схватилъ кобызь, началъ играть, крича во все горло: „схватите его живого и приведите ко мнѣ!“ Больная тоже вошла въ себя: „Иншъ Аллахъ, тауба!“ (слава Богу, прости, Боже). Албасты были разбиты на голову; царь ихъ полоненъ и связанный представленъ Койлубаю, который принялъ его на службу, назначивъ начальникомъ албасты.

Бансы, какъ лѣнаръ и колдунъ.

Киргизскій баксы, подобно сибирскимъ шаманамъ, прибѣгаетъ къ различнымъ приемамъ для того, чтобы освободить больного отъ нечистой силы. Вызванный къ больному, онъ осматриваетъ его и говоритъ: „Къ этому человѣку привязался злой духъ, приготовьте одного или двухъ жирныхъ барановъ“²⁾. Сказавъ это, онъ уходитъ, назначивъ предварительно время, когда придетъ лѣчить больного³⁾. По истеченіи срока, баксы является къ больному. По своему внѣшнему виду, онъ мало отличается отъ другихъ киргизъ; однако, у нѣкоторыхъ изъ нихъ халаты обшиты галуномъ или цвѣтными шнурками, а поясъ увѣшанъ разными принадлежностями дороги или ремесла, какъ-то: ножъ, иголки, витки, куренье и т. п. Голова повязана простымъ платкомъ или чалмой обыкновенно голубого цвѣта, иногда же надѣта остроконечная шапка (малахай), крытая краснымъ верблюжьимъ сукномъ. Онъ ходитъ, опираясь на длинный посохъ „аса“ съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, который разукрашенъ перьями филина, играющими важную роль въ изгнаніи злыхъ духовъ. Въ другой рукъ онъ носитъ кошечный мѣшокъ съ какимъ-нибудь музыкальнымъ инструментомъ: бубень, кобызь, домбра или дабыль.

Бубень, какъ принадлежность баксы, считается священнымъ инструментомъ. Имъ особенно пользуются сибирскіе и монгольскіе шаманы для того, чтобы звуками его отогнать зловреднаго духа, или для того, чтобы узнать, что происходитъ въ другихъ мѣстахъ и т. п. Онъ представляетъ собою кругъ изъ тутоваго дерева, обвѣшанный желѣзными кольцами;

¹⁾ Буду кружиться.

²⁾ Жертва иногда состоитъ изъ лошади, козла, зайца, кара-гусы (коршунъ или беркута), курицы или голубя, которые тогда даются больному, чтобы онъ подержалъ ихъ въ объятіяхъ. Это дѣлается для того, чтобы больная перешла къ этимъ пернатымъ. Иногда баксы приказываютъ принести голые черепа верблюда или собаки, или же отъ 5 до 10 куколъ, которыя даются больному подержать для указанной цѣли. (Со словъ Муллы-Али Махдибаевъ, запис. Диваевымъ).

³⁾ Нѣкоторые баксы къ леченію приступаютъ немедленно; другіе—черезъ нѣсколько часовъ или на слѣдующій день. По другимъ даннымъ, приглашенный къ больному баксы въ теченіе семи дней играетъ на своемъ кобызѣ и вызываетъ своихъ джиновъ.

кожа на немъ обыкновенно козловая. Опытный баксы или шаманъ изъ бубна извлекаетъ всевозможные звуки, начиная съ легкаго, какъ комариное жужжаніе, доходя до изображенія шума наступающей бури. Вначалѣ слышна неуловимая, нѣжная, мягкая музыка. Временами выдѣляются дикіе голоса, по сухой натянутой кожѣ скребутъ, слышатея различные крики и шумъ: будто бѣлки скачутъ, медвѣди ворчатъ, змѣи шипятъ, вороны каркаютъ, чайки тоскуютъ, кулики посвистываютъ, соколы и орлы клекочутъ. Музыка растетъ; удары по бубну сливаются въ одинъ непрерывный гулъ. Это, по словамъ Поздѣева, цѣлый потокъ звуковъ. Теперешніе киргизскіе баксы мало пользуются бубномъ, тогда какъ еще въ прошломъ вѣкѣ, по словамъ К. В. Миллера и С. П. Палласа, онъ былъ въ большомъ ходу.

Кобызъ, какъ и бубенъ, считается инструментомъ, имѣющимъ волшебную силу, иногда даже одухотвореннымъ существомъ. По словамъ А. Диваева¹⁾, кобызомъ называется музыкальный инструментъ киргизъ, по формѣ своей основной части, весьма похожій на обыкновенную довольно большую, круглую, выдолбленную изъ цѣлаго куска дерева чашку, совсѣмъ открытую, діаметръ которой можетъ быть очень разнообразенъ, но чаще всего 5—6 вершковъ; глубина же ея бываетъ иногда вершка три. Съ одного края подобной чашки, служащаго нижнею частью инструмента, выдается прямо противъ грифа выступъ длиною вершка въ два. Эта часть кобыза служитъ для прикрѣпленія концовъ двухъ или трехъ струнъ, обыкновенно свиваемыхъ изъ конскихъ волосъ; другіе концы навиваются на колки; при игрѣ, для устойчивости, инструментъ зажимается колѣнами играющаго. Къ верхнему краю остова кобыза при-

Баксы Бай-аке
(Ташкентскаго уѣзда).

крѣплена довольно широкая ручка (грифъ), оканчивающаяся большею частью ромбомъ съ двумя или тремя колками, который иногда бываетъ даже украшенъ колечками и аляповатыми узорами. На кобызѣ играютъ смычкомъ, который, какъ и струны, дѣлается изъ конскихъ волосъ. Таковъ, напримѣръ, кобызъ извѣстнаго въ Ташкентскомъ уѣздѣ киргиза баксы Бай-аке. (См. рисунокъ). Любопытно, что А. М. Поздѣевъ въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, въ 30 томотѣ, даетъ нѣсколько иное описаніе этого инструмента. По его словамъ, кобызъ „по формѣ походитъ на старинный русскій гудокъ, отчасти на балалайку, и состоитъ изъ выдолбленнаго, обтянутаго пузыремъ полусара, съ придѣланной къ нему на верху ручкой и съ выпускомъ внизу для утвержденія подставки. Звуки кобыза

¹⁾ См. Сборникъ матеріал. для статистики Сыръ-Дарьинской обл. Т. V. 1896 г. Этнограф. матер., собранные и переведенные А. А. Диваевымъ, стр. 4.

очень грубы и нечисты, тѣмъ не менѣе игроки передаютъ на немъ пѣніе разныхъ птицъ весьма близко къ натуральному“. По Даулбаеву, кобызъ—инструментъ въ родѣ скрипки о двухъ струнахъ, свитыхъ изъ конскихъ волосъ; какъ струны на кобызѣ, такъ и волосы на лучкѣ, которымъ извлекаютъ звуки изъ струнъ, натираются сосновой сѣрой. На кобызѣ играютъ также, какъ играютъ на русскихъ скрипкахъ, только упирая инструментъ въ колѣно ¹⁾. По описанію г. Жильцова ²⁾, кобызъ—инструментъ, похожій на миниатюрный русскій контръ-басъ; деревянный же смычекъ, которымъ баксы водятъ по струнамъ кобыза, выдолбленъ жолобкомъ. Нѣкоторые баксы отдѣлываютъ свои кобызы, для пущей важности серебромъ. Струны кобыза дѣлаются изъ конскаго волоса, которыя натягиваются также и на смычекъ. Звукъ кобыза—дикоунылый. При игрѣ на кобызѣ баксы подпѣваетъ такимъ же заунывнымъ голосомъ и тѣмъ самымъ вызываетъ своихъ джинновъ. Игра на кобызѣ—въ своемъ родѣ искусство, которому, а равно пѣнію и приемамъ по вызову джинновъ, или продѣлыванію разныхъ фокусовъ нужно учиться. Нынѣ баксы охотнѣе пользуются „домброй“. На ней легче играть, и она широко примѣняется при аккомпаниментѣ народнымъ мотивамъ.

Домбра по своей формѣ напоминаетъ двухструнную балалайку. Струны ея дѣлаются изъ бараньихъ жилъ; на домбрѣ играютъ пальцами, какъ на гитарѣ, перебирая струны.

Дабыль-барабанъ, у тюрковъ-таранчей—„думбакъ“, по словамъ г. Пантусова, представляетъ собою кругъ изъ тутоваго дерева. Кожа на немъ верблюжья. Палки (чока) приготовляются изъ ирги.

Г. Кастанье.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Изъ „Записокъ Оренбургск. отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, вып. 4, 1881 г. ст. Даулбаева —Раясказъ о жизни киргизовъ Николаевск. у. (Кустанай) съ 1830 по 1880.

²⁾ См. Тург. Газ. 1895 г. № 7.

Затѣмъ баксы приказываетъ, выходя изъ комнаты, принести въ кибитку нѣсколько желѣзныхъ предметовъ: кетмени (заступы) безъ ручекъ, которые тутъ же кладутся въ огонь для того, чтобы накалились до красна. пашку, кинжалъ¹⁾, колотушку, толстую нагайку, иногда 3-хвостую плеть, отъ пяти до десяти фитилей, скрученныхъ изъ тряпицы, и дабыль (барабанъ). Всѣ эти предметы будутъ необходимы баксѣ во время сеанса. Когда все это готово, баксы уваживаетъ присутствующихъ кольцомъ, предложивъ имъ предварительно совершить омовеніе, а въ середину круга укладываетъ больного. Этому послѣднему баксы даетъ держать жертвенное животное, или замѣняющій его предметъ, а иногда — и ничего. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, животное, приносимое въ жертву, держатъ посторонніе (См. рис. лечебный сеансъ у Приуральскихъ киргизъ).

Изъ области киргизскихъ вѣрованій.

О чарующихъ силахъ, заключающихся въ человѣкѣ.

Прежде, чѣмъ открыть лечебный сеансъ, баксы приказываетъ принести въ кибитку нѣсколько желѣзныхъ предметовъ: кетмени (заступы) безъ ручекъ, которые тутъ же кладутся въ огонь для того, чтобы накалились до красна. пашку, кинжалъ¹⁾, колотушку, толстую нагайку, иногда 3-хвостую плеть, отъ пяти до десяти фитилей, скрученныхъ изъ тряпицы, и дабыль (барабанъ). Всѣ эти предметы будутъ необходимы баксѣ во время сеанса. Когда все это готово, баксы уваживаетъ присутствующихъ кольцомъ, предложивъ имъ предварительно совершить омовеніе, а въ середину круга укладываетъ больного. Этому послѣднему баксы даетъ держать жертвенное животное, или замѣняющій его предметъ, а иногда — и ничего. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, животное, приносимое въ жертву, держатъ посторонніе (См. рис. лечебный сеансъ у Приуральскихъ киргизъ).

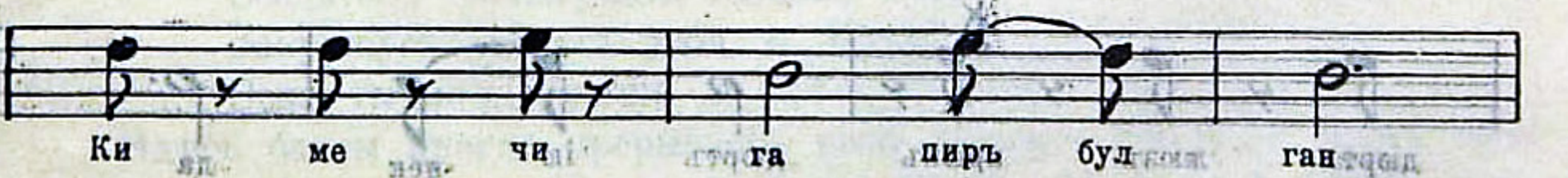
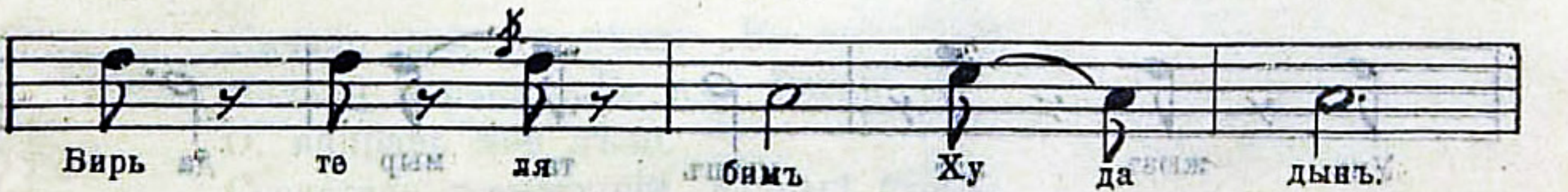
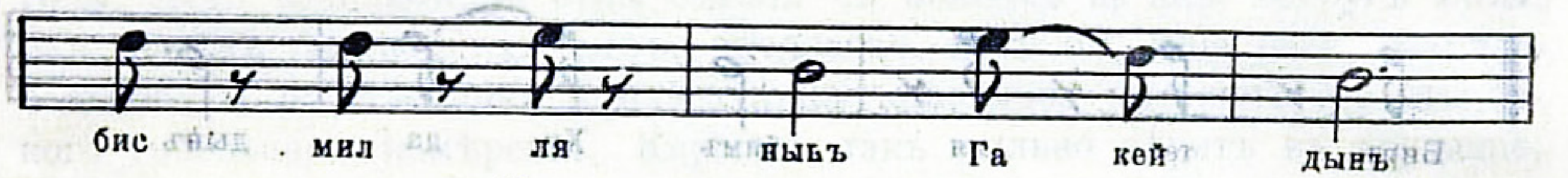
¹⁾ У нѣкоторыхъ баксы "хаджаръ" (кинжалъ) дѣлается изъ рыбы. Въ кинжалѣ три дыры, въ которыя продѣты разные лоскуты; на немъ висятъ также два колокольчика. Сообщ. г. Пантусовымъ.

Затѣмъ баксы, исполняя роль жреца, указываетъ, въ какой формѣ долженъ быть совершенъ обрядъ жертвоприношенія. Подойдя къ скотинѣ, онъ вселяетъ въ нее нечистаго духа и, обращаясь къ присутствующимъ, говоритъ: „больного надо омыть теплою кровью ягненка (или барана, или козла)“. Приказавъ убить скотину, баксы подставляетъ больного подъ струю горячей крови, или просто окропляетъ ею больного и зрителей. Нерѣдко баксы самъ закалываетъ приносимое въ жертву животное. Такъ наприм., по сообщенію г. Алекторова, у киргизъ Внутренней орды, по приказанію баксы, въ кибитку приносятъ двухъ курицъ. Баксы сдавливаетъ горло одной изъ нихъ, кружитъ ее, а затѣмъ безчувственную бросаетъ къ ногамъ больного. Закруживши и другую курицу, баксы пронзаетъ ее кинжаломъ. Кровь выпускаетъ въ чашу и окропляетъ больного и зрителей. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Тургайскаго уѣзда приглашенный къ больному оспой баксы ¹⁾ приказываетъ пригнать въ кибитку бѣлаго барана съ желтой головой. Зарѣзавъ его, баксы вынимаетъ изъ него легкія, дѣлаетъ на нихъ два разрѣза ножемъ и трясетъ ими надъ больнымъ, крича во все горло: „тартъ, тартъ!“ (тяни, тяни!). Затѣмъ, накричавшись и набѣгавшись вокругъ больного до усталости, онъ выбрасываетъ легкія въ шантракъ (верхнее отверстіе кибитки) со словами: „шыкъ, шыкъ!“ (выходи, выходи!). Выкинутыя легкія немедленно поднимаются нарочно поставленнымъ для того человекомъ и зарываются въ землю, а мясо барана варится и прежде всего дается больному, а потомъ уже и всѣмъ гостямъ, съѣхавшимся на „Кудай джоль“ (Божій путь).

Приступая къ леченію своего больного, баксы обходитъ его съ кобызомъ, домброй или бубномъ въ рукахъ и тянетъ безконечную, заунывную чародѣйскую пѣснь, образецъ которой здѣсь прилагается.

Кур ан ба ши бис мил ля.
Эль хандъ ба ши бис мил ля.
Иш ныкъ ба ши бис мил ля.

¹⁾ Въ кибитку на сеансъ баксы приглашается, какъ можно, больше народа. У киргизъ Внутренней орды, по словамъ г. Алекторова, въ кибитку, гдѣ находится больной, впускаются только голые киргизы. Баксы обливаетъ ихъ водой, даже въ зимнее время, а затѣмъ они надѣваютъ уже одежду и становятся вокругъ больного. См. А. Васильевъ—Народные способы врачеванія у киргизъ Тургайской обл. Ст. П. Вавилова въ „Тург. Обл. Вѣдом.“ 1894 г. № 27.

Эта пѣснь записана г. Пантусовымъ со словъ таранчинскаго баксы Вѣрненскаго уѣзда и положена на ноты. Затѣмъ, баксы обращается то къ Богу, то къ злomu духу, то къ святымъ, то къ своимъ джиннамъ. Время отъ времени онъ произноситъ слово „айналаинъ“ (закружусь!), которое такъ часто повторяется въ призывахъ баксы. Чарующая сила заключается, главнымъ образомъ, въ круженіи¹⁾. Киргизы обыкновенно избѣгаютъ полнаго круга при осмотрѣ чего бы то ни было, такъ какъ обойти человека значитъ принять на себя всѣ его болѣзни, всѣ чары, которые тяготѣютъ надъ нимъ. Поэтому самое нѣжное слово у киргизъ и самое вѣрное выраженіе любви заключается въ словахъ „айналаинъ“, что значитъ „обхожу тебя“, т. е. „готовъ отдать жизнь за тебя“. Въ старыя годы часто чадолюбивые отцы бѣгали съ поясомъ на шеѣ вокругъ юрты, гдѣ лежалъ больной ихъ сынъ, предлагая, какъ бы, себя небу, взамѣнъ больного, а родственники и одноаульцы старались удержать его отъ такого гибельнаго намѣренія. Киргизы такъ сильно вѣрятъ въ круженіе, что даже и теперь птицу, попавшую въ руки, отпускаютъ на волю не иначе, какъ обведя ея нѣсколько разъ около своей головы. Она беретъ все несчастье и болѣзни на себя. Впрочемъ, слово „обвести“, „окружить“ употребляется въ эпическихъ сказаніяхъ народовъ индо-германскаго племени въ смыслѣ приворожить, околдовать²⁾. При этомъ дѣйстви чарующую силу по преимуществу приписывали мертвой рукѣ: „какъ мертвою рукою обвести“³⁾.

Обращеніе баксы къ Богу⁴⁾.

Естенг басы: бисмильда!⁵⁾
 Курандинг басы: бисмельда!
 Унгдай курган есемде,

Жараткан жаббаръ, бер Алда.
 Айналаин, ей Алда!
 Сиен кулдасанг, мин мунда.

Переводъ.

Начало каждаго дѣла: „Во имя Бога“.

Начало Корана: „Во имя Бога!“

О, направь мое дѣло,

Создатель всемогущій, единый Боже.

Закружусь вокругъ тебя, о, Боже!

Если ты поддержишь, я здѣсь готовъ.

Здѣсь баксы иногда прерываетъ свой призывъ къ Богу, прося присутствующихъ повторить за нимъ: „ля Илля иль Алла“ (нѣтъ бога,

1) Чоканъ Валихановъ.

2) Отсюда русское выраженіе: „обойти кого нибудь“. *Пригл. ред.*

3) Сивгиревъ, Русскіе въ своихъ пословицахъ, т. II, стр. 35.

4) Для того, чтобы получить полное представленіе о разныхъ призывахъ и заклинаніяхъ баксы, приходится прибѣгать къ различнымъ авторамъ, вставляя отъ каждаго изъ нихъ тѣ отрывки, которые подходятъ къ тому или другому сеансу.

5) Сообщено А. Диваевымъ со словъ киргиза Чикментскаго уѣзда Махдибаева. Киргизскій текстъ мною переданъ въ русской транскрипціи, согласно произношенію киргизъ Тургайскаго уѣзда и области.

кромѣ Бога!), а затѣмъ баксы обращается къ злomu духу съ угрозами въ такой формѣ.

Обращеніе баксы къ злomu духу ¹⁾.

Эй, шайтан, сенинг нинг бар аулак
жюрмөй?
Жюрмөдинг али кюнгө мени билмей?
Сазангды инде сенинг таптыраин
Турсангда ни кылады деп сен
кулимсирей.

Эй шайтандар, шайтандар!
Минау өкпөни алынгыз дар,
Осы сы-мен барынгыз дар.
Бул катынды өлтермө,
Буган зиян келтерме.
Катыны муынг биреу ак;
Узеленип коймайсын
Жалгыз көзди сен бивак.
Телимди менинг алмасанг,
Мекенге жилдам бармасанг,

Изинге сенинг тусөрак
Атадан калган коп арвак.
Жилдамрак мунап кетпесенг,
Көзимнөн менинг житпасанг,
Уйтөрмен сенинг пашынгды,
Кесермен, залым, басынгды.
Кой өкпөсы синдерге жарамайма?
Ол өкпөни өкпөгө санамайма?
Окпөни алып жапнга сен кетпесенг,
Мен дагы тек турмаспен карап
жайга.

Кынаптан кылыш алармен
Куркюрөгөн даумен
Устингө тунип калармен,
Басынгды сойтуп жуярмен.

П е р е в о д ъ.

Эй, шайтанъ, что тебѣ нужно, что ты не уходишь отъ меня?
Неужели ты до сихъ поръ не знаешь меня?
Я тебѣ покажу, что тебѣ нужно (въ смыслѣ угрозы).
Хотя ты и смѣешься,—что, де-скать, онъ мнѣ сдѣлаетъ.
Эй, шайтаны, шайтаны!
Возьмите это легкое ²⁾
И убирайтесь съ этимъ угощеніемъ.
Эту женщину не убивай
И не дѣлай ей вреда.
Одна только жена у него;
Только ты одноглазый, несчастный.
Не оставляешь ее.
Если не послушаешься меня
И если скоро не уйдешь домой,
То пусть тебя преслѣдуютъ
Умершіе святыя дѣды.
Если скоро ты не уйдешь отсюда
И если не удалишься съ моихъ глазъ,
То сожгу волоса твои

¹⁾ М. А. Миропіевъ — Демонологическіе рассказы киргизъ. Русская транскрипція сдѣлана г. Миропіевымъ.

²⁾ Легкое барана, принесеннаго въ жертву.

И отрублю, подлець (мучитель), голову твою.
 Развѣ не достаточно для васъ бараньихъ легкихъ?
 Развѣ они не считаются за легкія?
 Если ты, взявъ легкія, не уйдешь домой,
 То я вѣдь тоже не буду такъ стоять.
 Возьму изъ ноженъ саблю
 И съ громовержцами и великанами
 Брошусь на тебя,
 И голову твою, такимъ образомъ, уничтожу.

Послѣ этого призыва баксы обращается къ присутствующимъ, чтобы они произносили: „ля Илля иль Алла!“ (нѣтъ Бога, кромѣ Бога!). Всѣ киргизы, находящіеся въ кибиткѣ, одновременно (хоромъ) и безостановочно повторяютъ эти слова. Баксы прибавляетъ: „Алла-гу!“ которое присутствующіе повторяютъ и баксы приступаетъ къ призыву святыхъ.

Призывъ баксы святыхъ.

Су басында Сулейман!
 Су аяге ир Коркут,
 Балаларда сѣен коркет!
 Айда чу бирмен деу пирим,
 Чакарганда кель пирим!
 Мунгле менен ширлененг
 Киселен таубе бер пирим!
 Жир жузендеге ауліе,
 Кӧв кюзендеге ауліе,
 Магребдаге ва машрекдаге ауліе,
 Туркестанда тумин баб,
 Сездерден медет тлеймен.
 Сайрамдагы сансыз баб,
 Утрарда отуз баб,
 Инг улкене Арстан баб,
 Инг кшесе Алача-Каф,
 Сездерден медет тлеймен.
 Казы-курт-ата ауліе,
 Аре жакта Кӧнграк бар,
 Біере жакта Карак бар,
 Сездерден медет тлеймен.

Карамурт-ата ауліе, гу Алла,
 Бектау-ата Бек ата,
 Бегич-ата, кулдай кӧр!
 Чакбак-ата ауліе,
 Кочкар-ата ауліе,
 Сездерден медет тлеймен.
 Тюлке басы ауліе, Алла-гу!
 Ауліе-ата ауліе,
 Айша-биби ауліе,
 Сездерден медет тлеймен.
 Тик-Турмас ата ауліе
 Кара-хан бабам, кулдай кӧр, гу Алла!
 Чилтан бабам, кулдай кӧр!
 Айналан атенгнан!
 Тлеунде унгдай кур,
 Сездерден медет тлеймен.
 Шейхе-Борх дивана, гу Алла
 Арвакта жин айдаган,
 Шайтан курсе байлаган,
 Айда бер мең деу пирим!

Переводъ.

О, Сулейманъ, пребывающій въ водѣ! ¹⁾

О, мужественный Коркудъ,

Наводящій страхъ на дѣтей!..

¹⁾ Зап. А. Диваевымъ со словъ киргиза Чимкентскаго уѣзда Ахенбекова.

О, мой главный пирь, (сони (духовъ) сюда!

О, мой пирь, предстань же, когда зовутъ тебя!

Несчастливаго и больного

Отгадай недугъ, о, мой пирь!

О, святые, обитающіе на землѣ,

О, святые, обитающіе на небесахъ,

О, святые запада и востока,

О, десять тысячъ святыхъ Туркестана,

Молю у васъ помощи.

О, безчисленные святые Сайрама,

О, тридцать святыхъ Отрара,¹⁾

Самый старшій изъ нихъ Арыстанъ-бабъ,²⁾

А самый младшій Алача-кафъ,

Молю у васъ помощи.

О, святой Казы-куртъ ата,³⁾

О, Кынгракъ⁴⁾, находящійся на той сторонѣ,

О, Каракъ⁵⁾, находящійся по эту сторону,

Молю у васъ помощи!

О, святой Кара-муртъ-ата, гу-Алла!

О, Бектау-ата Бекъ ата,

О, Бегичъ-ата, поддержи!

О, святой Чакбакъ-ата,

О, святой Кочкаръ-ата,

Молю у васъ помощи!

О, святой Тюльке-басъ, Алла-гу!

О, святой Аулие-ата,⁶⁾

О, святая Айша-биби,⁷⁾

Молю у васъ помощи!

1) Развалины историческаго города Отрара, гдѣ скончался Тимуръ (1335—1405), находятся между городами Чимкентомъ и Туркестаномъ, при впаденіи р. Арысь въ Сыръ-Дарью. (См. мой трудъ: „Древности Киргизской степи и Оренбургскаго края“).

2) Гробница св. Арыстанъ-баба, учителя химинъ Азретъ-Султана Яссавайскаго, находится въ одной верстѣ отъ г. Отрара. См. мой трудъ „Древности Киргизской степи и Оренбургскаго края“.

3) Нѣкоторыя свѣдѣнія о св. Казы куртъ см. въ 5 т. Сборн. матер. для ст. Сыръ-Дарьинской обл. въ статьѣ: „Легенда о Казыкуртовскомъ ковчегѣ“.

4—5) Кынгракъ и Каракъ—названія горъ, находящихся въ 100 верстахъ отъ Чимкента къ Сыръ-Дарьѣ. Просьба о помощи является характернымъ пережиткомъ древняго шаманскаго культа горъ. По представленію народа, онѣ служили мѣстопробываніемъ духовъ.

6) Нѣкій Кара-ханъ, происшедшій изъ племени уйгуровъ или карлуковъ, царствовавшій въ концѣ X вѣка, основатель династии Караханидовъ, по народному преданію, былъ похороненъ въ г. Аулие-ата, и надъ его могилой сооруженъ мазаръ (мавзолей), существующій теперь и носящій названіе Аулие-ата, по имени котораго городъ получилъ свое названіе. Св. Азретъ-аулие слылъ въ народѣ подъ именемъ Кара-хана, по настоящее его имя было Ша-Махмудъ. См. протоколъ „Туркест. Кружк. Любит. Археол.“ отъ 5 мая 1897 г. (сообщенія В. А. Каллаура и В. Б. Панкова. См. также мой трудъ „Древности кирг. степи и Оренбургскаго края“).

7) Гробница Айша-биби находится около почтовой станціи Головачевской, не доходя до Аулие-ата. См. мой трудъ „Древности киргизской степи и Оренбургскаго края“.

О, святой Текъ-турмась ата. ¹⁾
 О, дѣдушка мой Кара-ханъ, ²⁾ поддержи меня подь руки, гу-Алла!
 О, дѣдушка мой Чильтанъ, поддержи меня подь руки!
 Зкружусь я, вокругъ твоего имени!
 Направь мои молитвы къ лучшему,
 Прошу и вашей помощи
 О, Шейхе-Борхъ-диванъ, ³⁾ гу-Алла!
 О, сгоняющій арваховъ и джиновъ,
 О, подчиняющій себѣ шайтановъ,
 Главный мой пиръ ⁴⁾, сгони ихъ сюда!

Здѣсь я приведу другой призывъ къ святымъ, записанный также А. Диваемымъ со словъ киргиза того-же Махдибаева ⁵⁾.

Призывъ баксы пророка Даудъ ⁶⁾.

Ауеден кумер тсурген,
 От жакнай тимер жерген!
 Кау куриге бакелдаб,

Балга тсе чакылдаб.
 Ир Даудъ пирим, сѣен кулда!
 Сѣен кулдасанг, мин мунда.

Переводъ.

О, сбрасывающій угли съ неба,
 О, накаливающій желѣзо, не разводя огня! . . .
 Да запыхтятъ кузнечные мѣха,
 Да застучать обухи молотовъ.

О, мой пиръ, мужественный Дуадъ, поддержи!
 Если ты поддержишь, я здѣсь готовъ.

Призывъ баксы пророка Сулеймана и прочихъ святыхъ.

Такет Сулейман! кулдай кур,
 Сунак-ата, унгай кур.
 Ата пирим имеспіенг?
 Ир Макам, инде сѣен кулда.
 Сѣен кулдасанг, мин мунда.
 Су аяга ир Көркүд,
 Фалекетде сѣен коркут!
 Баксы пире имеспіенг?

Кузенгде сал, кулем тут.
 Баксы-баба, сѣен кулда.
 Мин сѣендем тар жолда.
 Мин сѣендем сездерге,
 Медет бирген бездерге . . .
 Бире курген багемдай.
 Худай, медет бире кур
 Уйнаб турган чагемдай!

¹⁾ Могила св. Текъ-Турмаса находится на высокомъ берегу р. Таласа, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Аулие-ата. См. мой трудъ „Древности киргизской степи и Оренбургскаго края“.

²⁾ См. мой трудъ „Древности киргизской степи и Оренб. края“ стр. 228.

³⁾ Въ статьѣ о дуанахъ (см. дальше) имѣется преданіе о Шайхы-Борхъ-дивана.

⁴⁾ Пиръ — персидское слово.—основатель религиознаго ордена.

⁵⁾ См. Извѣст. Общества Арх., Истор. и Этногр. при Императорск. Казанск. Унив. Т. XV выпускъ 3.

⁶⁾ Пророкъ Даудъ (Давидъ), какъ гласитъ преданіе, былъ по ремеслу кузнецъ и обладалъ необыкновенной силой.

П е р е в о д ъ.

О, тронъ Сулеймана ¹⁾, пожалуйста, поддержи.
О, Сунакъ-ата, направь мое дѣло, ²⁾,
Развѣ ты мой не главный пирь?
О, мужественный Макамъ, теперь и ты поддержи.
Если ты поддержишь, я здѣсь готовъ.
О, мужественный Коркудъ, ³⁾ властитель низовьевъ водъ,
Застращай ты болѣзнь (больного)!
Развѣ ты не пирь баксы?
Обрати свой взоръ ко мнѣ, держи мою руку.
О, баксы-баба, поддержи!
Я прибѣгаю къ помощи, застигнутый на узкой дорогѣ,
Я прибѣгаю къ вамъ,
Дайте намъ помощь...
Пошлите мнѣ, пожалуйста, мое счастье.
О, Боже! окажи же мнѣ помощь
Въ то время когда я занятъ игрой (леченіемъ)!

Здѣсь баксы снова прерываетъ свои призывы къ святымъ и, повторивъ вмѣстѣ съ присутствующими: „ля Илля иль Алла“, приступаетъ къ призыву джинновъ. Онъ зоветъ ихъ по именамъ, описывая отдѣльно ихъ видъ, ростъ, свойства, качества, характеръ, наружность, занятія.

Призывъ баксы своихъ джинновъ.

Айналаин, Кара-гус!
Жабага гунгде караб уч
Белкедеган бу ир икден
Сулкелдеган журакдан
Ширминда келмей байкаб тус.
Келче бермен Мулда-кыз
Арвак курсе айдаган,

Жин шайтан курсе байлаган,
Муйнына мунчак тагинган,
Чакырмасам сагынган,
Чакырган жерден табылган!
Кельче бермен, Сары-кыз.
Турыган сузе даре кыз
Айдаши бермен деу пирим, гу!

П е р е в о д ъ.

Закружусь вокругъ тебя, Кара-гусъ! ⁴⁾
Лети ко мнѣ, озираясь вокругъ себя,
Не пригнняя мягкимъ почкамъ
И трепещущему сердцу (больного) вреда,
Опустись осторожно, не срами меня.
Подойди ко мнѣ ближе, Мулда-кызъ,

¹⁾ Говорятъ, тронъ Сулеймана (Соломона) обладалъ чудодѣйственной силой и могуществомъ.

²⁾ О развалинахъ древняго города Сунакъ или Суганакъ см. мой трудъ „Древности Киргизской степи и Оренбургскаго края“.

³⁾ См. тамъ-же.

⁴⁾ Кара-гусомъ киргизы называютъ коршуна, а по другимъ свѣдѣніямъ—(чернаго) серкута.

(Мулда-кызъ), сгоняющая арваховъ,
 Подчиняющая себѣ джинновъ и шайтановъ,
 Увѣщавшая свою шею бусами,
 Скучающая, когда я ее не зову,
 Всегда готовая, когда я ее зову! . . .
 Подойди ко мнѣ ближе, Сары-кызъ¹⁾.
 Вѣдь ты дѣвица, даже плевокъ которой цѣлебень!
 О, главный мой пиръ, сгони вѣхъ! . . . онъ (Боже)!

Время отъ времени баксы останавливается, чтобы произнести „Алла-гу“, которое присутствующіе повторяютъ нѣсколько разъ, а затѣмъ баксы продолжаетъ свой призывъ къ джиннамъ:

Куй Кафта жаткан пярляр!
 Мин чакырдым, киленгдер.
 Бӳрекельде! ирлерем,
 Тлеумде беренгдер.
 Лӳскере тудар Кара-бас!
 Уюлеб кунар аралас,
 Кобузангда кӳтереб,
 Куй кафта кильче Чара-бас!
 Токсан куйданг тересе
 Тон чыкбаган, Чара-бас!
 Сегсен куйданг тересе
 Борек чыкбаган, Чара-бас!
 Катты кийн ес булды.
 Кедергененг жарамас.
 Токсан куйданг тересе
 Тон чыкбаган, Кокаман!
 Сиксан куйданг тересе

Женг чыкбаган, Кокаман!
 Кельче бере, Кокаман,
 Изгаранган коркаман.
 Токсан тугай кодарган,
 Балаган жангыл седерган,
 Кельче бермен, жолбарсам,
 Жан аямас жулдасам!
 Жазылмай калса багимем
 Кельмейме минен намасам?
 Аркадан кильген бӳз-улек,
 Моюненте соз-аулек!
 Есекденг алде куба тал
 Кайраб басен суга сал.
 Атанга ленет, Тел-курент!
 Алдыма келеб ойен сал...
 Кокеней деген жин кельде,
 Айкайлаб барен алда сал!

П е р е в о д ъ.

О, пери, обитающіе въ горахъ Кафъ!²⁾
 Я зову васъ, идите ко мнѣ . . .
 Баракельде!³⁾ мои мужи,
 Пошлите мнѣ то, о чемъ я молю! . . .
 О, Кара-басъ,⁴⁾ обладающій знаменемъ арміи!
 Прилети и сядь плотной кучей въ перемѣшку,
 Захвативъ съ собой кобызъ,
 Лети изъ горъ Кафъ, о, Чара-басъ!⁵⁾

1) Сары-кызъ—желтая дѣвица, т. е. блондинка (названіе джинна).
 2) Этотъ призывъ записанъ А. Диваевымъ со словъ киргиза Махдибаева.
 3) Баракельде! Это арабское восклицаніе означаетъ въ переводѣ: „Да благословитъ Богъ!“ (въ смыслѣ: браво! славно!). А. Д.
 4) Кара-басъ—черная голова.
 5) Одинъ изъ главныхъ духовъ. Имя это состоитъ изъ двухъ словъ: „чара“—большая котлообразная деревянная чашка, вмѣщающая иногда въ себѣ около двухъ ведеръ воды, и „басъ“—голова. Чара-басъ обладалъ сказочнымъ ростомъ. У. А. Жильцова (См. Тург. Газета за 1895 г. № 7), этотъ джиннъ значится подъ именемъ „Курабай“. Обращаясь къ

Изъ девяносто бараньихъ шкуръ
Не скроили тебѣ шубы, Чара-басъ!
Изъ восьмидесяти бараньихъ шкуръ
Не скроили тебѣ шапки, Чара-басъ!
Трудное и тяжелое теперь у меня дѣло,
Твое замедленіе сейчасъ невозможно (явись скорѣй).
Изъ девяносто бараньихъ шкуръ
Не скроили тебѣ шубы, Кокаманъ!¹⁾
Изъ восьмидесяти бараньихъ шкуръ,
Не скроили тебѣ рукавовъ, Кокаманъ,
Поди поближе, Кокаманъ,
Я боюсь твоего проникающаго холода.
Ты избродилъ девяносто луговъ,
Пообтренавъ о колючки чингыла оконечности своихъ штановъ,
Подойди поближе, мой джолбарсъ (тигръ),
Мой другъ нещадащій для меня своей жизни!
Если я не вылечу своего больного,
Развѣ мнѣ не будетъ стыдно?
Изъ-за горь пришелъ Бозъ-ёлекъ;
О, Бозъ-ёлекъ, вытяни шею!...
Предъ дверями растеть стройный таль,
Сгони его вершину и опусти въ воду.
О, Тел. куренгъ, да будетъ проклять твой отецъ!
Явись предо мною и начни игру.
А вотъ явился джиннъ, по имени Кокеней.
Собери-ка ты всѣхъ съ гикомъ да съ крикомъ!

Здѣсь опять баксы обращается къ присутствующимъ, чтобы они произносили слова: „Алла-гу“ — (Онъ, Богъ!) Вслѣдъ затѣмъ баксы продолжаетъ:

Жинзент басы, Досыбай!
Жин чакырдымъ осындай.
Жин ауліе келеме
Бер берене косулмай?
Даусым саган не булды
Кобузыма косулмай?
Карагай кобуз кулга алдым,
Аб жиландай толгандым,
Бу кобузым сенбеде
Гарыб жаным тенбеде.
Ун бесемде жабесте,
Жирмада табесте.

Кѳнбес еске кѳндерде,
Ку агашка тѳндерде.
Тѳбеге шыкан турт атым,
Кѳк кѳймде борте атым.
Алты кулаш ала атым,
Ой-бай, минем боз атым!
Уйдада бар ун хошам,
Кардада бар кырк хошам.
Асресе жас хошам,
Тулпе деген Мес хошам.
Кель Тулпе, кель Тулпе!

нему, баксы Сорбенъ говоритъ: „Курабай, тебѣ изъ 90 овчинъ шуба не вышла, а изъ бухарской матеріи ширинка у штановъ не вышла; поди осмотри все и скажи ему“.

Въ призывѣ баксы Дуйсенбе Перовскаго убада этотъ джиннъ извѣстенъ подъ именемъ „Хоробай“. Обращаясь къ нему баксы говоритъ: „Хоробай, которому не достало на ширинку 60 барановъ! Я васъ зову“. См. Мироніевъ „Демонологическіе рассказы киргизъ“.

¹⁾ Кокаманъ—одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ джинновъ, имя котораго встрѣчается въ призывахъ всѣхъ баксы.

Переводъ.

Глава джинновъ, Досыбай!

Вотъ какимъ способомъ призываю я джинновъ.

Джинны и святые развѣ приходятъ,

Не присоединяясь одинъ къ другому?

Что съ тобой случилось, мой голосъ,

Что не подиѣваешь моему кобызу?

Я взялъ въ руки сосновый кобызъ.

И, какъ змѣя водяная, извиваюсь.

Вотъ не ломается мой кобызъ,

Не даетъ покоя бѣдной душѣ моей.

Пятнадцати лѣтъ онъ (джиннъ) присталъ ко мнѣ,

Двадцати лѣтъ онъ подружился со мной.

Склонивъ меня къ такому дѣлу противъ воли,

Приковалъ онъ меня къ высохшему дереву. ¹⁾

О, мои четыре коня, стоящихъ на бугрѣ,

О, мой мухортый конь, одѣтый въ зеленое одѣяніе,

О, мой пестрый конь въ шесть кулачей ²⁾,

Ахъ, ахъ! мой бѣлый конь!

Дома у меня десять хозяевъ,

Въ степи у меня сорокъ хозяевъ;

Но выдѣляется изъ нихъ молодой хозяинъ,

По имени Месъ-Тулпу.

Иди ко мнѣ, Тулпу, иди, Тулпу!

Въ это время возбужденный баксы начинаетъ грызть себѣ руки: глаза его закатываются подъ лобъ, у рта его показывается пѣна; последнее, по словамъ Жильцова, ³⁾ означаетъ, что въ баксы начинаетъ вселяться джиннъ. Тогда баксы беретъ въ руки ножъ и начинаетъ колоть имъ себя въ шею, въ ротъ и пропускать его съ боку черезъ животъ. Во время пропусканія ножа черезъ животъ баксы говоритъ джину: „тартъ!“ т. е. „тащи“ и въ тоже время чмокаетъ губами и подсвистываетъ. Пропусканіе ножа черезъ животъ продѣлывается баксой подъ рубахой и обязательно сидя. Послѣ этого баксы продолжаетъ:

Жинденг ата Караман.

Инде кайда бараман?

Атамнан калган Караман,

Сіене минен буламан.

Улгесез куйлек пешпеймен,

Алдалаб жолга туспеймен.

Айтканымда кельме сенг,

Алдынга сра туспеймен.

Жин атасы, Жирантай!

Кулунга жасыл ту алданг.

Найзангда канга суарданг.

Дертде куреб куанданг.

Аксак куйдай менгранец

Укер (?) куйдай жамранец

Зіандасты катеннан.

Бар Кудайем ажератыб!

¹⁾ Т. е. кобызу.

²⁾ Кулачь равняется 2—3 аршинамъ.

³⁾ См. ст. А. Жильцова въ „Тург. Газ.“ за 1895 г. № 7.

Жин келеде айдаб ал,
Аяк кулен байлап ал.
Жин атасы Жирантай!
Жал куйреген тюген тай
Айналин пирим ай!
Кара-сакал балталым
Кой макбалдан калталым!
Зияндасан алмасанг,
Бер айда булса жатканым.
Ил имес іеденг ер Деу ей,
Иренбесіенг кель Деу ей!
Катды кайрым ес булды,
Курсіетше кушунг индеуей.

Аркадан кельген Ак-тебет,
Айлана урген Сак-тебет,
Тебетем уреб кашырган,
Жайна кетсен пелекет.
Ике бетенг албраб,
Кызыл теленг салбраб.
Сауле енгендей енгкелдаб,
Узененг сезин макылдаб,
Сара-кыз келде жакендаб.
Чакырдым келген Сара-кыз!
Кельмегенене баренгез,
Кумегенге көи келеб,
Балене байлаб аленгез.

Переводъ.

Имя джинна—Караманъ.
Куда теперь я двинусь?
О, Караманъ, оставленный мной отцомъ,
Я долженъ имѣть съ тобой дѣло!
Я не крою рубахи безъ примѣрки,
И не выступаю въ путь, обманывая тебя.
Если ты не исполнишь, что я прикажу,
Я не пойду навстрѣчу къ тебѣ.
О, отецъ джинновъ, Жирантай!
Ты взялъ въ руки зеленое знамя,
Напоилъ свою пилу кровью.
Угадавъ болѣзнь, ты доставилъ мнѣ радость!
Заставивъ стонать, какъ хромого барана,
Какъ слѣпого барана ищущаго
Страдающую падучею женщину.
Освободи отъ этой болѣзни, о, Боже!
Вотъ идутъ джинны; сгони ихъ въ кучу,
Да забери ихъ, связавъ имъ ноги и руки.
О, отецъ джинновъ, Жирантай!
О, ты мой жеребенокъ съ развязаннымъ хвостомъ и гривой,
Закружусь вокругъ тебя, мой пиръ!
О, ты мой Кара-сакаль съ топоромъ,
Да съ сумкой изъ дорогого бархата!
Если ты не освободишь ее отъ падучей,
Я пролежу здѣсь цѣлый мѣсяць.
О, мужественный Дәу, ты былъ моимъ врагомъ,
Если тебѣ не лѣнь, приходи ко мнѣ, Дәу!
Здѣсь предстоитъ тяжелая работа,
Покажи мнѣ теперь свою силу.

О, Акъ-тебетъ! ¹⁾, пришедшій изъ-за горъ,
 О, Сакъ-тебетъ! ты ходишь вокругъ и лаешь.
 О, мой Тебетъ! залай такъ, чтобы убѣжала болѣзнь,
 Пусть уходитъ она ²⁾ на свое мѣсто.
 Съ отвисшими двумя щеками,
 Съ высунутымъ краснымъ языкомъ,
 Подобно неугомонной верблюдицѣ
 И бормоча по своему,
 Приблизилась къ намъ Сары-кызъ.
 О, Сары-кызъ, я зову тебя; иди!
 Сходи ты за пришедшими (джиннами).
 Собравъ большую гурьбу,
 Свяжите болѣзнь и возьмите себѣ.

Затѣмъ баксы встаетъ съ своего мѣста, приказываетъ принести ему раскаленные до красна кетмени и проч. желѣзныя вещи и положить на землю. Потомъ онъ босыми ногами совершенно спокойно начинаетъ ходить по раскаленнымъ кетменямъ. При каждомъ прикосновеніи его босыхъ ногъ до кетменей, слышится шипѣніе. Опаленныя ноги онъ обтираетъ потомъ о больного, своего паціента. Затѣмъ онъ хватаетъ фитили, зажигаетъ ихъ, беретъ въ ротъ, вытаскиваетъ ихъ пылающими изъ рта, вновь вкладываетъ и въ концѣ концовъ тушитъ во рту. Схвативъ приготовленную колотушку, баксы падаетъ навзничъ на больного и начинаетъ бить себя въ грудь, что есть мочи; потомъ беретъ нагайку и бьетъ больного или другого человѣка, присутствующаго въ юртѣ, положивъ его на брюхо. Люди, подвергшіеся такому наказанію баксы, говорятъ, что никакой боли отъ ударовъ они не чувствуютъ, такъ какъ предполагаютъ, что прикосновеніе нагайки къ тѣлу задерживается джиннами. По другимъ свѣдѣніямъ, баксы бьетъ себя въ грудь колотушкой „токнакомъ“, беретъ въ руки огонь, а также разсѣкаетъ ножомъ на кибиткѣ кошму, которая, не смотря на это, остается цѣлой и невредимой ³⁾.

Продѣлавъ это, баксы опять беретъ за кобызъ, начинаетъ играть и и призывать, какъ видно по описанію ихъ внѣшности, особую категорію джинновъ, — джинновъ разрушителей.

Призывъ джинновъ-разрушителей.

Жол, жол жатыр, жол жатыр.

Жсл жагалай кол жатыр.

Со колдарданг шенде

Сар-азбан деген ир жатыр.

Сар-азбанда сіекел жок.

Кок шулакта кекел жок.

Аркадагы аулдай.

Кіяга беткен каундай.

Барекелде ирлерем,

Келеб урше даулбай!

Іегенце киген шекпенде,

Базардага кетпенде,

¹⁾ Акъ-тебетъ и Сак-тебетъ, какъ говорятъ киргизы, — имена собакъ особой породы, которыя считаются прекрасными караульщиками.

²⁾ Пелекетъ — духъ олицетворяющій собой болѣзнь.

³⁾ А. Жильцовъ Тургайская Газета 1895 г. № 7. Баксы Сорбанъ.

Жанга кельде Даулбай,	Карашубар Капланым.
Карсы алдынан карасам,	Ап жаландай ат еткен.
Тужеруб куйпан тайкадай,	Су жаландай сүт еткен.
Ту сертенан карасам,	Жадегүем жаргешем,
Кергега куйган аяктай.	Тентешек кара байгусым!
Буюренен карасамъ,	Туя бастет шара көз.
Белге аскан садактай.	Айналати жаргешем,
Толганеб жаткан жаландай,	Канга тоймас байгусым!
Киленшек таккан карандай.	

Переводъ.

Дорога, дорога лежитъ, дорога лежитъ.

Вдоль дороги войны лежатъ.

Между этими войнами

Лежитъ мужъ Сразбанъ.

Сразбанъ не имѣетъ красоты,

Какъ сѣрая безховстая (лошадь) не имѣетъ чѣлки.

Вы привлекательны, какъ ауль въ степи.

Какъ дыни, выросшія на косогорѣ,

Баракельде, мои мужи,

Придите и опустошите словно буря! . . .

Въ чекменѣ, что носятъ хлѣбопашцы,

Съ кетменемъ, что продаютъ на базарѣ,

Сейчасъ предсталъ здѣсь Даулбай.

Какъ посмотрю на него я спереди,

Онъ походить на гладкую палку (съ ободранной корой).

Какъ посмотрю на него сзади,

Онъ походить на (красивую) чашку (что ставятъ копкику-перепелятнику).

Какъ посмотрю на него сбоку,

Онъ походить на лукъ (что подвѣшиваютъ къ поясу).

Какъ змѣя извивающаяся,

Какъ кыранъ ¹⁾, который подвѣшиваютъ (на грудь) молодухи

Мой Капланъ съ черными полосами,

Обратившійся въ лошадь змѣя водяного,

Полубившій змѣя водяного, какъ любятъ молоко,

Мой колдунъ разрушитель,

Моя черная сова, съблай-ка здѣсь обыскъ!

О, ты съ верблюжьей головою, съ глазами съ шара (огромн. блюдо),

Покружусь вокругъ тебя, мой разрушитель.

О, ты моя сова, насыщающаяся кровью!

Въ это время баксы, сидя на мѣстѣ, машетъ рукою. Въ какую бы сторону онъ ни махнулъ, предметы, находящіеся на расстоянии 5—10.

¹⁾ Кыранъ — цилиндрической серебряный амулетъ.

шаговъ отъ него, разсѣкаются словно отъ удара острой шашки: копита ли это со стѣнъ киргизской юрты, глинобитный ли дуваль (стѣна), — безразлично. Все это происходитъ, какъ бы, по волѣ джина-разрушителя (Джаргышъ), къ которому онъ обращается съ призывомъ¹⁾. Всюясы

такимъ образомъ, баксы приходятъ въ полное изступленіе и изнеможеніе, бѣгаетъ съ ревомъ, по выраженію Махдибаева, какъ верблюдъ-самецъ въ случный періодъ; выскакиваетъ, подражая собакъ, изъ юрты; бѣгаетъ по полю, обнюхивая окружающее; мычитъ, какъ корова, блеетъ на подобіе ягнятъ, хрюкаетъ на подобіе свиней, рычитъ и лаетъ на подобіе собакъ, ржетъ подражая жеребцу, воркуетъ какъ голубь и т. д.²⁾ Всѣ

¹⁾ Здѣсь прилагается рисунокъ сроднаго съ этимъ джиномъ-разрушителемъ Тибетскаго духа разрушенія, изображеніе котораго хранится въ Парижѣ въ музей Гиме.

²⁾ Всѣ эти дѣйствія указываютъ, насколько баксы знакомы съ чревоуцаніемъ.

эти звуки Махдибаевъ приписываетъ голосамъ присутствующихъ джинновъ. Затѣмъ баксы беретъ острую шашку, даетъ двумъ людямъ, которые, держа ее за концы, опускаютъ на полъ лезвиемъ кверху. Баксы становится на лезвие одной ногой, затѣмъ оставляетъ ее и становится другою, и каждый разъ ноги свои обтираетъ о больного. Потомъ снова въ припадкѣ иступленія начинаетъ играть на кобызѣ. По словамъ г. Леваневскаго, наблюдавшаго сеансъ баксы Усеня въ Уральск. обл. ¹⁾, темпъ музыки и пѣсни ускоряется по мѣрѣ того, какъ ускоряются и раскачиванія баксы изъ стороны въ сторону; по угламъ губъ появляется у него все больше и больше пѣны, глаза и весь обликъ его принимаетъ дикій видъ. Затѣмъ со всего размаха наноситъ онъ себѣ кумганомъ ²⁾ страшные удары по обнаженной груди; лижетъ и беретъ въ руки раскаленное желѣзо; ножомъ острымъ, какъ бритва, перерѣзаетъ себѣ поперекъ носъ, и въ концѣ концовъ на тѣлѣ его нѣтъ ни одного ушиба, ни одной раны, ни одного порѣза. Обмана въ данномъ случаѣ не можетъ быть никакого, если взять въ соображеніе, что на нѣкоторыхъ баксы, душа которыхъ не всегда господствуетъ надъ тѣломъ, остаются порѣзы, раны и ожоги. Какъ здѣсь не поражаться, замѣчаетъ М. Леваневскій, могуществомъ человѣческаго духа надъ человѣческимъ тѣломъ! И такъ баксы, дошедшій до крайнихъ предѣловъ экстаза, развязываетъ своему буйному сумасшедшему пациенту руки и ноги: присутствующіе приходятъ въ ужасъ, опасаясь, чтобы одержимый болѣзью больной не бросился на нихъ; но, къ удивленію ихъ, онъ остается совершенно спокойно въ юртѣ и выкрикиваетъ тоже самое, что и присутствующіе; а баксы опять начинаетъ призывать своихъ джинновъ, описывая ихъ внѣшность:

Жалгыз шыккан тобулге
Жайшык булган кобузым;
Жилмаяненг тересе
Чар айна булган кобузым;
Жирек аттанг келенен
Жайшек кельген кобузым.
Жите кентерненг макпален
Тумар кельген кобузым.
Айналаин деулерем!
Дувулгале су пирим!
Барекельде беклерем!
Тартше бирмен деулерем.
Баймунке кельде осунда
Малайе бар басында.
Кырк жигете касында,
Айда гара астында.

Айда бирмен шубарем
Нар кумистен тумаренг.
Шубарем минем кельмесе,
Таркамайда кумарем.
Айда бирмен Сиксен-чок!
Бармаганг бар окшенг жок.
Сера уайем кельмеймен,
Куалар деп кунглым ток
Айдауше кара айдап кель.
Журмегенен байлап кель;
Шашау шегеп калмасан
Барен ален жинап кель.
Байменкемдей ир кайда?
Ир Байменкем кельгенде
Залем дарга кюн кайда?
Айда бирмен, Карамыс,

¹⁾ См. "Тургайская Иллюстрир. Газета" за 1896 г. № 40. Очерки киргизскихъ степей Эмбенскаго уѣзда.

²⁾ Кумганъ — увѣсистый мѣдный кувшинъ.

Кара мыстанг аузен шеш.	Шабулуше сере атым!
Мин шақырдым сездерде.	Айда бирмен кара атым!
Киселдерденг атен шеш.	Арвак коймай тербеттем.
Айда бирмен, Бог-басар.	Барекелде, Курбеттем!
Гайкайласа жау кашар.	Киядан учкан сункарым!
Керек байталда Кулачар!	Жугереб жорген тулпарым!
Айдаше бирмен Кулачар!	Барекелде, Жирентай!
Алпес атты Авганым.	Келденгезбе енкарем?
Атын байлаб сауганым.	Жин келеде жийлеб
Араласып алеб кал	Ауру уйга тегелеб
Аямаин жау мален.	Байлагале келгенде
Еуедеге ала атым!	Аяк куле калар бугулеб.
Туруб жорген торе атым!	

П о р е в о д ъ.

Изъ прутика одинокого таволожника

Сдѣланъ смычекъ моего кобыза;

Шкуркою „джильмая“¹⁾

Украшенъ мой кобызъ, точно зеркальцемъ;

Изъ волеса коня-скакуна

Сдѣланъ смычекъ моего кобыза.

Зашитый въ бархатъ семи городовъ

Повѣшанъ тумаръ²⁾ на мой кобызъ,

Покружусь вокругъ васъ, мой Дәу!

О, Дувалгале, пиръ мой водяной!

Баракельдэ, мой беки!

О, мой Дәу, тяните сюда ближе.

Вотъ явился Байменке

Въ сопровожденіи своего слуги.

Передъ нимъ сорокъ его джигитовъ,

А подъ нимъ его змѣй-удавъ.

Сгоняй поближе, о мой чубарый,

Съ тумаромъ изъ чистаго серебра.

Если не придетъ мой чубарый,

Не разсѣется моя жажда.

Сгоняй ближе (джинновъ), мой Сексанъ-чокъ!

Ты имѣешь пальцы, но не имѣешь пятокъ,

Я ничуть не забочусь,

Сердце мое спокойно, что ты сгонишь (джинновъ),

Сгонящій Кара, пригони ихъ всѣхъ!

¹⁾ Джильмая, по объясненію киргизъ, есть мѣстность въ Аравіи около Мекки. Верблюды этой мѣстности отличаются быстротою. Тонкой шкуркою этого верблюда обклеивается верхняя часть кобыза, дабы инструментъ былъ звучяче. По мѣстности этой и верблюды получили свое названіе.

²⁾ Тумаръ—талисманъ.

Да смотри, чтобы не захлебнулись (въ топыхахъ)!
А которые не хотятъ идти, свяжи ихъ.
Такъ собери всѣхъ и пригони сюда.
Гдѣ найдемъ такого мужа, какъ Байменке?
Когда придетъ мужъ Бейменке,
Развѣ жестокимъ будетъ жизнь? . . .
Подойди ближе, Карамись,
Развяжи отверстие чернаго бурдюка.
Я позвалъ васъ всѣхъ къ себѣ,
Отгадайте названіе болѣзни.
Подойди ближе, Бокъ-басаръ,
Вѣдь когда ты заорешь, разбѣгается непріятель.
О, мой Кулачаръ (прибывшій) съ сорока кобылицами!
Гони ихъ ближе, Кулачаръ!
О, ты мой авганецъ, (прибывшій) съ 60-ю лошадьми,
Авганецъ, у котораго дою я лошадь, привязавъ ее.
Смѣшавшись съ другими (джиннами), спасите больного.
Я не пожалѣю для васъ богатства враговъ! . . .
О, мой пестрый конь находящійся на небесахъ!
О, мой гнѣдой конь, скачущій съ мѣста!
О, мой буланный конь-скакунъ!
О, мой вороной конь, подойди поближе!
Перебирая всѣхъ арваховъ, я вспотѣлъ.
Баракельде, мой Курбетъ!
Ты мой кречеть, поднимающійся со скалъ,
Ты мой скачущій тулпаръ!
Баракельде, Джирентай! . . .
Вы мой „вьючный“, пожаловали? . . .
Джины приходятъ толпою,
Соприкасаясь къ своимъ архамъ.
Когда придутъ связывать (болѣзнь),
Руки и ноги останутся у ней согнутыми,

Собравъ всѣхъ своихъ джинновъ и пустивъ ихъ, какъ-бы, въ бой, баксы, чтобы леченіе его удалось, обращается съ усердною молитвою къ Богу и ко всѣмъ извѣстнымъ ему святымъ, упоминая ихъ имена:

Кудай ебйрен бере кур.	Инг ушкене Арстан баб,
Куземненг жасын куре кюр.	Сезден медет тлеймен!
Сіенен медет тлеймен.	Сунак ата ауліе,
Сайранда бар сансыз баб,	Сезден медет тлеймен!
Сезден медеть тмеймен!	Куркут ата ауліе,
Туркестанда тумен баб,	Сезден медет тлеймен!
Сезден медет тлеймен!	Ауліе-ата безерук,
Утрарда отуз баб,	Сезден медет тлеймен!
Сезден медет тлеймен!	Чакбак-ата ауліе,

Сезден медет тлеймен!
Туксан тогус машаигх,
Сезден медет тлеймен!

Мнау шенггенг кадалде,
Босаткен деп жафамде.

П е р е в о д ъ .

О, Боже! очисти его совѣсть.

О, узри мои слезы.

Я молю Твоей помощи.

Въ Сайрамъ есть безчисленное множество святыхъ,

Я молю о вашей помощи!

Въ туркестанъ есть 10000 святыхъ,

Я молю о вашей помощи!

Въ Отраръ есть 30 святыхъ,

Я молю о вашей помощи!

Самый старшій (изъ нихъ) Арстанъ-бабъ,

Я молю о вашей помощи!

О, святой Сунакъ-ата,

Я молю о вашей помощи!

О, святой Куркутъ-ата,

Я молю о вашей помощи!

О, великій Аулие-ата,

Я молю о вашей помощи!

О, святой Чакпакъ-ата,

Я молю о вашей помощи!

О, девяносто девять шейховъ,

Я молю о вашей помощи!...

Вотъ этотъ рабъ твой пристаць,

Прося избавить отъ мученій.

Когда начинаютъ напирать на баксы джинны, душить его или трясти юрту, онъ мечется во все стороны съ зажмуренными глазами, но тѣмъ не менѣе находитъ все необходимые предметы, и присутствующимъ приказываетъ произносить: „сафъ булды“ (все кончено), или „баракельдэ“ (да благословитъ Богъ). Все присутствующія въ юртѣ лица безусловно подчиняются требованіямъ баксы, повторяютъ все слова, которыя онъ приказываетъ произносить, если баксы садится, то и они садятся; если баксы встаетъ, то и они встаютъ, словомъ подражаютъ всемъ его движеніямъ¹⁾.

Заканчивая свой сеансъ словами „сафъ булды“, т. е. „все кончено“, баксы опять беретъ за кобызь, начинаетъ играть и пѣть джиннамъ „отпускную пѣсню“ (джиннъ кайтарады).

¹⁾ Весьма возможно, что одновременныя дѣйствія и всеобщее напряженіе присутствующихъ, мысли которыхъ направлены къ одной цѣли и кромѣ того разгоряченная атмосфера, — все это въ совокупности можетъ дѣйствовать на нервнаго больного и даже способствовать его изцѣленію.

Пѣсня эта заключается въ слѣдующемъ:

Айналаин деулярем,

Айналаин беклярем,

Баракелде деулярем,

Баракелде беклярем!

Айдауше Кара, айдаб кайт.

Кул аяген байлаб кайт.

Шешау шегеб калмасан

Берен алеб жинни кайт.

Улкен кше ага бар,

Бесекте жаткан бала бар,

Жин жагенгга бармай кайт.

Төндөк ашек бибак бар,

Назар кузенг салмай кайт.

Лескеренгге аралаб

Жарале бер калмасан.

Тастамай барен алеб кайт!

П е р е в о д ъ.

Закружусь вокругъ васъ, мои дивы,

Закружусь вокругъ васъ, мои беки,

Баракельде, мои дивы,

Баракельде, мои беки!

О, ты погоняющій Кара, гони ихъ домой,

Гони ихъ съ связанными руками и ногами!

Да смотри, чтобы не захлебнулись (въ попыхахъ);

Всѣхъ заberi и гони домой.

Есть старшіе и младшіе братья,

Есть младенцы, лежащіе въ люлькахъ,

Слѣдуй домой, не заворачивая съ джиннами куда,

Есть несчастныя вдовы съ открытымъ тундукъ¹⁾,

Такъ слѣдуй домой, не обращая туда своихъ взоровъ.

Обходя свою армію,

Провѣрь, чтобы не остались даже джаралы²⁾;

Не бросая никого, всѣхъ угони домой!

Послѣ этого нѣкоторые душевно больные, какъ поворитъ Махдибаевъ, выздоравливаютъ; но тѣ изъ которыхъ болѣзнь застарѣла и которыхъ уже превративъ въ сумашедшаго, покинулъ поселившійся въ нихъ джиннъ, тѣ остаются навсегда неизлечимыми³⁾.

У Алайскихъ киргизъ Ошскаго уѣзда обрядъ леченія производится нѣсколько иначе; такъ напр. въ ст. Н. Корженевскаго, помѣщенной въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“ 7 февраля 1913 г. читаемъ слѣдующее: „Бахши“, какъ произносятъ Алайскіе киргизы, имѣются почти въ каждомъ изъ киргизскихъ родовъ. Съ внѣшней стороны „бахши“ ничѣмъ не отличается отъ рядового киргиза; онъ также одѣтъ, ведетъ такой же

¹⁾ Верхнее отверстие юрты. У бѣдныхъ киргизъ иногда не достаетъ кошмы, чтобы прикрыть „тундукъ“, и юрта остается всегда сверху открытой.

²⁾ Особый видъ бѣсовъ, которые отличаются малымъ ростомъ.

³⁾ Лечебный сеансъ иногда можетъ дурно кончиться, особенно если лечитъ не опытный баксы; такъ напр. изъ газетныхъ свѣдѣній (см. Воровежскія Губернск. Вѣдомости 1893 г. № 70 и Призовскій край 1893 г. № 237) видно, что киргизскій „знахарь“ Тгаю, впавъ въ экстазъ, выстрѣлилъ въ больного, который и умеръ на восьмой день отъ полученной раны (Акмолинскій уѣздъ).

образъ жизни и лишь способность его изгонять изъ больныхъ злыхъ духовъ ставить „бахши“ въ особое положеніе среди представителей его рода. Кстати сказать, „бахши“, не взирая на свою волшебную силу, уваженіемъ у Алайскихъ киргизъ совершенно не пользуются. Ихъ, такъ сказать, только терпятъ. Однако, если болѣзнь у кого либо изъ близкихъ киргиза принимаетъ затяжной характеръ, то родственники считаютъ нужнымъ прибѣгнуть къ „бахши.“ Приѣхавъ къ больному, „бахши“ входитъ въ юрту и садится съ лѣвой стороны. Къ его приѣзду въ юрту набивается обыкновенно много любопытныхъ, при чемъ женщины, какъ всегда, размѣщаются съ правой стороны отъ входа. Попивши чаю, „бахши“ готовится къ дѣйствию. Онъ раздѣвается, снимаетъ сапоги и въ одной рубахѣ начинаетъ ходить вокругъ очага (по движенію солнца). При этомъ онъ обыкновенно говоритъ о своемъ могуществѣ надъ злыми духами, вспоминаетъ, какъ онъ выгналъ у одного больного „шайтана“ въ 40 пудовъ вѣсомъ и т. п. Пройдя такимъ образомъ три-четыре круга, „бахши“ восклицаетъ: „Ля Илляга-иль Алла!“ Всѣ присутствующіе повторяютъ это восклицаніе хоромъ. „Бахши“ ходитъ еще съ полчаса и, наконецъ, впадаетъ въ трансъ. Онъ бьетъ нагайкой перваго попавшагося и спрашиваетъ: оставить ли злого духа въ юртѣ, или выгнать его. Всѣ восклицаютъ „Кетсенъ“, т. е. вонъ его!

Больной сидитъ неподвижно и смотритъ въ это время на огонь очага, куда предварительно „бахши“ положилъ кусокъ полосового желѣза. Вслѣдъ за просьбой выгнать шайтана „бахши“ начинаетъ бить въ тарелки; ему помогаютъ нѣкоторые изъ зрителей и среди неистоваго звона и шума орутъ „Ля-Илляга-иль-Алла“. „Бахши“ приходитъ въ изступленіе, онъ выхватываетъ изъ очага раскаленный кусокъ желѣза и лижетъ его нѣсколько разъ языкомъ. Смыслъ этого дѣйствія, по объясненію киргизъ, состоитъ въ томъ, что шайтанъ, испугавшись „бахши“, выходитъ изъ больного и помѣщается на раскаленномъ желѣзѣ. Такимъ образомъ „бахши“, какъ бы, слизываетъ бѣса. Послѣ этого „бахши“ подноситъ этотъ же кусокъ желѣза къ лицу больного и набравъ въ ротъ воды пускаетъ ее струйками на желѣзо съ тѣмъ, чтобы образующимся паромъ охватило больному голову.

На этомъ манипуляціи по изгнанію злыхъ духовъ заканчиваются, и „бахши“, изнуренный и обливающийся потомъ, садится на свое мѣсто.

Слѣдуетъ замѣтить, что эти лечебные обряды весьма сложны и, къ тому же, очень разнообразны, въ зависимости отъ личности баксы. Для болѣе подробнаго знакомства съ этими магическими приѣмами леченія будетъ изложено рядъ очерковъ, заимствованныхъ отъ очевидцевъ этого леченія.

Г. Кастанье.

Изъ области киргизскихъ вѣрованій.

(Продолженіе 1).

Лѣчебный сеансъ у киргизъ Казалинскаго и Перовскаго уѣздовъ.

Разъ, пишетъ Худобай Кустанаевъ²⁾, мнѣ представился случай присутствовать при леченіи баксы. Жена брата волостного старшины, у котораго я гостилъ во время каникулъ, была больна. По словамъ аульцехъ киргизъ, здоровье ея, несмотря на разныя мѣры, принятыя „таубомъ“ (киргизскій врачъ), становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Говорили, что она, будучи одержима „джинномъ“, не спала ни ночью, ни днемъ, а бродила по аулу. Однажды къ этой больной женщинѣ былъ призванъ баксы. Я, съ дозволенія хозяина, отправился въ кибитку больной посмотреть ворожбу знахаря. Баксы послѣ краткихъ разспросовъ о болѣзни, доставъ изъ кошомнаго мѣшка кобызь, нехотя настроилъ его и, потомъ ударивъ по струнамъ смычкомъ, затянулъ пѣсню, дѣлая воззванія къ разнымъ духамъ. Онъ по временамъ прерывалъ свои воззванія и страшно вздыхалъ. Звуки кобыза становились все тише и тише. Вотъ баксы замолкъ; онъ вздрогнулъ, руки его затряслись, отчего побрякушки и разныя привѣски на его инструментѣ забряцали. Баксы, казалось, прислушивался къ этому бряцанію. Онъ по временамъ продѣлывалъ ужасныя гримасы, то полуоткрывая, то закрывая глаза. Въ такомъ положеніи онъ просидѣлъ нѣсколько минутъ. Баксы, по мнѣнію киргизъ, разспрашивалъ духовъ о судьбѣ больной. Потомъ онъ очнулся, какъ бы отъ забытья, утеръ потъ со лба и заявилъ, что въ больную вселились злые духи и что онъ ихъ можетъ прогнать въ три, а если не въ три, то въ трижды—три, —девять дней, если помогутъ ему арвахи³⁾.

Процессъ леченія, или, вѣрнѣе, изгнаніе духовъ-мучителей, обыкновенно совершается въ ночное время, ибо мракъ ночи весьма благопріятенъ для появленія вызываемыхъ духовъ.

1) См. „Вѣстн. Оренб. уч. Округа“ 1912 г. №№ 3 и 6 и 1913 г. №№ 3 и 4.

2) См. Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Ташкентъ 1894 года.

3) Арвахи—это покровительствующіе духи усопшихъ предковъ, пророковъ, святыхъ и знаменитыхъ людей. Арвахи заботятся о счастіи и благополучіи людей, охраняютъ ихъ отъ опасностей, вселяютъ въ нихъ хорошіе помыслы, удаляя дурные. Они принимаютъ молитвы людей и молятся за нихъ, прося Бога принять ихъ молитвы. Киргизы призываютъ арваховъ въ своихъ молитвахъ, какъ помощниковъ; отправляются къ могиламъ своихъ предковъ, святыхъ, приносятъ жертвы и цѣлыя ночи молятся имъ.

Послѣ ужина зашелъ къ намъ въ кибитку мужъ больной и пригласилъ насъ присутствовать при леченіи его жены баксой. Мы съ удовольствіемъ согласились и отправились въ кибитку больной. Въ кибитку, кромѣ меня, собралось приблизительно человѣкъ 15 для участія въ леченіи баксы. Больная сидѣла посреди кибитки съ закрытымъ „джавлыкомъ“ лицомъ. Баксы сидѣлъ передъ ней и настраивалъ кобызъ. За нами вошли въ кибитку двѣ женщины: одна старая, а другая средняго возраста съ ребенкомъ на рукахъ; онѣ сѣли около двери кибитки. Когда баксы кончили настраивать кобызъ, женщины обратились къ баксы. Старуха заявила, что у нея болятъ глаза съ недѣлю и нельзя ли помочь ей въ этой бѣдѣ; женщина съ ребенкомъ заявила, что на глазу у ея ребенка, несмотря на привитіе муллою мѣры¹⁾, больше и больше развивается бѣльмо и что тоже пришла просить у баксы помощи.

Настроивъ кобызъ, баксы опять подъ унылые его звуки началъ призывать духовъ, сначала протяжно, потомъ все громче и громче. Наконецъ, онѣ пришелъ въ азартъ или, лучше сказать, въ какой-то экстазъ. Бросилъ кобызъ и началъ кружиться, кривляться, хохотать и вдругъ подбѣжалъ къ больной и, что-то бормоча себѣ подъ носъ, дулъ ей въ лицо и началъ бить кагайкой вокругъ больной, обращаясь къ духамъ съ словами: „басъ (дави), тартъ (тащи), кекъ (рубь), айда (гони)!“ Присутствующіе сейчасъ же повторяли за баксы слова общимъ хоромъ. Это дѣлается для того, чтобы духи баксы, получивъ всеобщее одобреніе присутствующихъ, болѣе успѣшно исполняли приказы баксы. Черезъ нѣкоторое время баксы въ иступленіи бросился на большую и началъ кусать ее, бить по спинѣ рукою, приговаривая „шикъ“ (выходи)! При этомъ больная не сопротивлялась, а только стонала и охала. Баксы отскочилъ въ сторону отъ больной и, поднявъ глаза къверху, весь въ поту началъ свистать, обводя кругомъ руками; онѣ дѣлалъ воззваніе къ духамъ, прося ихъ, чтобы они поспѣшили къ нему на помощь, „наблюдая всѣ четыре угла земли“, ударяя въ „дабыль“ (барабанъ) и собирая подчиненныхъ духовъ. Послѣ такихъ воззваній баксы опять началъ бѣситься: кололъ себя ножомъ, лизалъ раскаленный кермень (заступъ): продѣлывалъ и т. п. фокусы, убѣждая окружающихъ въ томъ, что въ баксы дѣйствительно вселились его духи²⁾.

Бѣсовскія продѣлки баксы продолжались далеко за полночь. Мало-по-малу онѣ началъ успокаиваться и, наконецъ, взявъ кобызъ, сталъ пѣть, прося духовъ своихъ теперь удалиться и не выпускать плѣнныхъ злыхъ духовъ больной³⁾. По удаленіи духовъ, баксы прочиталъ бату и,

1) Мулла читаетъ молитву и дуетъ въ лицо больного или въ больное мѣсто тѣла.

2) Всѣ эти явленія для киргизъ представляются дѣломъ сверхъестественной силы.

3) Духи, подчиненные баксамъ, вступаютъ въ борьбу со злыми духами. Количество джинновъ у каждаго баксы бываетъ различно; нѣкоторые изъ нихъ овладѣваютъ весьма большимъ количествомъ ихъ. Качество джинновъ, т. е. ихъ способности и знанія также не одинаковы, почему одни баксы владѣютъ болѣе сильными джиннами, а другіе—болѣе слабыми; одни изъ нихъ способны, при помощи своихъ джинновъ, производить болѣе разнообразныя и разностороннія дѣянія, а другіе, наоборотъ, менѣе разнообразныя. Бакса каждому своему джинну назначаетъ особое іерархическое мѣсто: есть у него джинны-джигиты, джинны-совѣтники и т. п. (см. Э. Поярковъ—Изъ области киргизскихъ вѣрованій).

обратившись къ пришедшей старухѣ, сказали: „вы, матушка, не бойтесь этой болѣзни; она не очень продолжительна; вы подвергались ей по той причинѣ, что ѣли изъ блюда, облизаннаго собакой; стоитъ только васъ сырсунуть водой завтра послѣ заката солнца, и вы скоро избавитесь отъ нея“. Потомъ баксы обратились къ матери ребенка и сказали, что сына ея коснулось дуновение „мери“ (одинъ родъ злыхъ духовъ) и что она пусть приходитъ къ нему по утрамъ со своимъ ребенкомъ для излеченія.

Изгнаніе духовъ-мучителей повторялось такимъ образомъ еще нѣсколько ночей, конечно, не непрерывно. Я, говоритъ Кустанаевъ, посѣтилъ лечение баксы только два раза, ибо однообразное дѣйствіе баксы не представляло теперь для меня никакого интереса.

Заключительный обрядъ „кучру“ или „кѡшуру“.

Когда больная стала выздоравливать, баксы окончили свое лечение заключительнымъ обрядомъ „кучру“¹⁾ (переселеніе духовъ-мучителей на другой предметъ). Кучру состоялъ въ слѣдующемъ: по просьбѣ баксы, былъ принесенъ сухой собачій черепъ, который онъ раскрасилъ въ самые разнообразныя цвѣта. Затѣмъ баксы собрали съ каждой кибитки аула по одной куклѣ. Число куколъ бываетъ нечетное. По мнѣнію киргизъ, куклы—образы злыхъ духовъ, шайтановъ. Послѣ заката солнца баксы повели больную въ сторону отъ аула, гдѣ пролежала дорога, положили около нея черепъ, разбросали около него куклы и больную обвели вокругъ черепа три раза, послѣ чего они пошли обратно. Когда я спросилъ присутствующихъ при этомъ лицъ (баксы никогда откровенно не разказываютъ тайнъ своего искусства подозрительнымъ ему лицамъ) о значеніи этого обряда, то они мнѣ сообщили, что, во время обвода больной вокругъ черепа, ея мучители переходятъ въ черепъ; такимъ образомъ раскрашенный черепъ превращается въ глазахъ духовъ-мучителей въ собаку, окруженную бѣсами (куклами). Духи больной, увидя собаку, окруженную своими сестрицами, покидаютъ больную и присоединяются къ нимъ, садясь верхомъ на эту собаку. Больная, обойдя три раза черепъ, должна, не оглядываясь назадъ, спѣшить домой; въ противномъ случаѣ злые духи покидаютъ черепъ и переселяются въ нее опять.

О способѣ леченія киргизъ обрядомъ кѡшуру вотъ что сообщаетъ А. Диваевъ со словъ киргиза Чимкентскаго уѣзда Ногай-Куринской волости, Эркимбека Ахенбекова²⁾. Послѣ того, какъ баксы выаветъ джинновъ, берутъ голый черепъ павшаго животнаго, окрашиваютъ его въ красную краску, называемую „джоба“, и чернятъ сажей. Затѣмъ дѣлаютъ семь куколъ „коршакъ“, и готовятъ семь фитилей, „пыракъ“. Когда все готово, баксы ведутъ больного къ развѣтвленію семи

¹⁾ Кѡшуру—отъ глагола кѡшурмакъ „переселить“ духовъ-мучителей, поселнашихся въ больного, на другой предметъ.

²⁾ См. Изв. Общ. Археол. Ист. и Этногр. при Импер. Кавказскомъ Унив. Т. X. вып. 3. стр. 307.

дорогъ. Куколь онъ тамъ привязываетъ къ упомянутому черепу пестрыми нитками, скрученными въ обратную сторону (нитку пеструю крутятъ въ лѣвую сторону, тогда какъ обыкновенно крутятъ въ правую сторону). Дѣлаютъ изъ этой нитки фитиля, прикрѣпляютъ ихъ къ колышкамъ, которые вколачиваютъ въ землю, и зажигаютъ ихъ). Послѣ того, какъ баксы зажжетъ фитиля, больного сажаютъ на черепъ. Затѣмъ, какъ только фитиля сгорятъ, баксы беретъ больного и немедленно убѣгаетъ съ нимъ безъ оглядки, приговаривая „саттымъ, саттымъ“, — продалъ, продалъ, т. е. продалъ болѣзнь кукламъ.

Такой же способъ леченія, какъ говоритъ Ахенбековъ, примѣняется и къ женщинамъ, которыя неспособны рождать дѣтей. По окончаніи процесса леченія баксы беретъ кусочекъ краснаго сукна, „манать“, свертываетъ его, перевязываетъ шелкомъ семи цвѣтовъ и предлагаетъ носить больному на шеѣ или за пазухой. При свертываніи кусочка сукна баксы упоминаетъ имена святыхъ и заканчиваетъ словами: „Сулейманъ деми мнанъ байладымъ“ — привязалъ я дыханіемъ Соломона.

Въ Кумакской волости при падучей болѣзни приглашенный баксы велитъ принести въ кибитку зайца и даетъ его больному. Послѣдній сидитъ, обнявши зайца. Передъ нимъ втыкаютъ въ землю двѣ тонкихъ и короткихъ палочки или камышинки, навѣшиваютъ на нихъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ изъ стараго платья, устраивая такимъ образомъ куклу; затѣмъ находятъ конскую голову, надѣваютъ на нее узду изъ старыхъ тоненькихъ веревочекъ; эта голова изображаетъ лошадь. Баксы, воткнувъ передъ собою въ землю кинжалъ или ножъ, играетъ на кобызѣ, призывая своихъ джинновъ; по временамъ дуетъ въ лицо и уши больного три раза, бьетъ больного по спинѣ ладонью, прижимая ее; а также бьетъ своей ладонью объ ладони больного по три раза, выхватываетъ воткнутый въ землю кинжалъ или ножъ, машетъ имъ передъ глазами больного, какъ бы желая выколотъ ему глаза или проткнуть животъ. Когда покажется заря, баксы беретъ куклу, конскую голову и выходитъ изъ кибитки, а больной, обнявши зайца, слѣдуетъ за нимъ; отходятъ они отъ аула съ версту на дорогу; тамъ баксы сажаетъ больного на конскую голову, а куклу, обведя ею три раза вокругъ головы больного, даетъ въ руки ему, потомъ бьетъ больного по спинѣ ладонью три раза, приговаривая „кош, кош!“ Затѣмъ больной, произнося: „тьфу! бале кет“, выпускаетъ зайца: тотъ убѣгаетъ, а больной, тряся полами одежды, вскакиваетъ и бѣжитъ въ аулъ, не оглядываясь назадъ; баксы, не торопясь, идетъ въ аулъ, а кукла и голова остаются на мѣстѣ. Больной съ момента выхода изъ кибитки (или землянки) до момента возвращенія накрытъ одеждой съ головой.

Другой способъ леченія обрядомъ кошуру заключается въ томъ, что рѣжутъ желтаго козла съ лысиной или чернаго барана непременно съ лысиной же по той причинѣ, что джинны якобы боятся ихъ, и, зарѣзавъ какого-либо изъ этихъ животныхъ, отдѣляютъ все кости отъ мяса и складываютъ на шкуру убитаго животного, а мясо варятъ и раздаютъ народу

во имя Бога. При чемъ баксы и больной этого мяса не ѣдятъ. Затѣмъ баксы уводятъ больного на большую дорогу, захвативъ съ собой названную шкуру съ костями. Тамъ онъ выкапываетъ „ошакъ“, — яму съ двумя отверстіями, черезъ которыя свободно можетъ пролѣзть человекъ, протаскиваетъ черезъ эти отверстія больного назадъ и впередъ три раза и возвращается потомъ съ нимъ домой, оставивъ на мѣстѣ шкуру съ костями. Послѣ того одежду больного получаетъ баксы.

Слѣды этого обряда были замѣчены Н. П. Остроумовымъ во время его поѣздки въ Казалинскъ¹⁾. Это было за г. Перовскомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ сходились нѣсколько дорогъ, среди песчаныхъ бархановъ. Съ тарантаса Н. П. замѣтилъ какіе-то предметы, выдѣляющіеся среди песковъ. Онъ попросилъ своего ямщика киргиза остановиться, чтобы разсмотрѣть поближе, что это такое, но ямщикъ посовѣтовалъ ему не подходить къ этому мѣсту и даже не смотрѣть, а поскорѣе ѣхать дальше. Несомнѣнно, что подобный совѣтъ еще болѣе заинтересовалъ Н. П. и потому онъ настоялъ на томъ, чтобы ямщикъ остановился и далъ ему объясненіе, почему онъ такъ боится этого мѣста. Этотъ послѣдній ему разсказалъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ по всемъ признакамъ кроется болѣнь какого-нибудь киргиза. Подойдя ближе, Н. П. увидѣлъ шкуру барана, положенную прямо на землю. Вокругъ нея расположены были 7 тычинокъ, къ которымъ привѣшаны были разные тряпки и лоскуты, образующіе фигуры на подобіе куклы. Эти куклы, по объясненію ямщика, изображали 7 духовъ²⁾. Онъ усиленно просилъ Н. П. не касаться этихъ предметовъ, которымъ передана болѣзнь киргиза.

Лечебный сеансъ Баксы Танабая Косгильдина³⁾.

Сентября 7-го въ 10 час. вечера, ложась спать, я услышалъ какой-то необычайный хриплый напѣвъ, сопровождаемый игрою на киргизскомъ музыкальномъ инструментѣ, наз. „домра“. Выйдя изъ своей джуламейки, я убѣдился, что звуки идутъ изъ сосѣдней кибитки киргиза 4 аула нашей волости Ишчана Корсакова. Войдя въ нее, я засталъ тамъ киргиза Аманкульской волости Танабая Косгильдина, славящагося въ народѣ баксой. Баксы этотъ былъ приглашенъ женою Корсакова для леченія сына, четырнадцати-лѣтняго мальчика, страдавшаго разстройствомъ живота. Послѣ моего прихода баксы долго игралъ на домбрѣ и пѣлъ дурнымъ хриплымъ и дрожащимъ голосомъ съ закрытыми глазами и съ движеніемъ всѣхъ членовъ тѣла своего до полного безсилія, такъ что лицо стало у него блѣдно и покрылось потомъ. Около него на кошмѣ

¹⁾ Записана со словъ Н. П. Остроумова.

²⁾ По другимъ свѣдѣніямъ число ихъ — девять. У персіянъ были семь геніевъ (Амгуспановъ, которые подъ начальствомъ Ормузда борются съ Ариманомъ и защищаютъ твари отъ послѣдняго). У монголовъ число ихъ было 9, потому что это число у нихъ почиталось священнымъ. Они защищали отъ бѣдъ всѣхъ смертныхъ, (См. А. Валихановъ. Черная вѣра или шаманство у монголовъ, стр. 29).

³⁾ Д. Щетинкинъ. Врачеванія у киргизъ. Тургайская Газета 1895 г. № 45.

находился больной въ полулежащемъ положеніи, на подушкѣ и съ ногами, вытянутыми къ горящему посреднѣ кибитки огню. Измучившись до послѣдней степени, баксы быстрымъ движеніемъ отбросилъ въ сторону домбру и, схвативъ приготовленные 7 былиннокъ чія, длиною больше четверти аршина, обвитыхъ верблюжьей шерстью и обмокнутыхъ въ растопленное баранье сало, поспѣшно натыкалъ ихъ въ землю около ногъ больного. Зажегши эти своеобразные факелы, онъ хваталъ огонь голыми руками, крича во все горло, и растиралъ какъ бы этимъ огнемъ больному ноги, руки, животъ и спину. Въ это время мать больного, по приказанію баксы, зажгла другія 7 былиннокъ чія, только на этотъ разъ онѣ не были ни обвиты шерстью, ни пропитаны саломъ; съ ними она вышла изъ кибитки и семь разъ обошла вокругъ нея и смотрѣла, чтобы изъ степи не пробѣжала въ кибитку мышь или земляной заяцъ, что, по мнѣнію баксы, могло повредить леченію. — Затѣмъ, когда почти догорѣли семь былиннокъ чія, воткнутыя въ землю, баксы быстро выхватилъ ихъ и ловко бросилъ ихъ, какъ будто, впередъ въ больного, на самомъ же дѣлѣ назадъ въ горящій огонь онага; потомъ баксы, какъ будто, засыпая, постепенно выпускалъ изъ рукъ домбру. Черезъ нѣсколько времени онъ, какъ бы, очнувшись, открылъ глаза и сталъ говорить обыкновеннымъ голосомъ. Прежде всего онъ приказалъ хозяйкѣ поставить на таганъ большой пустой котелъ и нагрѣвать его; затѣмъ потребовалъ двѣ деревянные чашки: одну пустую, другую съ водой и перелилъ изъ послѣдней въ первую 40 ложекъ воды. Въ это время подали баксѣ спрощенныя имъ семь зеренъ чернаго перца. Положивъ ихъ къ себѣ въ ротъ, баксы вновь началъ играть на домбрѣ, сопровождая игру дикими криками съ движеніемъ всѣхъ членовъ своего тѣла, разжевывая во время игры перецъ. Онъ семь разъ плюнулъ въ чашку съ водой и опять притихъ, притворяясь спящимъ. Очнувшись вскорѣ, баксы приказалъ хозяйкѣ снять раскаленный котелъ съ тагана и поставить его на землю около больного, котораго накрыли одеждами съ головой. Тогда баксы, схвативъ чашку съ водой, забралъ воды въ ротъ 40 разъ и прыскалъ ею въ раскаленный котелъ. Изъ котла поднимался паръ клубами, охватывая больного, а баксы снова началъ натирать больному ноги и руки, какъ бы, этимъ паромъ и растирать его тѣло по прежнему съ дикими, необыкновенными криками. Этимъ закончилось леченіе. Тогда я спросилъ баксы, какая можетъ быть польза больному отъ его крика и игры на домбрѣ. Онъ отвѣчалъ, что больной будетъ здоровъ, что такимъ способомъ онъ лечитъ больныхъ, которые всѣ выздоравливали, и привелъ въ примѣръ мать управителя Аманкульской волости, которая послѣ его леченія на другой же день сдѣлалась совершенно здоровой.

Въ Оренбургской газетѣ отъ 15 марта 1912 года имѣется слѣдующее сообщеніе П. Ходырева. Однажды утромъ, когда я вышелъ изъ кибитки на охоту, ко мнѣ подошелъ молодой безбородый и безусый киргизъ Сарыкбай. Онъ, жена его, страдавшая въ то время предродовыми муками, и мать

кочевали вмѣстѣ съ нами. Что, Нафиса еще не разрѣшилась отъ бремени? спросилъ я.

„Нѣтъ, нѣтъ еще! Бѣда!“ съ отчаяніемъ произнесъ онъ. „Боюсь я, какъ бы албасты ни задушили ея! Старухи да и мулла ничего не помогаютъ, надо за баксой поухать.“

И черезъ нѣсколько минутъ онъ уухалъ за баксой. Я позвалъ къ себѣ содержателя школы и за чаемъ спросилъ его:

Что это за албасты такой?

„Ой ой, совсѣмъ шайтанъ они!“ замахалъ киргизъ „руками.“

Албасты совсѣмъ поганый духъ. Является онъ то въ видѣ мадьрика, то въ видѣ дѣвочки и имѣетъ огромныя, тяжелыя груди. Когда женщина

начинаетъ родить, онъ тутъ же является. Чтобы не появился новый чело-

вѣкъ на свѣтъ Божій, онъ начинаетъ душировать роженицу. А для этого кладетъ

свои тяжелыя груди на грудь больной, и она не можетъ встать отъ этого.

И ей становится трудно дышать. Вотъ какъ Нафиса теперь. Онъ украдкой

вынимаетъ у роженицы лепкія и, быстро убѣжавъ, бросаетъ ихъ въ озеро.

А послѣ этого нельзя спасти человека. Оттого старухи кричатъ и гонятъ

его, чѣмъ попало. Теперь скоро баксы пріѣдутъ и живо выгонятъ албасты:

тогда Нафиса быстро родитъ. Баксы даръ такой имѣетъ. Когда онъ

родился, то знаменія были. Въ кочевкѣ, гдѣ онъ родился, одна женщина,

лежавшая при смерти, при его появленіи на свѣтъ, выздоровѣла, а потомъ

тамъ телечонокъ заблеялъ по овечьи.“

— Онъ татаринъ или киргизъ?

„Киргизъ, киргизъ, поспѣшно заявилъ содержатель школы. Баксы

бываютъ только у киргизъ.“

Передъ вечеромъ пріѣхалъ баксы. Мнѣ позволили присутствовать при

леченіи Нафисы. Около кибитки баксы остановился, вынулъ изъ мѣшка

бубенъ и трехвостную плеть и, выправившись, началъ что-то бормотать.

Потомъ вскрикнулъ и, какъ бѣшеный, влетѣлъ въ кибитку. Я послѣдо-

валъ за нимъ. На длинномъ кушакѣ, пропущенномъ черезъ грудь и подъ

руки, Нафиса была подтянута къ самому потолку кибитки. Она была

блѣдна, вѣки опущены, и лицо выражало страданіе. Баксы, стегая стѣны

трехвосткой, какъ ураганъ носился по кибиткѣ и съ пѣной у рта, сви-

рѣпо и бессмысленно вращая глазами, во все горло оралъ:

— „Хей, хей, шига, хей“¹⁾! Потомъ Нафису стали тихо опускать

и вдругъ съ силою встряхнули. Изъ киргизъ никто не поднялъ понурен-

ной головы. Въ это время въ кибитку вошла старуха и проговорила:

„Сарыкбай, тебѣ Богъ послалъ сына“.

— „Кудайга шугуръ“²⁾, произвели все киргизы и провели ладо-

нями по лицу.

Бакса, разумѣется, получилъ отъ Сарыкбая богатые дары и слава

его чудодѣйственной силѣ еще болѣе упронила.

1) Эй, эй выходи!

2) Слава Богу!

Въ „Киргизской степной газетѣ“ за 1896 г. въ № 20 имѣется слѣдующее сообщеніе г. П-ва.

Заболѣла дѣвица 18 лѣтъ острымъ воспаленіемъ легкихъ, больная страдала бессонницей и бредила. Мѣстными знахарями, — недостатка, благо, у киргизъ нѣтъ, — было констатировано, что больная одержима нечистыми духами, и что ихъ изгнать можетъ только баксы. Сказано, — сдѣлано. Не замедлилъ явиться баксы и подтвердилъ, что больную дѣйствительно мучать нечистые духи. — „Я вчера еще освѣдомился у своихъ добрыхъ духовъ“, говорилъ баксы. Какъ только смерклося, среди юрты, въ которой помѣщалась больная, разложили костеръ, и баксы приступилъ къ дѣлу. Онъ на все лады кривлялся, подтерши руки въ бока, переступалъ медленно съ ноги на ногу, по временамъ прискакивалъ по журавлиному, выкрикивалъ какія-то непонятныя фразы, довольно грубой и угрожающей формы, взмахивалъ надъ больной плетью и мало-по-малу дошелъ до настоящаго экстаза, дико плясалъ, отдувался и, жестоко крича, перескакивалъ черезъ костеръ, валилъ больную на землю, рычалъ надъ ней, какъ звѣрь, билъ по обнаженнымъ почти плечамъ и сшибъ плетью. Больная, находясь и безъ того въ ненормальномъ состояніи, съ страха окончательно потеряла рассудокъ, дико озиралась, кричала, бѣгала по юртѣ, вырывалась, когда ее хотѣли удержать, взывала въ довольно выразительныхъ словахъ съ мольбою къ Аллаху и окружающимъ людямъ о спасеніи отъ истязателя; но все тщетно: послѣдній оставался глухъ и съ напускною важностью все сильнѣе и сильнѣе входилъ въ роль обладателя сверхъестественной силы и повелителя духовъ, долженствующихъ вести борьбу съ духами больной, еще болѣе ожесточался, билъ больную по щекамъ, кусалъ, рвалъ на ней волосы, а переполненная юрта посѣтителей-зѣвакъ поощряли дѣйствія баксы одобрительными взглядами. Больная падала, а баксы своими волчьеподобными скулами взявъ опоясанную дѣвушку за талію и бросилъ на горящій костеръ. Больная долго оставалась въ безчувственномъ состояніи, не сопротивлялась болѣе, не возражала и не молила. Баксы вооружился кобызомъ, началъ на его волосяныхъ струнахъ выпливать надъ больной какіе-то дикіе звуки, вторя имъ еще болѣе дикой пѣсней, и, наконецъ, свое варварское леченіе закончилъ рядомъ заклинаній нечистыхъ духовъ и только далеко за полночь оставилъ больную еле живую, увѣривъ, что нечистые духи изъ больной изгнаны и болѣе не посмѣютъ уже вернуться.

У Каразина ¹⁾ находится слѣдующее интересное описаніе леченія больного при помощи баксы. Къ вечеру пріѣхали въ ауль ²⁾ два старика. Пріѣхали они на высокихъ старыхъ, какъ сами хозяева, аргамакахъ, слѣзли съ лошадей и были встрѣчены Ганнулою съ самою утонченною вѣжливостью и вниманіемъ. На головахъ пріѣхавшихъ были лисьи малахай (шапки), крытые краснымъ верблюжьимъ сукномъ, халаты были выложены цвѣтными шнурками и даже галуномъ, пояса увѣшаны были всевозможными при-

¹⁾ „Въ камышахъ“, повѣсть 1879 г., стр. 227—250.

²⁾ Точно мѣсто не указано; но надо полагать, въ южныхъ частяхъ киргизской степи.

надлежностями дороги: письма, куренья и специальными принадлежностями их промысла. Это и были сами колдуны Магома-Тузаи и Султанъ-Берды, прѣхавшіе выгонять чернаго духа ¹⁾ изъ-подъ черепа Петра Михайловича ²⁾. Самый процессъ изгнанія отложили до завтра, такъ какъ завтра должно было наступить новолуніе, самое удобное время для всякаго колдовства; да и сами колдуны побаивались русскихъ, которыхъ видѣли въ первый разъ въ своей жизни и недовѣрчиво поглядывали на своего невѣрнаго паціента. Ганнула далъ имъ приемотрѣться къ Петру Михайловичу, а пока пошолъ позаботиться о томъ, чтобы колдунамъ устроить приѣмъ, сообразно ихъ высокому званію.

На другой день еще съ полудня чуть не удесятерилось населеніе аула Ганнулы-бабая. Со всѣхъ сторонъ прѣхали киргизы смотрѣть, какъ такіе мудрецы, какъ Магома-Тузаи и Султанъ-Берды, будутъ выгонять чернаго духа изъ-подъ черепа Касаткина. Такъ какъ наѣхало много гостей, а гость — лицо священное для всякаго киргиза, то поэтому всѣ аульники позаботились о томъ, чтобы прѣхавшіе были сыты и не жаловались послѣ, что въ дальнихъ аулахъ держали ихъ съ пустыми желудками. Штукъ десять барановъ были зарѣзаны и варились въ большихъ котлахъ, поставленныхъ на открытомъ воздухѣ. Киргизы сидѣли пестрыми кружками у кибитокъ. Женщины сновали взадъ и впередъ съ чашками молока; Гайнула-бабай и его отецъ сидѣли въ кибиткѣ, полы которой были подняты такъ, чтобы всѣ могли видѣть сквозь рѣшотку все то, что тамъ происходитъ на почетномъ мѣстѣ.

За очагомъ сидѣли колдуны, созерцая тлѣющіе уголья очага, какъ бы отыскивая тамъ, въ этихъ, то вспыхивающихъ, то погасающихъ искрахъ, совѣта и указанія, какъ приступить къ такому важному дѣлу.

Ждали вечера, когда покажется на потемнѣвшемъ небѣ тонкій серпъ новой луны, и до тѣхъ поръ не приступали къ заклинаніямъ; всѣхъ присутствующихъ такъ и подмывало самое жгучее нетерпѣніе. За малѣйшимъ движеніемъ Магомы Тузая и Султана-Берды слѣдили суевѣрные, любопытные и жадные до всего таинственнаго дикари, но колдуны не двигались съ мѣста и даже не удостоивали отвѣтами никого, кто только ни подходилъ къ нимъ съ какимъ бы то ни было вопросомъ.

Наконецъ, наступилъ давно-давно ожидаемый вечеръ; пора было начинать заклинанія. Поднялись съ своихъ насиженныхъ мѣстъ старики Магома-Тузаи и Султанъ Берды. Между кибитками Гайнулы-бабая и той, гдѣ лежалъ Касаткинъ, образовалась улица; такую тѣсною толпою стояли по обѣимъ сторонамъ всѣ собравшіеся. Каждому хотѣлось протискаться, какъ можно болѣе, впередъ; задніе поднимались на дыпочки, упирались локтями на плеча переднихъ; тѣ ворчали и протестовали. Глухой говоръ стоялъ надъ ауломъ, и этотъ шумъ едва покрывался дробью литавръ и грохотомъ большого барабана.

¹⁾ Изгнаніе чернаго духа въ такомъ видѣ, какъ описано въ рассказѣ художника писателя Каразина, вполне соответствуетъ дѣйствительности.

²⁾ Нерѣдко русскіе обращаются къ киргизскимъ баксамъ.

Колдуны пошли къ своему пациенту. Впереди шелъ Магома-Тузай въ длинной бѣлой рубахѣ, въ бѣлой же чалмѣ только темно-коричневое загорѣлое лицо да такія же кисти высохшихъ отъ старости рукъ отъняли эту типичную бѣлую фигуру; за нимъ шелъ маленькій мальчикъ лѣтъ восьми въ красной рубашкѣ и, пугливо поглядывая по сторонамъ своими большими глазенками, держалъ въ обѣихъ рукахъ тыквенный кальянь, заправленный и готовый для куренья. Синеватый дымъ поднимался надъ этимъ кальянемъ, забивался въ носъ мальчика; тотъ морщился, чихалъ и отворачивалъ въ сторону свою кошачью мордочку. За мальчикомъ шелъ Султанъ-Берды тоже весь въ бѣломъ и несъ въ рукахъ длинную камышевую трость, обвѣшанную кисточками изъ крашеной шерсти и конского волоса. Согнулся Магома-Тузай и пользы въ кибитку; за нимъ пробрался второй колдунъ, мальчикъ съ кальянемъ остался на порогѣ, поставилъ на землю кальянь и сѣлъ около него на корточки. Гайнула велѣлъ снять совсѣмъ прочь боковыя кошмы и всѣ, кто желалъ присутствовать при заклинаніяхъ, усѣлись вокругъ кибитки въ нѣсколько рядовъ. Оригинальную картину представляли эти обручи живыхъ лицъ, типичныхъ, косоглазыхъ, скуластыхъ, затанвшихъ дыханіемъ, даже побѣднѣвшихъ отъ прилива четвертьливаго волненія. Мертвая тишина настала кругомъ; только слышалось дыханіе зрителей и сухой трескъ угольковъ въ сѣткѣ кальяна. Къ тому-то до того струилъ, что у него запрыгали челюсти, и этотъ характеристическій стукъ, зубовъ ясно слышенъ былъ въ наступившей тишинѣ. Вдругъ Альфан (имя собаки пациента), видо всехъ поръ спокойно лежавшая у ногъ Касаткина, жалобно завывала: „Аллахъ, помилуй насъ и спаси!“ послышался шопотъ въ толпѣ: „Это хорошо, ясно произнесъ Магома-Тузай, собака чувствуетъ того чернаго духа, который боится уже нашего присутствія. Ну, будь здоровъ!“ началъ колдунъ, обратившись къ пациенту. Султанъ-Берды досталъ изъ кармана кожаный мѣшокъ въ вышитый шелкомъ съ серебряною проволокою; онъ взялъ оттуда фицетку (чего-то зеленоватаго) и высыпалъ въ сѣтку кальяна; дымы въ мѣсто синеватаго повалилъ густой молодой синъ за клубился въ воздухъ, поднимаясь подъ самый верхъ кибитки. Онъ передалъ кальянь своему товарищу, сидѣвшему рядомъ съ Касаткинымъ; тотъ сдѣлалъ видъ, что покурить изъ этого кальяна и передалъ его пациенту. Машинатно принялъ Касатки съ кальянемъ изъ рукъ колдуна и поднесъ камышевую трубку къ своимъ запекшимся и расстрескавшимся отъ горячечнаго жара губамъ и ту силею затянулся. „Анна-травъ! а-травъ! а-травъ!“ Ну, довольно!“ сказалъ Магома, видя, что больной слишкомъ гужь и жадно вѣдѣлся въ дымовую камышную; онъ отнял кальянь и вынулъ изъ него тлѣющіе уголья. Вдругъ Касаткинъ какъ-то странно пошатнулся, сперва сильно качнулся впередъ, и потомъ потянулся назадъ, голова его запрокинулась, словно шейные мускулы потеряли всякую силу, руки вытянулись, глаза закрылись. Магома-Тузай поддержалъ его и осторожно положилъ навзничь, положивъ ему подъ голову маленькую цилиндрическую подушку. Тогда оба колдуна встали съ своихъ мѣсть. Обошли нѣ-

сколько разъ вокругъ лежащаго и стали одинъ у головы, а другой у ногъ, лицомъ другъ къ другу: „албасты Бассу¹⁾), слушай, я тебѣ говорю“, началъ Магома-Тузай, нагнулся, прикоснулся концами пальцевъ ко лбу больного и держалъ ихъ нѣсколько времени въ такомъ положеніи. „Албасты Бассу, не отъ насъ самихъ, а отъ самого Аллаха имѣемъ мы нашу силу. Слушай волю его, слушай и повинуйся“, началъ Магома-Тузай свои заклинанія. „Слушай волю его и повинуйся“, повторилъ Султанъ-Берды. Колдуны переглянулись и разомъ произнесли громко, почти вскрикнули: „оставь, проклятый, ты, это тѣло!“ Нѣкоторые изъ переднихъ зрителей вдругъ отшатнулись отъ рѣшетки. Они, вѣроятно, подумали, что вотъ сію минуту велѣдъ за этимъ крикомъ вылетитъ черный духъ и, пожалуй, еще заберется къ кому-нибудь изъ нихъ, — благо, недалеко ходить. Послѣ этого заключенія Магома-Тузай взялъ камышевую трость и слегка дотронулся до груди больного. Онъ замахивался сильно, будто хотѣлъ ударить, что есть мочи, и ловко удерживалъ свою руку въ тотъ моментъ, когда трость готова была прикоснуться къ тѣлу пациента. Это дѣлалось для того, чтобы испугать черного духа и заставить его убраться изъ-подъ черепа больного. Затѣмъ оба колдуна вышли изъ кибитки и велѣли, не трогая енящаго подъ вліяніемъ паровъ опиума, разобратъ всю кибитку.

Пять или шесть женщинъ приступили къ этому дѣлу; онѣ локко стащили кошмы, свернули ихъ, положили въ сторону и принялись за крышу. Ребро за ребромъ вся крыша была разобрана меньше, чѣмъ въ пять минутъ, и снятъ верхній кругъ; Касаткинъ остался совершенно на открытомъ мѣстѣ навзничь лежащимъ на мохнатомъ краеномъ коврѣ. Барабанъ и литавры все время гудѣли, не переставая. Магома-Тузай и Султанъ-Берды совѣщались въ сторонѣ, пожимая плечами и разводя руками, какъ бы говоря, что дѣло то трудновато. „Ну, что? подошелъ къ нимъ Гайнула, силенъ духъ?“ — „Очень силенъ, трудно съ нимъ сладить“, вздохнулъ Магома-Тузай, а главное, забѣлъ онъ въ невѣрное тѣло. „Очень уже для него удобно“, поддержалъ Султанъ-Берды. „Постарайтесь“, низко поклонился Гайнула. „ничего для васъ не пожалѣю, по двѣ лучшихъ лошади выберете изъ косяки и барановъ по десяти головъ на каждыя“. Говоря это, Гайнула покосился на дочь, грустно стоявшую неподалеку, порывавшуюся подойти поближе къ тому, кто неподвижно, словно тѣло, ожидающее похоронъ, лежалъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ центрѣ свободного круга, обрамленнаго толпами зрителей. Работники Гайнулы натакали цѣлыя горы вязанокъ камыша и разложили громадныя костры. При красномъ свѣтѣ огня, вся картина приняла еще болѣе дикій, оригинальный характеръ. „Раздайся, раздайся“, послышались голоса въ темнотѣ; ковки хрипѣ и топотъ дали знать о приближеніи какихъ-то всадниковъ; раздвинулась толпа и въ освѣщенное пространство въѣхали два конныхъ на небсѣдлинныхъ табунныхъ лошадяхъ и тащили за собою на арканахъ еще третью лошадь

¹⁾ Название черного духа. Заклинаніе передано г. Каразинымъ, буквально.

всю вороную безъ отмѣтинъ, сердито прижимающую назадъ свои надрѣзанныя уши и поминутно брыкающую задомъ. Конь былъ положительно дикій, не объѣзженный, можетъ быть, въ первый разъ почувствовавшій прикосновеніе аркана къ своей шкотливой шеѣ. „Осторожниѣе и берегись, не подходи близко“, предостерегали конные киргизы.

„Ну что, легко его взяли?“ спросилъ у одного изъ нихъ Гайнула-бабай. „Съ самаго заката солнечнаго бились, не дается да и все тутъ, мы его ужъ въ топъ загнали, тамъ и заарканили“. Дѣйствительно, ноги пойманнаго коня по самое брюхо были покрыты грязью и иломъ; отъ животнаго валилъ густой паръ, большіе, дикіе глаза искрились, красныя ноздри фыркали и сопѣли. „Шайтанъ—звѣрь го-го-го“, окликнулъ Гайнула коня. „Годится этотъ?“ обратился онъ къ колдунамъ. „А чистая масть?“ спросилъ Магома-Тузай. — „Ни одного волоса бѣлаго, весь черный, какъ ворона“. — „Ну, ведите“. — Широко раздалась толпа, все знали уже, что это такое готовится и потому позаботились о просторѣ.

Пойманную лошадь прихватили для большей прочности еще двумя арканами; всадники размѣстились такъ, что вороной конь пришелся какъ разъ между ними; и когда имъ было надо обскакать лежащаго Касаткина справа и слѣва, вороной непременно долженъ былъ перепрыгнуть черезъ тѣло, а это считается однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для того, чтобы окончательно испугать чернаго духа. Всадники гикнули, пригнулись къ лошадямъ и поскакали; нѣсколько пѣшихъ и крикомъ побуждали упрямаго коня скакать, куда ему слѣдуетъ; дико фыркнулъ конь, подбѣжалъ къ больному, нагнулъ голову къ самой землѣ, сильно обнюхалъ лежащаго, насторожилъ уши и попятился; натянутые арканы трещали, оба всадника чуть не свалились на землю. „Гайда, гайда!“ кричали они. „Гайда!“ орава толпа и гикала и свистала, швыряла въ упершагося на одномъ мѣстѣ коня, комками земли, малахаями, чѣмъ ни попало. Неожиданно завился конь на дыбы и перескочилъ черезъ Касаткина, стащилъ на землю одного изъ арканщиковъ и понесся вонъ изъ аула. „Держи, держи!“ крикнулъ Гайнула. „Держи! еще два раза надо“, кричали оба колдуна. Пѣшіе ринулись на перерѣзъ къ бѣглецу, навалились на арканъ, волочившійся по землѣ, и остановили таки вороного коня. Еще два раза повторилась эта дикая сцена. Со всѣхъ трехъ лошадей мыло валилось бѣлыми пѣнистыми хлопьями. „Ну, довольно!“ призналъ Магома-Тузай и добавилъ: „если и теперь черный духъ не оставитъ его въ покоѣ, такъ уже ничего больше сдѣлать нельзя“. Султанъ-Берды потребовалъ себѣ чашку съ холодной водой и красный ку-мачный платокъ. Когда ему подали то и другое, онъ намочилъ въ водѣ и выжалъ платокъ и положилъ на лобъ Петра Михайловича; потомъ оба колдуна взяли по куску бараньяго жира и бросили ихъ въ самый пылъ горящаго костра. Старики усѣлись у этого огня и внимательно слѣдили за горѣвшимъ жиромъ. Они по цвѣту и формѣ пламени хотѣли угадать, насколько успѣшны будутъ результаты ихъ леченія. Трубаченко и Бабаджакъ подошли къ своему несчастному товарищу. Тамъ уже сидѣла кра-

савица Джанымъ и наблюдала, чтобы платокъ на лбу больного былъ постоянно влаженъ. Это нужно было для того, чтобы поскорѣе избавиться отъ непріятнаго дѣйствія одуряющаго курева. „И ты говоришь, что онъ будетъ здоровъ?“ говорилъ Гайнула, пристально глядя въ глаза Магомы-Тузая. — „Къ слѣдующей новой лунѣ, не раньше“, отвѣчалъ Магома. — „Не раньше“, подтверждалъ Султанъ-Берды. „Будемъ ждать“, рѣшилъ Гайнула. „Да жди, черта съ два“, махнулъ рукою Трубаченко и усиленно всею грудью затянулся изъ своей трубочки.

Ночью оба колдуна уѣхали.

Баксы, какъ гадатель.

Разсмотрѣвъ баксы, какъ лекаря, колдуна и спирита, перейдемъ теперь къ другой области его дѣятельности и къ способамъ его гаданія.

Открывая свой сеансъ баксы пускаетъ въ ходъ тѣ же приемы, что и для леченія. Въ прежнее время киргизскіе гадатели раздѣлялись на нѣсколь-ко разрядовъ, смотря по способу гаданія, такъ, напр., у Палласа ¹⁾ имѣются слѣдующія свѣдѣнія. У киргизъ, обитающихъ въ Астраханской губерніи, кудесники бываютъ пяти родовъ.

Фальча, которые гадаютъ по извѣстнымъ книгамъ и свѣтиламъ небеснымъ.

Яурунчи, которые даютъ предвѣщанія по бараньей лопаткѣ.

Кудесники третьей категоріи называются *Бакша* и пользуются особымъ довѣріемъ. Когда къ нимъ обращаются за совѣтомъ, то эти киргизскіе шаманы назвачаютъ жертву, состоящую изъ лошади, барана или козла. Послѣ выбора жертвеннаго животнаго бакша поетъ волшебные гимны, ударяетъ по бубну, обвѣшанному кольцами, и дѣлаетъ прыжки и рѣзкія тѣлодвиженія. По прошествіи полчаса онъ закалываетъ жертвенное животное и собираетъ кровь въ предназначенный для этого сосудъ, потомъ беретъ себѣ шкуру; мясо съѣдается присутствующими, а собранныя кости кудесникъ, раскрасивъ красной и голубой краской, бросаетъ на западъ отъ себя. Въ этомъ же направленіи онъ выливаетъ и кровь. Послѣ жертвоприношенія заклинанія возобновляются и бакша даетъ желаемый отвѣтъ.

Камча—предсказываетъ по цвѣту пламени, происходящаго отъ масла или жира.

Джаадугары—особый родъ колдуновъ-гадателей, отыскивающихъ бѣглыхъ рабовъ или плѣнниковъ.

Въ настоящее время, кромѣ баксы, въ степи существуетъ еще нѣсколько разновидностей гадателей; такъ, напр., *Комолакчи*—гадаетъ, раскладывая извѣстнымъ порядкомъ круглые шарики. Число шариковъ 41. Шарики, говорятъ, употреблялъ пророкъ Даниаръ (Даніилъ).

Джаурунчи то же, что и яурунчи, какъ ихъ называетъ Палласъ, гадаютъ на необоженной лопаткѣ. Они основываютъ свои выводы на

¹⁾ Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. 1773.

наблюденияхъ линій, которыя образуются при ея обжиганіи. Лопатка для гаданія должна быть приготовлена извѣстнымъ образомъ: вываривъ ее, мясо съѣдаютъ, но до кости пельзя касаться зубами. Когда гадатель бросаетъ лопатку въ огонь, то по близости не должно быть желѣза ¹⁾.

Нѣкоторые киргизскіе гадалыщики Тургайской и Уральской областей пользуются для ворожбы весьма любопытнымъ орудіемъ. Это — часть копыта, варварски содраннаго съ ноги живой лошади, съ отверстіемъ по срединѣ, въ которое вставлена небольшая палочка. Орудіе это служитъ при гаданіи о судьбѣ, чѣмъ-то вродѣ магической палочки. Гадалыщикъ втыкаетъ его въ землю, размахиваетъ имъ по воздуху, надрѣзываетъ по жемъ съ произнесеніемъ невѣдомыхъ волшебныхъ изреченій и сообщаетъ судьбу просителя.

Кромѣ того, суевѣрные киргизы видятъ въ этомъ магическомъ предметѣ наилучшее благополучіе въ пути и въ жизни и потому старательно его берегутъ въ дорогѣ. Приобрѣсти подобный предметъ удастся только дорогой цѣной.

Бансы Усень и способы его гаданія.

Способы гаданія у нѣкоторыхъ баксы не лишены интереса: такъ, напр., о баксѣ Усень, Уральского уѣзда, рассказываютъ слѣдующее ²⁾.

Для того, чтобы гадать, Усень беретъ сорокъ одну персиковую косточку. Затѣмъ, предложивъ кому нибудь загадать о чемъ-нибудь, а самъ, мысленно вызывая духовъ, онъ общую кучку косточекъ разбиваетъ на три отдѣльныя кучки. Раздѣливъ каждую отдѣленную кучку на группы изъ четырехъ косточекъ, оставшіяся отъ дѣленія косточки откладываетъ въ сторону. Такъ же поступаетъ со второй и третьей кучками. Затѣмъ, смѣшавъ вмѣстѣ оставшіяся косточки отъ каждой изъ трехъ кучекъ, онъ снова дѣлитъ ихъ на три кучки, каждую кучку раздѣляетъ опять на группы изъ четырехъ косточекъ, а оставшіяся отъ дѣленія косточки опять откладываетъ въ сторону, — и такъ далѣе, пока у него не найдется девять отдѣльныхъ кучекъ, уложенныхъ въ три ряда. По числу косточекъ въ каждой кучкѣ, по общему числу ихъ въ каждомъ ряду Усень предсказываетъ исполненіе или неисполненіе задуманнаго. Весьма хорошимъ знакомъ считается, когда, по раскладкѣ косточекъ по кучкамъ и рядамъ, послѣ дѣленія оставшихся изъ всего количества 41 косточки на четыре, получается въ остаткѣ одна косточка. Для примѣра указывали на такой случай одного изъ удачныхъ гаданій. У одного киргиза въ зимнее время оставлены были въ степи три лошади: сивая, гнѣдая и рыжая. Пославъ за ними своего работника и долго не получая извѣстія о нихъ, хозяинъ лошадей былъ очень обрадованъ, когда появился въ его аулѣ баксы

¹⁾ У тюрковъ-таранчей Вѣрненскаго уѣзда муллы ворожатъ по книгѣ двумя палочками. Палочки эти въ вершокъ длиною, имѣютъ на себѣ черные знаки, сами же онѣ бѣлаго цвѣта. Иногда обдѣлываются бѣлою костью (Изъ рукописей Н. Пантусова).

²⁾ См. „Тургайская иллюстрированная газета“ 1896 г. № 40. М. Ф. Леваневскаго „Очерки киргизскихъ степей Эмбенскаго уѣзда“.

Усень. Началось гаданіе. Усень, предварительно призвавъ всѣхъ духовъ, разложилъ косточки, затѣмъ, приложивъ лѣвую руку въ видѣ козырька къ глазамъ, какъ бы вглядываясь вдаль, началъ говорить: „Вижу трехъ хорошихъ лошадей: сивую, гнѣдую и рыжую. Сивая и гнѣдая жирны и бодры; рыжая худа и слаба. Гонить этихъ лошадей человекъ пожилыхъ лѣтъ въ красномъ малахаѣ¹⁾. Сидитъ онъ на исправномъ мухортомъ конѣ. Я слышу голоса духовъ;—они говорятъ, что помогутъ пожилому человеку пригнать лошадей къ ихъ хозяину, если онъ согласится рыжую лошадь отдать мнѣ, т. е. принесетъ ее, какъ бы, въ жертву Аллаху“. Какъ хозяинъ лошадей, такъ и всѣ присутствовавшіе при гаданіи были поражены его точностью. Черезъ нѣсколько часовъ лошади пожилымъ киргизомъ въ красномъ малахаѣ на мухортомъ конѣ были доставлены въ ауль, и баксы Усень получили рыжую лошадь. Надо предполагать, что бакса Усень и подобные ему прежде, чѣмъ пріѣхать въ ауль, знаютъ уже заранѣе, о чемъ придется имъ гадать. Киргизъ, въ силу безпредѣльной вѣры въ чудесное, не вдается, конечно, въ критическій разборъ дѣятельности баксы, слава котораго, такимъ образомъ, растетъ все больше и больше и доходитъ, наконецъ, до чудеснаго. Случается, что баксы и ошибаются въ своихъ предсказаніяхъ; тогда онъ такъ объясняетъ свою неудачу: „Когда я посылаю подчиненныхъ мнѣ духовъ на небо, то они издали подслушиваютъ шопоть ангеловъ о томъ, что ждетъ каждаго человека. Шопоть этотъ иногда бываетъ до того тихъ, что духи могутъ многое не дослышать, во многомъ ослышаться“.

Совсѣмъ иначе поступаетъ баксы Уксунбай Тулагайской волости Иргизскаго уѣзда Тургайской обл. Вотъ что про него пишетъ г. Шапочниковъ въ Тургайской Газетѣ за 1896 г. въ № 84. 21 іюня с. г. въ ауль Тулагайскаго волостного управителя прибыли два киргиза, розыскивая 5 пропавшихъ у нихъ верблюдовъ. Подѣхавъ, они слѣзли съ лошадей и зашли въ кибитку баксы, киргиза № 3 аула Тулагайской волости по имени Уксунбай, съ цѣлью поворожить о верблюдахъ: гдѣ они находятся и кто ихъ укралъ. Баксы сначала сталъ отказываться отъ ворожбы, говоря, что его джинны, т. е. духи, которые открываютъ ему все, днемъ къ нему не придутъ, а безъ нихъ онъ ничего не знаетъ. Но послѣ усиленной просьбы пріѣхавшихъ киргизъ долженъ былъ согласиться. Взявъ въ руки кобызь, —родъ балалайки о двухъ волосяныхъ струнахъ,—баксы сталъ играть; мотивъ игры мнѣ показался похожимъ на какую то русскую пѣсню; игрой этой онъ наводилъ на людей какой-то страхъ. Проигравъ приблизительно съ полчаса, баксы началъ съ боку на бокъ раскачиваться, глаза его остолбенѣли, во рту появилась клубомъ пѣна и онъ началъ громко-громко кричать: „около меня люди есть, очень много и чертей; 99 кужей есть, 99 джинновъ есть, 99 людей есть, 99 чертей есть!“ Послѣ этого крика онъ подставлялъ ухо къ кобызу и говорилъ на какомъ то неопытномъ языкѣ и опять закричалъ: „джинны, джинны!“

¹⁾ Малахай—мѣховой головной уборъ въ видѣ конуса съ наматыльникомъ, прикрывающимъ и уши.

скорѣе бѣгите въ огонь, въ воду, по землѣ и во что-бы то ни стало отчетъ дайте мнѣ!" Послѣ долгаго крика онъ поднялъ къ уху своему кобызъ и началъ слушать; потомъ глаза его закатились, самъ онъ закрипѣлъ зубами и, взявъ большой ножъ, началъ колотъ имъ себя. Сначала воткнулъ ножъ въ лѣвый бокъ и вынулъ изъ праваго; затѣмъ сталъ втыкать ножъ въ животъ, но ножъ не уходилъ, не смотря на видимыя его усилія; тогда онъ сердито взялъ кобызъ и сталъ забивать ножъ въ животъ, какъ гвоздь. Когда ножъ ушелъ до черенка, то онъ вынулъ его и наставилъ на горло. Увидѣвъ это, одинъ изъ зрителей киргизъ сильно испугался, закричалъ: „Алла!“ и хотѣлъ выбѣжать изъ кибитки, но другой киргизъ удержалъ его. Баксы въ это время воткнулъ ножъ въ горло и сейчасъ же вынулъ назадъ. Ранъ отъ ножа не оказалось; только изъ рта выплюнулъ немного крови. Бросивъ въ сторону ножъ, онъ началъ рассказывать киргизамъ слѣдующее: „ваши верблюды ушли изъ аула сами, никто не воровалъ, сейчасъ они идутъ по караванной дорогѣ на востокъ, одинъ изъ нихъ боленъ, а одинъ у ручья пьетъ воду. Вы ихъ догоните черезъ 7 или 27 дней. Что я сказалъ,—вѣрно, ибо мнѣ передали это джинны“. Киргизы поблагодарили баксы, и одинъ изъ нихъ сказалъ, что слова его должны быть вѣрны, потому что испытаны. Они сѣли на лошадей и уѣхали по указанію баксы.

Кромѣ мужчинъ, баксы бываютъ и женщины, хотя и весьма рѣдко. Женщины, имѣющія духовъ, называются „Ильты“.

У тюрковъ-таранчей Вѣрненскаго уѣзда, по словамъ Н. Пантусова, женщины-баксы головы не покрываютъ, а волосы распускаютъ и всклокачиваютъ ихъ. Онѣ отправляютъ весь этотъ чинъ также, какъ и мужчины.

По сообщенію Чокана Валиханова, ильты, какъ и всѣ баксы, суть гадатели. Онѣ гадаютъ обыкновенно по цвѣту пламени, бросая въ огонь жиръ: если горитъ свѣтло, значитъ предзнаменованіе хорошее; темно и красно,—нехорошо.

При этомъ джинны требуютъ какой-нибудь эксцентричности отъ женщины-баксы; такъ, напр., одна все время пьетъ воду и можетъ даже выпить ведро, другая уничтожаетъ цѣлый рогъ табака.

Здѣсь не лишне привести слѣдующее интересное преданіе, извлеченное изъ „Тургайской газеты“ (9 ноября 1897 г.).

Въ то отдаленное время, когда всѣ земли по великимъ рѣкамъ Волги и Уралу и всѣ степи, населяемыя нынѣ кочевниками, составляли одно большое ханство, властителемъ его былъ ханъ Джанибекъ. Въ ханствѣ его проживалъ нѣкто Асанъ Кайга, отличавшійся большою прозорливостью. Онъ предсказывалъ людямъ, обращавшимся къ нему, будущее, и по мѣрѣ того, какъ предсказанія его сбывались, слава его распространялась по всему ханству и достигла хана. Джанибекъ часто приглашалъ къ себѣ Асана Кайгу, выслушивалъ внимательно его предсказанія и любилъ его за то, что онъ всегда прямо и смѣло, безъ лести высказывалъ ему правду. Постарѣлъ уже Асанъ Кайга: ему было 95 лѣтъ, когда ханъ Джанибекъ достигъ апогея своего могущества. Въ минуты раздумья

о будущихъ судьбахъ государства, ханъ любилъ послушать мудрые рассказы стараго кудесника. Однажды ханъ вздумалъ выстроить для себя въ Сарайчикъ (Уральск. обл.) большой новый дворецъ. При постройкѣ этого дворца для возведенія прочнаго фундамента ханъ распорядился пригласить русскихъ рабочихъ. Дворецъ былъ выстроенъ на славу, къ великому удовольствію хана, который вздумалъ по этому случаю сдѣлать большой пиръ. Послали „чабаръ“ (разсылныхъ) по всему государству съ приглашеніемъ отъ хана на пиръ по случаю постройки дворца, и къ назначенному сроку собралось къ хану народу великое множество.

Пируетъ ханъ съ своимъ народомъ, выслушиваетъ льстивыя рѣчи своихъ приближенныхъ, съ утра до вечера гремитъ музыка и пѣсни лучшихъ пѣвцовъ пріятно услаждаютъ слухъ хана. Но время отъ времени на веселомъ лицѣ Джанибека пробѣгаетъ какая то грустная тѣнь, и онъ становится молчаливъ и задумчивъ. Никто не можетъ объяснить себѣ, о чемъ по временамъ среди шумнаго веселья груститъ ханъ. Взоръ повелителя часто обращается вдалѣ; онъ все смотритъ, не покажется ли Асанъ Кайга. Но напрасны были ожиданія хана; старый кудесникъ не прибылъ на пиръ.

Прошло немного времени, вновь сзываютъ чабары народъ на празднество, устраиваемое ханомъ Джанибекомъ; но на этотъ разъ большой пиръ задуманъ Джанибекомъ по случаю его женитьбы. Онъ страстно полюбилъ одну изъ своихъ рабынь, молодую, красивую и умную Карашашъ. Ему казалось недостаточнымъ имѣть Карашашъ въ качествѣ своей наложницы, и онъ вздумалъ жениться на ней, окружить ее почетомъ. Вновь гремитъ музыка, раздаются пѣсни и гости раздѣляютъ радость своего повелителя. Но среди радости и веселья ханъ внимательно прислушивается къ лицамъ прибывающихъ толпами гостей, какъ будто ищетъ кого-то Кончился веселый пиръ, и того гостя, котораго нетерпѣливо ожидалъ ханъ, не было: старикъ Асанъ Кайга не прибылъ и на второй пиръ хана.

Джанибекъ любилъ охотиться. У него были лучшія охотничьи собаки и хорошо выученныя ловчія птицы. Но охота обычными способами, доступными и другимъ охотникамъ, не удовлетворяла прихотливаго хана. Онъ вздумалъ выучить для охоты птицу „куладей“, самую послѣднюю птицу, питающуюся только мышами. Долго ѣздилъ ханъ съ куладей и все не могъ научить ее ловить крупную птицу. Однажды ханъ, отправившись на охоту, увидѣлъ, какъ его куладей поймалъ лебедя. Ханъ такъ обрадовался этой добычѣ, что въ ознаменованіе своей удачной охоты рѣшилъ устроить празднество. Разославъ чабаровъ приглашать гостей, Джанибекъ строго приказалъ позвать на пиръ и стараго Асана Кайгу. Обычнымъ порядкомъ прошелъ и третій пиръ, но старый кудесникъ, вопреки ожиданіямъ хана, не явился и на этотъ пиръ.

Огорчился Джанибекъ упрямствомъ Асана Кайги; онъ послалъ гонцовъ съ приказаніемъ доставить, во что бы то ни стало, старика. Предсталъ кудесникъ предъ своимъ суровымъ повелителемъ и смиренно спро-

силъ его: „Зачѣмъ понадобился тебѣ старый Асанъ Кайга? ты великъ и славенъ среди другихъ государей; твои дѣла удивляютъ весь мѣръ, а для меня настанетъ скоро тотъ часъ, когда я долженъ буду переселиться въ иной мѣръ и дать отчетъ въ своихъ земныхъ поступкахъ Творцу вселенной“.

— Я ожидалъ, что мой вѣрный Асанъ Кайга раздѣлитъ мои радости; но ожиданія оказались напрасными. Ты не явился ни на одно изъ моихъ трехъ торжествъ, устроенныхъ мною, и я хотѣлъ бы знать причины твоего упрямства, — сказалъ ханъ.

„Я молился за тебя, добрый ханъ, страдалъ въ то время, когда ты радовался и оплакивалъ будущность твоего народа, который много переживаетъ переворотовъ“, отвѣтилъ Асанъ Кайга.

— Скажи мнѣ правду о причинѣ твоей печали во время моихъ пиршествъ; не бойся огорчить меня своими предсказаніями, какъ бы они ни были тяжелы, сказалъ Джанибекъ.

„Много десятковъ лѣтъ Асанъ не боялся говорить своимъ повелителямъ одну правду, и теперь на краю могилы ему не страшенъ гнѣвъ добраго хана. Въ твоихъ поступкахъ, по поводу которыхъ ты пировалъ со своимъ народомъ, я вижу такія предзнаменованія: русскіе построили тебѣ дворецъ; они и завладѣютъ имъ. Женитьба на рабынѣ дастъ тебѣ потомство, которое не будетъ властвовать, а покоряться другимъ¹⁾. Ловля лебедей самою ничтожною птицею означаетъ, что народъ твой будетъ покоренъ чужеземцами; но въ отдаленномъ будущемъ я вижу святыя вѣка полного счастья и благоденствія твоего народа подъ властью Бѣлаго Царя“.

Выслушалъ ханъ Асана Кайгу и рѣшилъ, что старикъ должно быть вышелъ изъ ума; народъ также не вѣрилъ этимъ предсказаніямъ.

Прошли вѣка и потомство современниковъ Асана Кайги и Джанибека уже не сомнѣвалось въ вѣрности предсказаній стараго кудесника.

Г. Касимъе.

Отдѣльный оттискъ изъ „Вѣстника Оренбургскаго Учебнаго Округа“ № 5 1913 г.

Тип.-лит. Т-ва В. Г. Саловъевъ и Ко., Уфа.

¹⁾ Ханъ Джанибекъ былъ послѣдній.

Изъ области киргизскихъ вѣрованій.

Разные киргизскіе знахари.

Для характеристики крайне опасныхъ способовъ леченія киргизскихъ даргеровъ А. Бушаевъ рассказываетъ слѣдующій любопытный случай, очевидцемъ котораго онъ былъ въ концѣ декабря 1894 года. „Проѣзжая по дѣламъ службы по волости ¹⁾, я съ проводникомъ своимъ киргизомъ Уронбаемъ завернулъ, по случаю сильнаго мороза и позднего времени, въ аулъ знакомаго мнѣ киргиза Байбусына Акымова съ намѣреніемъ отгрѣться у него, а если возможно, то и переночевать. Послѣдній, однако, хотя считался хорошимъ моимъ знакомымъ и никогда прежде не отказывалъ мнѣ въ гостепріимствѣ, на этотъ разъ не пожелалъ впустить меня въ свою кибитку. Удивленный такой неожиданностью, я попытствовалъ узнать, что за причина была съ его стороны для необычнаго отказа и при томъ въ столь холодное время. Акымовъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ радъ бы принять гостя, но, къ сожалѣнію, у него сейчасъ находится „даргеръ“, который въ эту ночь будетъ лечить его жену отъ болѣзни, состоящей въ томъ, что жена не родитъ дѣтей. Такое объясненіе не только не убѣдило меня, но еще болѣе подстрекнуло мое любопытство тѣмъ болѣе, что и моя жена находилась въ такомъ же положеніи: а потому я настоялъ на томъ, чтобы у него заночевать.

„По входѣ въ помѣщеніе кибитки и послѣ неизбежнаго чаепитія, при разговорѣ съ даргеромъ, я пришелъ къ тому заключенію, что субъектъ этотъ, оказавшійся выходцемъ изъ Тургайскаго уѣзда, есть совершеннѣйшій пройдоха. Онъ показалъ мнѣ небольшой деревянный ящикъ съ лѣкарствами, въ которомъ были нашатырь, камфора, ртуть, синій купоросъ и т. п., также разныя травы, изъ которыхъ я узналъ лишь шафранъ. Для того, чтобы произвести впечатлѣніе на Акымова, даргеръ сталъ объяснять происхожденіе лекарствъ, будто бы однѣ изъ нихъ куплены въ Бухарѣ, другія вывезены изъ Стамбула (Константинополя), а

¹⁾ Авторъ не указываетъ мѣста происшествія, но извѣстно, что оно происходило въ южной части Тургайской области. См. Тургайск. Газ. 1895 г. № 45.

нѣкоторые корни изъ самой Мекки и тому подобныя небылицы. Даргеръ обратился и ко мнѣ съ важностью, на какую способны азіаты, и заявилъ въ объясненіе своего метода леченія, что жена Акымова не родить дѣтей вслѣдствіе сильной простуды. Послѣ того даргеръ принялся за леченіе больной, которое состояло въ слѣдующемъ.

Даргеръ прежде всего налилъ въ чайную чашку около трехъ золотниковъ ртути, которую и предложилъ выпить больной, потомъ черезъ четверть часа заварилъ въ горячей водѣ немного шафраннаго цвѣта и далъ ей выпить эту жидкость. Наконецъ, заставилъ ее пить кипяченую воду изъ самовара, какъ можно больше, пока варилось мясо. Къ ужину Кадеша (такъ звали жену Акымова) продолжала пить и выпила до трехъ четвертей самовара. Послѣ того, когда былъ готовъ ужинъ, даргеръ собственноручно наложилъ больной въ чашку мяса около четырехъ фунтовъ и понудилъ ее съѣсть все безъ остатка. Бѣдная женщина давилась, но ѣла. Во время ѣды ее вырвало два раза, и она молила даргера избавить ее отъ непосильной ѣды; но даргеръ оставался неумолимъ и заставилъ ее съѣсть все имъ наложенное въ ея чашку, что исполнено было ею, хотя и черезъ силу. Въ заключеніе былъ вторично скипяченъ самоваръ и даргеромъ было предложено Кадешѣ пить изъ него до полного уничтоженія. Кадеша покорялась волѣ даргера и желанію мужа, а, можетъ быть, и питала надежду на то, что леченіе ее сдѣлаетъ безплодной; а потому шла до того, что потъ съ нея катился градомъ и даже возбуждалась рвота; даргеръ же между тѣмъ поощрялъ ее восклицаніями: „Аллахомъ беръ!“ и съ торжествомъ увѣрялъ, что лекарство производитъ дѣйствіе, простуда выходитъ, и Кадеша съ этихъ поръ сдѣлается способной рождать. На утро отъ проглоченной ртути, выпитой до 60 чайныхъ чашекъ воды и съѣденнаго мяса Кадешу, какъ говорится, перевернуло такъ, что ее узнать было нельзя. Она сдѣлалась больна и лежала въ постели съ опущеннымъ, блѣднымъ, какъ воскъ, лицомъ и синими кругами подъ глазами. Видя ее въ такомъ положеніи, я высказалъ мужу опасеніе, какъ бы его жена, вмѣсто того, чтобы родить со временемъ, не отправилась теперь на мѣсто вѣчнаго успокоенія. Акымовъ съ раздраженіемъ отвѣчалъ мнѣ, со словъ даргера, что потъ и рвота полезительны для нея, что ими выгоняется внутренняя болѣзнь; послѣ того мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ попрощаться съ хозяевами и ѣхать далѣе . .

„Въ первыхъ числахъ сентября 1895 года мнѣ, заключаетъ Бушаевъ, случилось опять быть у Акымова. Разговорившись между прочимъ о здоровьѣ Кадешы, я спросилъ его, была ли какая-нибудь польза отъ прошлогодняго леченія даргера. Акымовъ съ вздохомъ отвѣчалъ мнѣ, что тогда Кадеша едва не умерла, а дѣтей послѣ того все таки не родить. Напротивъ, она стала больна и мается теперь животомъ. При этомъ, онъ мнѣ рассказалъ, какъ обманщикъ-даргеръ увѣрялъ его въ томъ, что непременно вылечитъ жену, какъ онъ, повѣривъ тому, отдалъ даргеру 10 рублей, приготовленные для уплаты подати и разныхъ повинностей, и какъ онъ послѣ того въ возмѣщеніе расхода долженъ былъ

продать мѣстнымъ кулакамъ 5 штукъ барановъ. Въ заключеніе своего разсказа онъ далъ клятву никогда не обращаться къ даргерамъ“.

Къ типу даргера подходитъ такъ называемый *баксы-каншы*, т. е. баксы, пускающій кровь. Онъ представляетъ собою нѣчто среднее между баксы и даргеромъ. О баксъ-каншы сѣверной части Тургайской области пишетъ С. Исенгильдинъ слѣдующее.

... „Я возвратился въ аулъ одновременно съ баксы, за которымъ, оказалось, былъ отправленъ особый посланный тотчасъ послѣ моего отъѣзда. Человѣкъ онъ былъ роста средняго, съ сильно подбритыми усами; голова его была повязана голубой чалмой, а въ глазахъ его такъ и свѣтилось лукавство, которое обнаружилось во всемъ его лицѣ, имѣвшемъ неопредѣленно дикій и отвратительный видъ, какъ показалось, по крайней мѣрѣ, мнѣ. Но онъ совершенно другимъ казался въ глазахъ моихъ родныхъ; его звѣрскій взглядъ, лицемѣрно-серьезный видъ, словомъ, все, что онъ имѣлъ нехорошаго, производило на киргизъ впечатлѣніе какой-то святости. Всѣ работѣствовали передъ нимъ, всѣ поклонялись ему, всѣ сдѣлались вдругъ его покорными рабами, исполнителями. Что оставалось мнѣ дѣлать? Одинъ среди царившаго невѣжества я не имѣлъ никакого значенія въ глазахъ киргизъ, моихъ родственниковъ, притомъ, отъ мала до велика, убѣжденныхъ, что я сглазилъ младенца и что, слѣдовательно, я виновникъ несчастія. Въ присутствіи окружающаго народа баксы попросилъ меня плюнуть на больного, что обыкновенно дѣлаютъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сглазятъ кого-либо. Я сталъ порицать баксы въ нецѣлности его требованія; но, будучи увѣренъ, что въ противномъ случаѣ причину великую скорбь всѣмъ роднымъ, исполнилъ требованіе баксы. Онъ не удовлетворился этимъ. Видя возникшій разладъ между мною и родными и готовность послѣднихъ исполнить всѣ его требованія, баксы сталъ говорить: „преслѣдующій человѣка на каждомъ шагу „пӓлекет“ (злой духъ) нашель удобный случай избрать своимъ орудіемъ глаза вотъ этого молодчика (при этомъ онъ показалъ на меня) и обдалъ своей пронизывающей прохладой лѣвый бокъ младенца;—надо это охлажденіе уничтожить противодѣйствіемъ. Приведите сюда нѣсколко барашковъ. Больного надо омыть теплою кровью рыжаго ягненка“. Одинъ изъ моихъ братьевъ пригналъ къ кибиткѣ 5 рыжихъ ягнятъ. Баксы указалъ на самаго жирнаго и крупнаго изъ нихъ и промолвилъ: „вотъ, у этого цвѣтъ подходящій; дайте ка его сюда;—посмотримъ, пристанетъ ли его кровь къ ногтю“. Привели выбраннаго ягненка. На правомъ его ухѣ баксы сдѣлалъ ножомъ надрѣзъ, выступившей изъ надрѣза кровью помазалъ ноготь своего пальца правой руки и сказалъ: „Энш-Алла, ем болса керек, —каны уйуп калды“. (Богъ дастъ, будетъ исцѣленіе, —кровь пристала). Уже вынесли изъ кибитки ножъ, бичевку, и работникъ готовился рѣзать ягненка. Тутъ я выступилъ впередъ и, оттолкнувъ совершенно невиннаго работника, освободилъ ягненка. Опустилъ мой баксы свои обманутые надеждой взоры. Но мой братъ подошелъ ко мнѣ и пресерьезно сталъ говорить: „шырагымъ! иншегинъ ушун бир токтыга сарандык етесинбе“? (Голубчикъ! Для своего племянника неужели

покупишься пожертвовать однимъ ягненкомъ?).—Это онъ говорилъ такимъ тономъ, какъ будто я, въ самомъ дѣлѣ, готовился жертвовать племянникомъ ради ягненка. Я сталъ объяснять брату нелѣпость, несообразность, бесполезность продѣлокъ вообще баксы. Но ничто не могло разувѣрить моего брата въ святости баксы. Я, наконецъ, сказалъ брату, что онъ волепъ въ своихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ; но объявилъ ему, что я никогда не могу быть имъ доволенъ, если только онъ исполнитъ требованіе баксы. Сказавши это, я отвернулся отъ него и пошелъ въ кибитку. Я думалъ, что на брата подѣйствуетъ моя угроза, но жестоко ошибся. Мое отсутствіе было для него лишь разрѣшеніемъ; двѣ силы недолго боролись въ братѣ: любовь къ своему сыну поборола все, и онъ совершенно подпалъ подъ власть баксы.

„Втащили въ кибитку толстое полѣно, единственное во всемъ аулѣ, поставили его стоймя, связали ноги барашку и положили его на полѣно; работникъ сталъ на нужное ему мѣсто; сверкнулъ въ его рукахъ острый ножъ, — и темная кровь брызнула изъ двухъ шейныхъ артерій животнаго. Въ это самое мгновеніе баксы моментально посадилъ голаго ребенка въ тазъ подъ струю горячей крови. Бѣдный младенецъ испустилъ надрывающій сердце, пронзительный пискъ. Волоса у меня стали дыбомъ. Я вскочилъ на ноги и бросился къ ребенку. Но баксы, очевидно, зорко слѣдилъ за мной. Продолжая шевелить губами, онъ подмигнулъ сидѣвшему въ кибиткѣ дюжему парню, — и тотъ въ мигъ схватилъ меня за руку и посадилъ на мѣсто. Перестала идти кровь. Младенца завернули въ чистое платье и на нѣкоторое время оставили въ покоѣ. Распотрошили ягненка. Баксы собственноручно вынулъ легкія барашка и началъ ими бить ребенка по головѣ, по спинѣ и по чему попало.

„Кончилось мученіе. Баксы выбросилъ легкія изъ кибитки черезъ верхнее отверстіе (шангракъ), а ребенка велѣлъ укутать семью платьями. Утомленный до крайности, весь измученный ребенокъ, совершенно ослабѣлъ и уснулъ, бѣдный, тяжелымъ сномъ, или, лучше, впалъ въ совершенное забытѣ. А между тѣмъ всѣ ликовали, полагая, что палекетъ, очевидно, вышелъ, если больной почилъ такъ сладко. Окруженный душнымъ, спертымъ воздухомъ, очутившись подъ невыносимой тяжестью семи платьевъ, ребенокъ задыхался и потъ лился съ него ручьемъ. Я хотѣлъ немного облегчить его, но баксы чувствуя свою власть надо мною, пригрозилъ мнѣ, чтобы я не касался больного; въ противномъ-де случаѣ пери опять засядетъ въ немъ. При этомъ онъ, объяснилъ сидѣвшимъ въ кибиткѣ, что палекетъ, вышедши изъ кибитки, паритъ теперь надъ нею, дѣлая круги. Онъ долженъ сдѣлать семь круговъ, и если въ продолженіе этого времени ему не представится удобнаго случая влетѣть въ кибитку, то онъ уже навсегда оставитъ больного. Нужно, поэтому, всячески отстранить такіе случаи, при которыхъ палекетъ можетъ возвратиться, а именно невѣріе въ силу словъ противника палекета (т. е. въ силу словъ самого баксы), разладъ въ семействѣ, прикосновеніе къ больному чужой руки и т. п. Такимъ образомъ, какъ сразу было видно, баксы направилъ

свое оружіе на меня. Онъ передавалъ окружающимъ и другія свои истины, излагая ихъ въ переносномъ смыслѣ и намекая на меня же. Я сталъ проклинать баксы, говорилъ, что онъ противникъ Бога и что Богъ жестоко накажетъ его; наконецъ, погрозилъ ему. Но тутъ родитель больного сказалъ баксѣ твердымъ, самостоятельно-рѣшающимъ голосомъ: „бала-шаганынъ созуно карама, таксырь; бильге-нинди исте“. (Нечего, сударь, обращать вниманіе на слова молокососа; дѣлай, что знаешь). Ободренный такимъ тономъ моего брата, баксы разсѣялъ нашедшій на него минутный страхъ и уже болѣе не обращалъ никакого вниманія на мои замѣчанія. Я послѣ этого притихъ окончательно.

„Между тѣмъ, проходилъ день. Къ моему удивленію, больному стало значительно легче. Обрадованный удачей, баксы возымѣлъ намѣреніе поживиться отъ послушныхъ невѣждъ сладкимъ кускомъ. Думая, что завтра больной окончательно выздоровѣетъ, знахарь остался ночевать въ нашемъ аулѣ. Но не сбылись его надежды. Облегченіе больного было лишь временное. Какъ только почъ своею освѣжительною прохлагою сошла на степь, ребенку стало невыносимо тяжело; его бросало въ жаръ, и онъ стоналъ, какъ взрослый. Всѣ, кромѣ баксы, провели ночь напролетъ безъ сна. Вдругъ около полночи баксы закричалъ во снѣ неистовымъ голосомъ: „Ту-ать, ту-ать! Кокъ жалъ каскырь койга шабты!“ (Ату, ату! Сѣрогровый волкъ на стадо напалъ!). Какъ увидимъ послѣ, онъ кричалъ такъ не даромъ. Никто изъ насъ, убитыхъ горемъ, не обратилъ на крикъ баксы никакого вниманія. Лишь работникъ, сидѣвшій на полѣнѣ и раскладывавшій кизякъ, который горѣлъ въ ямкѣ и разгонялъ темноту, пробормоталъ себѣ подъ носъ: „иттин кылыб жатканын! (ахъ, что дѣлаетъ собака).

„Насталъ другой день. Когда всѣ собрались къ утреннему чаю, баксы началъ: „представьте, во снѣ я видѣлъ двухъ громадныхъ сѣрыхъ волковъ, которые, откуда ни возьмись, напали на ваше стадо. При немъ находился я. Увидѣвъ меня, волки поспѣшно бросились къ оставшемуся позади стада ягненку. Но тутъ я пустилъ въ нихъ своею палкою и прогналъ. Кажется я и кричалъ на нихъ; не слышно вамъ было!“ спросилъ онъ сидѣвшихъ; при этомъ ясно было видно, что онъ поретъ совершенную ложь, составленную имъ самимъ заранѣе. Всѣ утвердительно кивнули головами, но не сказали ничего. „Я объясняю свой сонъ такъ“, продолжалъ бакса: „стадо барановъ, это—ваше семейство, оставшій ягненокъ—вотъ этотъ хворающій младенецъ, сѣрые волки—его болѣзнь. Я пришелъ и помогъ младенцу освободиться отъ нея; не такъ-ли?“ Всѣ молчали и уже недовѣрчиво смотрѣли на обманщика. Всѣ были обмануты вчерашнимъ облегченіемъ ребенка, и теперь, когда ему стало хуже прежняго, у всѣхъ въ глазахъ общее сомнѣніе въ справедливости словъ баксы. „Эншалла жазларъ! буцай тусту бурунда коротунъ едимъ“ (Богъ дастъ выздоровѣть! Такіе сны я и прежде видывалъ), вставилъ баксы, желая поднять падавшій духъ родителей ребенка.

„Послѣ чая баксы объявилъ, что дѣло съ ребенкомъ еще не кончено. Всѣ вопросительно вперили въ него глаза... Я до сихъ поръ не могу безъ содроганія вспомнить этотъ страшный моментъ, когда невѣжда-обманщикъ сталъ, можно сказать, вынимать душу ребенка. И, дѣйствительно, онъ вынималъ или отдѣлялъ ее отъ тѣла и притомъ такъ медленно, что не только больному младенцу, но и здоровымъ взрослымъ становилось невыносимо тяжело... Больного взяли изъ зыбки. Баксы положили его спиною на колѣни матери, приказавъ держать колѣни стоймя, такъ что больной оказался подпертымъ снизу; весь онъ изогнулся въ видѣ дуги, но въ сторону противоположную естественной: животикъ его выступилъ вверхъ: руки, ноги и голова повисли внизъ. Въ такомъ невыносимомъ положеніи ребенокъ оставался довольно долго. Видно было, какъ вся его внутренность раздѣлилась на двѣ части и отъ того, что вся верхняя половина внутренности стремилась къ груди, сильно сдавливая нѣжную грудную перепонку, ребенку стало совершенно невозможно дышать: онъ задышался. Къ этому томительному мученію присоединились другія, еще болѣе жестокія. Пощупавъ животикъ больного, баксы сказали, что болѣзнь твердымъ комкомъ засѣла въ лѣвой половинѣ внутренности и что нужно разъединить этотъ губительный комокъ. Сказавши это, онъ присѣлъ на свои колѣни и мякотью своего большого пальца изо всей силы сталъ давить на указанный имъ комокъ. Ребенокъ сначала испустилъ крикъ, но потомъ не въ состояніи былъ и пошевелиться. Разъединивъ комокъ (что, по всей вѣроятности, были почки), баксы приступилъ къ дальнѣйшимъ операціямъ. Нужно сказать, онъ былъ и „каншы“ (т. е. пускающей кровь). Поэтому у него имѣлись снаряды для этого дѣла: совершенно тупые маленькіе ножички собственной работы, рожки, представляемые при кровопусканіи къ пораненіямъ, замѣнъ банокъ. Вотъ онъ положилъ ребенка навзничъ и серебряной монетой повернулъ у него на крестцѣ восемь разъ, на ладоняхъ по одному разу, на кистяхъ рукъ по два раза и на подошвахъ по разу; потомъ онъ приставилъ ко лбу ребенка тупой ножичекъ и, придерживая его лѣвою рукою, указательнымъ пальцемъ правой руки щелкнулъ по немъ. Тупое лезвіе ножичка глухо стукнулось о кожу, но не поранило ее, оставивъ лишь бѣлый слѣдъ на лбу. Дѣлая то же самое почти на всемъ тѣлѣ больного, баксы добился-таки результата: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пошла кровь...

„Къ вечеру баксы уѣхалъ. Не долго прожилъ и ребенокъ: черезъ пять дней по отъѣздѣ баксы онъ померъ. Надъ его головой я читалъ коранъ и горько плакалъ, не столько сожалея о самой потерѣ, сколько о ея преждевременности. Я страшился мысли, что, можетъ быть, еще долго-долго будетъ царить на моей родинѣ подобное невѣжество и обманъ“.

Заканчивая свою статью, не могу не упомянуть о болѣзни „тополянь“, или „секертне“, и объ обрядахъ, связанныхъ съ лѣченіемъ ея. Какъ видно было изъ предыдущаго, киргизы смотрятъ на болѣзнь, какъ

на вліяніе демона, злого духа, который вселился въ тѣло человѣка, чтобы его мучить. Животные не составляютъ исключенія изъ этого правила; они такъ же, какъ и люди, подвержены вліянію злого духа. Заболѣть-ли корова, баранъ или верблюдъ,—это значитъ, что ихъ коснулась нечистая сила; слѣдовательно, надо ее изгнать, пока она не овладѣла всѣмъ стадомъ. Бѣшенство верблюдовъ и собакъ также приписывается киргизами исключительно джиннамъ. У коровъ и лошадей джины производятъ головокруженіе и, по выраженію О. Нояркова, какую-то „болѣзнь въ мозгу“; употреблять въ пищу молоко такихъ коровъ не слѣдуетъ, иначе можетъ случиться „джиндылыкъ“ (сумашествіе). Заболѣвшаго „тополянномъ“ барана рѣжутъ, дѣлятъ на 12 частей и, сваривъ мясо, съѣдаютъ, кости собираютъ въ кучу и сжигаютъ; золу же отъ нихъ кидаютъ по направленію къ Меккѣ со словами: „Худай (Боже), пускай это будетъ первый и послѣдній случай заболѣванія тополянномъ!“¹⁾

О другихъ способахъ прекращенія эпидеміи тополяна, или секертне, въ Сарытургайской волости, Тургайскаго уѣзда, вотъ что сообщаетъ тотъ же А. Бушаевъ. Издохшаго барана кладутъ, не снимая шкуры, на спину вверхъ ногами, головою по направленію къ Меккѣ, и засыпаютъ землею туловище, причемъ ноги и голова остаются открытыми. Съ павшаго барана снимаютъ шкуру, которую набиваютъ сѣномъ и подвязываютъ въ кибиткѣ къ шангараку (верхъ кибитки). Если отъ трехъ предыдущихъ способовъ болѣзнь не прекращается, то употребляютъ еще слѣдующій способъ. Барановъ угоняютъ на ночь, лодъ присмотромъ двухъ или трехъ человѣкъ, на могилу святого, а если вблизи такой могилы нѣтъ, то на могилу человѣка, отличавшагося безукоризненною жизнью. Здѣсь рѣжутъ одного барана въ жертву Богу; между тѣмъ родственники хозяина угнанныхъ барановъ, въ секретѣ отъ него, подкарауливаютъ, садятся на коней въ числѣ 8—12 человѣкъ и, вооружившись пиками, саблями и ружьями, съ крикомъ дѣлаютъ нечаянное нападеніе на стадо барановъ, при чемъ стрѣляютъ изъ ружей холостыми зарядами и все стадо гонятъ къ аулу хозяина. Это дѣлается для того, чтобы напугать и изгнать изъ барановъ болѣзнь, такъ какъ, по понятіямъ киргизъ, „тополянь“ есть внѣдрившійся въ барановъ кара-джинъ или кара-шайтанъ. Отъ примѣненія такого способа болѣзнь тополянъ, будто бы, прекращается.

Угонъ скота на могилу какого-нибудь святого для изгнанія болѣзни практикуется и въ другихъ областяхъ киргизской степени; такъ напр.: въ Акмолинскомъ уѣздѣ²⁾, при появленіи чумы на рогатомъ скотѣ, „тополяна“ на овцахъ, язвы на лошадяхъ, киргизы весь скотъ угоняютъ на ночь на кладбище, гдѣ находится могила чтимаго ими или извѣстнаго своей набожностью и справедливостью человѣка. Около его могилы разводятъ большой костеръ, куда бросаютъ овчины и кости павшихъ отъ

¹⁾ А. Бушаевъ—Тургайская газета 1895 г. № 10. „Тополянъ“ въ Сарытургайской волости Тургайскаго уѣзда.

²⁾ О. Альджановъ. О суевѣрныхъ обрядахъ у киргизъ во время эпизоотій. „Киргизская степная газета“ 1895 г., № 48.

болѣзни животныхъ. Загорѣвшіяся шкуры привязываютъ къ шестамъ и ими пугаютъ животныхъ, гоняя ихъ по нѣскольکو разъ вокругъ кладбища и костра. Иногда кусокъ сырого мяса павшаго отъ болѣзни барана съ семью круглыми маленькими камешками завертываютъ въ тряпку. Этотъ узелокъ подбрасываютъ въ „котанъ“ (мѣсто стоянки аула) однихъ изъ сосѣднихъ ауловъ.

Если тополянь появится весною, то изъ стада выбираютъ только-что родившагося чернаго ягненка, котораго по нѣскольکو разъ водятъ вокругъ стада, обмазываютъ слюной больныхъ овецъ и оставляютъ его у какого-нибудь озера или рѣчки, куда другіе киргизы гоняютъ на водопой своихъ барановъ.

Между киргизами Нуринской волости, Акмолинскаго уѣзда ¹⁾, издавна существуетъ повѣрье, что можно оставить такую болѣзнь, стоитъ только достать черепъ какого-нибудь покойника, будь онъ родственникъ или чужой. Добытый черепъ слѣдуетъ закопать въ навозъ въ овчарнѣ. Послѣ этого, будто бы, болѣзнь совсѣмъ прекратится. Саткожу Бійбытову напомнили объ этомъ повѣрѣ, и онъ, не долго думая, рѣшился достать человѣческой черепъ. Бійбытовъ досталъ черепъ, принадлежащій Кошқару, отцу своихъ одноаульцевъ киргизовъ, — Кешпеса и Тайжана Кошқаровыхъ. Черепъ былъ зарытъ, куда слѣдуетъ. Существуютъ въ степи и другія повѣрья, которыя нерѣдко влекутъ за собою еще большее распространеніе повальной болѣзни.

По поводу обряда лѣченія болѣзни тополянь Оренбургскій мулла Мачіевъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Въ Туссунской волости въ богатой мѣстности, на лѣтовкѣ 6-го аула Туссунской волости, Тургайскаго уѣзда, имѣется весьма почитаемая могила Ханъ-Мола. Въ этихъ мѣстахъ, какъ говорятъ, былъ убитъ извѣстный въ исторіи Ханъ Абулъ (Малой орды). Киргизы думаютъ, что среди расположенныхъ тутъ могилъ находится и его могила, и поэтому одну изъ нихъ, на которой выросли деревья, называли „Ханъ-Молла“. Издалека киргизы ѣдутъ на поклоненіе сюда, чтобы избавиться отъ разныхъ болѣзней. Но еще чаще пригоняютъ сюда больной скотъ. Его располагаютъ по близости могилы, гдѣ онъ долженъ провести одну ночь. Дѣло иногда не обходится безъ баксы. Въ этой же Туссунской волости, если заболѣетъ скотъ, посылаютъ за баксой, который посмотрѣвъ стадо, указываетъ, въ чью сторону вселились джины, и, попросивъ кумысную чашку воды, выливаетъ ее по направленію скотины, одержимой джинами. Послѣ такого магическаго приѣма джины, будто бы, исчезаютъ.

1. Кастанье.

¹⁾ О. Альджановъ. — О суевѣрныхъ обрядахъ у киргизъ во время эпизотій. „Киргизская степная газета“ 1895 г., № 48.